

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР

Игорь Нехамес
(г. Москва)

БОРОДАТЫЕ БОГИ
Киноповесть*

*Прошел год.
Май 1987 года.*

Валентина Павловна (медленно водит Андрюшу по большой комнате): Сыночек, еще три шага и давай до шкафа дойдем.

Андрюша делает два шага и заваливается на мать.

Валентина Павловна (пытается шутить): Нашел подставку! Тебе уже одиннадцать лет. Пора бы маму на руках носить!

Андрей тяжело вздыхает. Пот выступил на лице. Нащупал левой рукой стул и присел.

Валентина Павловна: Тридцать шесть шагов прошли! Молодец, Андрюшечка!

Мальчик грустно улыбается.

Андрюша: Скоро учительница придет. За весь год будет у меня по предметам экзамены принимать за пятый класс. Целый год никто не приходил. Только учебники из школы выдали. Да программу обучения. А что Витюшечка не приходит? Наташа? Неужели забыли меня? Или знаясь бояться?

Валентина Павловна: Они тоже болеют. Как и многие другие ребята. В ваш класс перевели 18 новых детей из другого класса, который расформировали.

Андрей: Написал бы Вите записку, да рука не слушается. Что ты скажешь, мама?

Валентина Павловна (сдерживая тягостный стон): Что его зря беспокоить! Выздоровеет — сам в гости придет.

Андрюша (горестно вздыхает): Mam! Кто-то звонит в калитку!

Валентина Павловна пошла открывать.

В комнату вошла Анна Ивановна. Нарочито бодрым голосом сказала.

Анна Ивановна: Здравствуй, Андрюша! Ну что, сейчас поговорим, экзамены приму. А ты бодро выглядеть стал. То все лежал, а сейчас, смотрю, и ходить стал. Рубашки сам себе стираешь? Вон какую чистую и красивую надел!

Андрюша (улыбается): Нет, это мама постирала. Я после старого нового года немножко вставать стал. Сначала просто ноги опускал с кровати. Потом стал ходить. А сегодня уже тридцать шесть шагов прошел. Mamе 1 июня 36 лет исполняется.

* Продолжение; начало см. в № 2, 2017 «Приокских зорь».

Анна Ивановна подошла, погладила Андрюшу по голове. Мальчик заулыбался еще больше.

Анна Ивановна: Давай начнем с географии. По каждому из десяти предметов буду задавать по одному вопросу. Если не ответишь на какой, то второй вопрос задам по этому предмету. Согласен?

Андрюша (посерьезнел): Согласен.

Анна Ивановна: Существует четыре стороны света, Андрей. Это основа географии. При помощи какого прибора можно ориентироваться и как эти стороны света называются.

Андрей: Задание понял.

Анна Ивановна (улыбнулась): Ты с первого класса так говоришь, отвечая на все мои вопросы. Хочу поинтересоваться: почему?

Андрей: Это мой дедушка Михаил Валерьевич так говорил. Он же в партизанском отряде был на Брянщине. В конце войны даже комиссаром стал. Хотя ему было всего 23 года.

Валентина Павловна: Простите, что мешаю урок вести. Но у дедушки три ордена и медаль за войну были. Свекор уважаемый был человек. Жаль, прожил мало. 21-го года рождения.

Андрей: Разрешите отвечать?

Анна Ивановна достает школьный журнал, открывает раздел географии, готовится записывать.

Андрей: Прибор называется компас. А сторон света четыре: запад, север, юг, восток.

Анна Ивановна одобрительно кивает головой. Затем она задает вопросы по биологии, русскому языку, алгебре. Вопросы задает самые простые.

Мальчик старательно отвечает.

Анна Ивановна ставит оценки. Потом смотрит на Андрея. Видит, что он утомился и вид у него болезненный.

Анна Ивановна: Андрей! Поздравляю тебя с окончанием 5 класса. Я поставила тебе все итоговые оценки «отлично». Давай мне свой дневник. Я поставлю отметки за год. Ты перешел в шестой класс. Поздравляю!

У Валентины Павловны слезы умиления накатываются на глаза.

Валентина Павловна: Анна Ивановна! Милая вы моя! Огромное вам спасибо! Мы, честно скажу, даже не думали. И дневник на 1986—1987 год не купили. Но я вам обещаю, что дневник найду и принесу к вам в школу.

Анна Ивановна одобрительно кивает.

В это время в комнату входит отец Андрюши.

Валерий: О, гости! Гостям всегда рады. Какие вести принесли?

Валентина Павловна: Вот Андрюша сдал экзамены за пятый класс и перешел в шестой.

Валерий подходит к сыну. Обнимает его и целует. Все радостно улыбаются.

Андрюша просит положить его на диван. Мальчик сильно устал.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Что ж я такая нескладеха! Давайте хоть чаем напою. Тем более, что повод есть. Да я и трубочки с кремом испекла — как чувствовала.

Андрей закрывает глаза и затихает. Все тихонько выходят на кухню. Но перед тем как покинуть комнату, Валентина Павловна бросает взгляд на сына и замечает, что у него опять из носа начинается кровотечение.

Валентина Павловна опрометью бросилась к сыну, забыв попрощаться с Анной Ивановной.

Валентина Павловна: Андрюшечка, милый мой сыночек! Притомился. Сейчас-сейчас я тебя полечу! Вот и валик. Давай тихонечко положим под шею. Сейчас я капельки возьму. В носик закапаем. Терпи, сыночка!

Говоря эти слова, она действовала быстро и сноровисто.

Кровотечение через несколько десятков секунд прекратилось.

Муж Валерий и Анна Ивановна стояли в проеме двери и с волнением наблюдали за производимыми ею манипуляциями.

Андрюша задышал ровно, закрыл глаза и постепенно стал засыпать.

Валентина Павловна присела на краешек дивана и осторожно взяла правую руку сына в свои ладони. Ласково и осторожно гладила его по руке.

Мальчик заснул. Валентина Павловна медленно опустила руку сына на диван, встала, обернулась и приложила палец к губам — разговаривать нельзя.

Анна Ивановна согласно кивнула и постаралась бесшумно удалиться.

Валерий стоял в проеме двери и преданно смотрел на жену.

1 сентября 1987 года.

Андрюша решил пойти в школу.

Андрей: Мама, папа! Я уже шестиклассник! Пойду на линейку.

Родители переглянулись и Валентина Павловна утвердительно кивнула головой.

Валентина Павловна: Давай, сыночек, попробуем. Только пешком не пойдем. От дедушки осталась коляска с ручным приводом. Посадим тебя в нее, а папа аккуратно повезет. Договорились?

Андрюша расстроился.

Андрей: Мам! Но тогда подумают, что я полуинвалид. А я ведь здоровый, как ты говоришь, только сильно ослабевший за полтора года. Сама говоришь, что мясо нарастет — лишь бы дух был.

Валентина Павловна ничего не ответила сыну.

Валерий молча потрепал сына по плечу.

В 7:45 вышли из дома. Андрей сделал несколько шагов с крыльца, опираясь на поддерживающих его родителей. Аккуратно опустился в коляску.

Было солнечное первосентябрьское утро. Валерий встал сзади и взялся за ручки. С разных улиц к школе стекались учащиеся. Многие шли с родителями, в руках были цветы. Все, мимо кого проезжал Андрей, смотрели на него. Мальчик улыбался и не обращал на жалостливые взгляды внимание.

А Валентину Павловну коробили не столько жалостливые взгляды, но взгляды тех, кто старался не замечать ее сына и не приближаться к нему. Это брезгливое отношение она еле терпела.

Валентина Павловна (мужу, негромко): Видишь, брезгают Андрюшечкой! Стараются обходить его. Все боятся заболеть. Не дай Бог, конечно! Но некоторые ведут себя некрасиво.

К Андрею подбежала восьмилетняя Таечка, которая пошла в третий класс. Она звонко поприветствовала Андрея.

Таисия: Здравствуй, Андрюша! Вот ты в шестой класс идешь, а я — в третий! Поздравляю тебя с Днем знаний. А почему ты ножками не идешь?

Андрюша открыл глаза и посмотрел влево, на стоящую рядом с ним соседскую девочку.

Андрей: Здравствуй, Тая! Приходи ко мне, я тебе помогать учиться буду! А ножками я пока не иду, потому что болею. Но скоро выздоровлю и буду с тобой наперегонки бегать.

Таечка хотела пожать руку Андрею, но идущая рядом с ней бабушка ловко вы-

хватила у нее букет и передала девочке в другую руку, а сама схватила Таю за левую руку и потащила вперед. Она пробормотала что-то нечленораздельное, но Валерий распознал. Бабушка сказала: «Не трогай гнилушку, Тая! Все одно конец будет».

Валентина Павловна потемнела лицом. Валерий играл желваками и приостановил коляску. Андрей ничего не понял и оптимистично закричал вслед Тае.

Андрей: Встретимся на школьном дворе!

Тая повернулась к нему и от неловкого движения выронила букет цветов. Девочка хотела наклониться и поднять его, но бабушка упрямо тащила ее вперед.

Андрей попросил отца двигаться быстрее.

Андрей: Папа! Давай, букет подберем и Тае отдадим!

Валентина Павловна: Сынок! То, что упало, уже не поднимают. Если хочешь, отдай ей свой букет.

Андрей: Я же Анне Ивановне хотел подарить.

Валентина Павловна: Она и так будет рада видеть тебя. А если хочешь — сейчас постоим, а папа сбегает обратно, мы ведь недалеко отошли от дома, и соберет еще один букет. Согласен?

Андрей отрицательно покачал головой. Ему хотелось быстрее на школьный двор — принять участие в торжественной линейке.

Валерий (вздыхнул): Быстро поедем, Андрей? Или не спеша?

Андрей: Пап! Давай сильно спешить не будем, я хочу и своих товарищей по классу увидеть, чтобы поговорить. И тех, кто постарше, и совсем маленьких.

Они обогнали Таю с бабушкой. Бабушка настойчиво тащила Таю вперед, не обращая ни на кого внимание. Девочка буквально бежала за ней, чуть не плача. Андрей помахал ей рукой и Тая разулыбалась.

Заметив это, бабушка наоборот замедлила шаг. Тая удивленно посмотрела на бабушку, но перечить не посмела. Раз мама сказала слушаться бабушку и не баловаться, значит, так и должно быть.

Когда Андрей въехал в школьный двор и папа покатило его к очерченному прямоугольнику, где было написано «б А», то наступило молчание. Огромный школьный заасфальтированный двор — и полная тишина. Андрей еще не понимал, что произошло, потому радостно воскликнул.

Андрей: Анна Ивановна! Здравствуйте! Я вам цветы привез! Ребята, привет! Ого, сколько новеньких!

Анна Ивановна растерянно улыбалась и молчала.

Валерий аккуратно поставил коляску с сыном и замер в напряжении: их здесь не ждали. Здесь были только здоровые дети.

Андрей обратил внимание на то, что Анна Ивановна была в черном платке. Он еще не понимал, почему, но заволновался.

Кто-то из новеньких одноклассников беспечно ему сообщил: «С нами девочка Наташа числилась в классе, вот 25 августа она умерла».

Андрей застекленевшим взглядом посмотрел на мальчика и жестко ответил.

Андрей: Ты обманываешь!

Мальчик обиделся: Как же я обманываю, когда мы все по горсти земли в могилу бросали! Она после Чернобыльской аварии в школу не приходила. Только Анна Ивановна нам про нее рассказывала. Кстати, и про Витю Сумарокова рассказывала, который еще в прошлом году умер.

Андрей потрясенно огляделся вокруг и закрыл лицо руками.

Валентина Павловна не знала, что делать. С одной стороны, она хотела прикрыть сына от всех невзгод, с другой — понимала: течение жизни неотвратимо, а Андрею надо как-то приспособливаться к ней, потому что на всю жизнь его не убережешь. Между прочим, о смерти Наташи она узнала только что.

Андрей сидел, закрыв ладонями лицо. А все вокруг молчали. Неслышно подошла Анна Ивановна.

Анна Ивановна: Андрюша! Наташа тебе браслет из бусинок сплела. Просила передать. Только я вот еще не успела. Ты прости меня.

Андрей промолчал.

Инициативу взял на себя Валерий.

Валерий: Ну ладно, сынок! На торжественной линейке мы побывали, в школу нам пока не надо. Учебники и программы мама через несколько дней возьмет. А нам уже домой надо. Скоро медсестра придет — надо продолжать лечиться.

По лицу мальчика было видно, что он расстроился. Он молча махнул папе правой рукой, показывая направление.

Андрей протянул руку нескольким товарищам, чтобы попрощаться. Многие старательно избегали рукопожатия. Только один Сережка, который сидел впереди него за первой партией второго ряда, осмелился подать руку. Андрей благодарно пожал ее.

Анна Ивановна увидела это и на ее лице отразилась гримаса сострадания.

Андрей нарочито бодро сказал.

Андрей: Всем привет! Пятерок! Дружбы! А я поехал лечиться. Пап! Вперед!

Валерий пересек по диагонали школьный двор и выехал с него. Он шел медленно, с достоинством. Потому что вез самое дорогое, что у него было, — своего сына.

Валентина Павловна шла следом. Ее душили негодование и слезы. Но ради сына она сдерживалась и кивала направо и налево. Про себя же она думала: «Какие лицемерные люди! Как бояться всего! А мой Андрюша, мытый-перемытый, леченый-перелеченый, должен терпеть все это от окружающих!»

Когда вышла со школьного двора, она негромко сказала Валерию.

Валентина Павловна: Валера! А ты бы как поступил? Неужели наш сын недостойн, чтобы его поприветствовали?

Валерий чуть-чуть ускорил шаг, молчал и катил коляску. Уже возле дома он ответил жене.

Валерий: Лучше нам никогда не испытывать такое. Пусть дети живут как живут, но Андрюша наш, если все будет хорошо, никогда изгоем не будет. Это я могу тебе со всей ответственностью сказать.

Андрей смотрел молча перед собой и не слушал шепот-разговор родителей. Он был сильно растерян и переживал всю ситуацию.

Андрей (негромко, про себя): Со мной даже здороваться не хотят! Чем же я такой неполноценный?

Валентина Павловна услышала едва слышно произнесенные сыном слова и приободрила его, погладив по щеке.

Валентина Павловна: Сынок! И в нашем райцентре много недалеких людей. И хотели бы они, чтобы тебя среди них не было. Им это будет удобно. Но мы для них не сделаем этого. Ты обязательно поправишься. Вон как хорошо учишься! Мы еще всем им докажем, что они неправы. А у тебя все будет хорошо. Я это точно знаю.

Мальчик благодарно посмотрел на мать, взял ее левую руку и поцеловал. От избытка чувств Валентина Павловна расплакалась. Валерий стоял у калитки и молчал.

Через несколько минут заехали во двор, когда Валентина Павловна успокоилась. По ступенькам Андрюша поднимался, опираясь на родителей, очень медленно. Встал на одну ступеньку, помолчал, повздыхал. Потом встал на другую. Родители не торопили его. Все они думали об одном и страстно этого желали. Пусть судьба будет милостива к семье Наумовых.

К 10 часам утра пришла свекровь Матрена Николаевна с необычным известием.

Матрена Николаевна: Андрюш! Я немного запоздала к началу, а линейку еще

позже начали. Анна Ивановна что-то ответила директору, когда та стала на нее кричать. А она взяла и увела почти весь свой класс в школу. Я слова ее слышала: «Я от мешанства вашего устала и не хочу, чтобы дети это впитывали». Взяла колокольчик из рук первоклассницы, помахала им перед лицом растерявшейся директрисы, потом отдала колокольчик девочке и повела своих в класс. Некоторые говорят, что это из-а тебя, Андрюша. Правда?

Андрей (расстроено): Я Анну Ивановну осуждать не могу, но ведь у ребят праздник сорвался. Как бы ее не наказали.

Валентина Павловна охнула и увела маму-свекровь на кухню. Андрюша сел в кресло в большой комнате — идти в свою комнату дальше он не мог, так как сильно разволновался и устал.

Валерий вышел во двор и начал складывать коляску. Злорадства он не испытывал, потому что тоже был глубоко расстроен. Во всем он винил только себя: не предупредив Анну Ивановну и одноклассников, самовольно заявился в школу. Вот все так и получилось.

Валерий вернулся в дом, помыл руки и зашел на кухню.

Валерий: Анна Ивановна боец! Упорный человек! Многие ребята задумаются, правильно ли вели они себя со своим товарищем-одноклассником, нашим сыном. Было успокоившаяся Валентина Павловна подошла к мужу, прижалась к нему, приобняла и снова слезы выступили на ее глазах.

Мама-свекровь нравоучительно заметила.

Матрена Николаевна: Все, что в жизни не происходит — должно было произойти. А Андрюша все правильно поймет: иногда по жизни приходится идти и одному. И шаги надо ускорять. А другие пусть остаются сзади. Анну Ивановну увижу — спасибо ей скажу.

Валентина Павловна прошла в комнату. Андрей молча сидел, уставившись в одну точку. По выражению его лица ничего нельзя было понять: переживал он или равнодушно смотрел перед собой. Валентина Павловна присела возле него на диван и сторожко замолчала. Она сердцем поняла, что сына лучше не беспокоить.

4 сентября 1987 года. 15 часов.

Валентина Павловна с книгами — школьными учебниками и идущая с ней рядом Анна Ивановна зашли домой. Мальчик сидел в кресле в комнате и читал какой-то приключенческий роман. Вид у него был заинтересованный — чтение увлекло ребенка.

Валентина Павловна нарочито громко и с воодушевлением сказала.

Валентина Павловна: Андрюша! А мы к тебе с Анной Ивановной пришли! Я книги нес, а она — программу по всем предметам первой четверти. Вы нас, ваше сиятельство, примете?

Пока они заходили в комнату, Андрей улыбнулся, но потом сделал строгое лицо.

Андрей: Заходите, любезные. Барин примет вас!

И, продолжая важничать, добавил.

Андрей: Анна Ивановна! Как там ваши школьные дела?

Анна Ивановна: Хотели сегодня педсовет провести, да я сказала, что должна идти на дом к ребенку — к тебе, Андрюша! Обе завучихи со мной согласились, а директор вообще отменила педсовет. Подошла ко мне и сказала: «Все, что было — забыто. А я вела себя неправильно!»

А тут и Валентина Павловна пришла к нам. Мы взяли книжки в школьной библиотеке и пришли к тебе, Андрюша!

Андрей: А вы зря назвали меня «ваше сиятельство». Я тут анекдот прочитал про

физиков-ядерщиков. Так там написано: если ты находишься в пяти километрах или ближе от очага ядерного поражения, то к тебе надо обращаться «ваше сиятельство». Если в десяти километрах, то надо говорить «ваше святейшество», если находишься в двадцати километрах, то «ваше благородие». А если находишься в ста километрах или более, то надо говорить «ваше долготерпение». Вот я и терплю, Анна Ивановна. А вот к чему это терпение приведет — не знаю. Но пока вот получил от своих одноклассников — прежних и нынешних.

Мальчик тяжело вздохнул.

Анна Ивановна отвернулась, смахнула слезу. Потом повернулась к Андрею и спокойным тоном произнесла.

Анна Ивановна: Переживать не надо, Андрюша, а чем больше терпишь, тем ближе к выздоровлению. Думаю, что организм свое возьмет.

Валентина Павловна молча подошла к столу, достала учебники и положила их перед Андрюшей. Мальчик посмотрел на нее.

Валентина Павловна: Вот твои кирпичики знаний, чтобы подняться на шестую ступеньку, сыночек. Уверена, что ты все выучишь и запомнишь. Лишних знаний, Андрюшечка, не бывает.

Мальчик благодарно посмотрел на мать. Затем взял одну книгу, другую... И углубился в учебник по алгебре.

Женщины увидели, что он отвлекся и на цыпочках вышли из комнаты.

Валентина Павловна (в коридоре говорит Анне Ивановне): Раз ребенок увлекся — уже хорошо.

Анна Ивановна согласно кивнула в ответ.

25 ноября 1987 года.

Валентина Павловна достала спрятанный дневник, 12-ю книжку которого она ведет, и села записывать.

Валентина Павловна (пишет): Позвонила мне сегодня Тамара и сообщила, что ЦК КПСС поручил Минздраву начать работу по лечению пострадавших от Чернобыльской аварии. Необходимо взять на учет всех граждан из пострадавших областей России, Украины, Белоруссии и Молдавии, а особенно — детей.

В ушах Валентины Павловны все стоял голос Тамары: «Мой Витюшечка не дожил, официальный диагноз поставили, что умер от пневмонии, где-то недоглядели. Мало двигались, вот легкие и спались. Может, твой Андрюшечка счастливее будет».

Валентина Павловна задумалась над дневником. Затем решительно приписала: «Завтра звоню Агриппине Самойловне и будем жаловаться в Брянск — в облздравотдел. Пусть Андрюшечку ставят на спецучет в Брянске и лечат по-другому». «По-другому» она три раза подчеркнула жирной чертой.

Закрыла дневник, положила на него руки, упала головой на руки и бесшумно зарыдала.

15 февраля 1988 года

К семье Наумовых приехала спецкомиссия: пять докторов — все мужчины. Лица сумрачные.

Руководитель группы, представительный мужчина лет 50-ти: Решили начать с вас. Вы тут жалоб набросали и пишете, что вашим мальчиком никто, кроме районного педиатра, не занимается. Мы лечим всех.

Руководитель группы помялся и добавил: Кто живы.

Валентина Павловна бессильно опустила на стул.

Валентина Павловна (еле сдерживая гнев): А сколько семей освободили вас от лишних хлопот?

Руководитель врачебной группы (примирительно): Цифру мы вам не назовем, но из восемнадцати человек, стоящих в вашем райцентре на спецучете, у нас три действующих карточки. Приглашайте вашего мальчика.

Дрожь била Валентину Павловну. Она еле сдерживала себя, потому что ей было известно только о двух умерших — Витюшечке и Наташе.

В комнату вошел Валерий, увидел представительную делегацию и растерялся.

Валерий: Что-то случилось? Почему так много врачей пришло?

Валентина Павловна сумела перебороть свое волнение.

Валентина Павловна: Валера! У нас все хорошо. Сейчас Андрюшу покажем докторам, а потом они будут лечить по-новому и долечат.

Не поняв иронии, руководитель медицинской группы согласно кивнул головой.

Валентина Павловна пригласила Андрюшу.

Мальчик вышел в белой рубашке и в красном галстуке. Молча отсалютовал врачам. Мужчины заулыбались.

Андрей: К медосмотру готов.

В это время в комнату зашли две женщины. В руках у них были небольшие металлические ящички.

Руководитель медицинской группы: Ну что, боец-молодец! Раздевайся до пояса, будем тебя осматривать, записывать. Потом у тебя две наши клинические медсестры возьмут анализы прямо на дому. А через пять дней поставим тебе диагноз и назначим новое лечение.

Валерий: А я же езжу в специальную клинику в Москву, что в районе метро «Красногвардейская». Почти за два года уже восемь раз съездил, лекарства покупал.

Врачи удивленно переглянулись.

Руководитель медицинской группы: И чем же вы лечите сына?

Валерий достал упаковки с лекарствами. Тот заинтересованно все осмотрел, прочитал о назначенных процедурах и удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: А знаете, почему ваш мальчик до сих пор... (он сглотнул воздух, поняв, что может сказать лишнее, и вывернулся) успешно противостоит болезни и склонен к выздоровлению? Лечение назначено на очень хорошем уровне. Я приятно удивлен.

Андрюша разулыбался.

Андрей: Вот хорошо, что вы приехали. Мне в мае двенадцать лет будет. Пора бы уже и выздоравливать, чтобы, как все, в школу ходить, в любимый мною волейбол играть, помогать папе и маме скотину содержать, в огороде работать. А еще я учусь на все пятерки.

Врачи переглянулись, а Валентина Павловна с нежностью посмотрела на сына.

Руководитель медицинской группы: Давай, боец-молодец, я тебя послушаю.

Наступила тишина. Слушал он минуты четыре, обстукивал грудную клетку Андрюши, удовлетворенно хмыкнул.

Руководитель медицинской группы: Клавдия Ивановна! Садитесь записывать: легкие в норме, развитие организма лучше, чем удовлетворительно.

Валерий вышел из комнаты, чтобы не мешать осмотру.

Валентина Павловна застыла в углу и с благоговением смотрела на рассеявшихся по комнате врачей, к каждому из которых по очереди подходил Андрюша.

Медосмотр занял около двух часов.

Старенький врач, примерно лет под семьдесят, седой, невысокого роста, но с сильными руками, после осмотра живота Андрюши что-то стал говорить руководителю медицинской группы по-латыни. Тот покивал.

Изо всех слов Валентина Павловна разобрала только одно — холецистит. И еще

одну фразу: «На семьдесят процентов подавление функции». Старенький доктор добавил уже на общепонятном языке.

Старенький доктор: Еще пять—восемь процентов и будет показана операция.

Валентина Павловна не сдержала стопа отчаяния.

Руководитель медицинской группы (со страданием посмотрел на нее): Не надо, матушка, зря переживать! Скоро весна наступит. Давайте ребенку щавелевые супы, голубцы, куриную печень измельчайте и давайте. Обязательно по два грецких ореха в день. И самый животворящий сок на свете, который поднимет гемоглобин,— это гранатовый сок.

Валентина Павловна лихорадочно записывала за доктором. Каждое указание она воспринимала как провидение свыше.

Валентина Павловна: А куриную печень мы даем каждую неделю. Мы курочек держим для Андрюшеньки и ему даем.

Руководитель медицинской группы: Надо давать не реже трех раз в неделю. У вас на окраине Брянска есть птицефабрика. Не хватает своего материала — берите там, договаривайтесь. Мальчик растет, необходимо увеличивать полезное питание.

Андрюша вопросительно посмотрел на мать.

Валентина Павловна: Все выполним, все! Когда вы в следующий раз с медсотром приедете?

Руководитель медицинской группы довольно улыбнулся. Ему было приятно, что в семье Наумовых изо всех сил занимаются лечением ребенка и, возможно, воспаление желчного пузыря удастся ослабить, а то и вообще излечить. Организм-то молодой, растущий.

Пока у Андрюши брали анализы, потом врачи о чем-то спорили между собой, Валентина Павловна заслала в комнату мужа, чтобы был на подхвате, а сама стала готовить на кухне обед для врачей.

К ее огорчению, медики обедать отказались.

Руководитель медицинской группы: Вы, мамочка, на нас не обижайтесь! Мы не брезгуем и ничего не боимся. Но у нас есть этические нормы. Вот когда он полностью выздоровеет, тогда уж мы посидим! Может, вас и на коньячок дорогой разорим, и не на одну бутылку!

Валентина Павловна: Господи, на все пойду, лишь бы сынок выздоровел! А самого лучшего коньяка ящик куплю! У нас три кабанчика растут, продам — и куплю.

Руководитель медицинской группы покровительственно погладил ее по плечу.

Врачи ушли. Усталый Андрюша захотел лечь и уснул.

Валерий: Валь! Намного наготовила?

Валентина Павловна: Да дней пять есть будем!

Раздался шум отъезжающего автомобиля.

Валентина Павловна вздохнула: Скоро два года, как маемся! Но Андрюшу все равно на ноги поднимем!

Валерий согласно посмотрел в глаза жене. Они думали и действовали вместе, как единое целое.

Месяц сменялся месяцем. Андрюша уже самостоятельно, без посторонней помощи, выходил во двор, правда, сразу же усаживался на свою любимую скамейку. Сто-сто двадцать шагов — это была его норма.

Старался он выходить около двух часов дня в будние дни. Когда соседские ребята шли из школы.

Иногда к забору подходила третьеклассница Таечка и требовательно спрашивала.

Таечка: Андрюшенька! Ты написал мне изложение за третий класс?

Андрей молча улыбался и протягивал ей тетрадь.

Довольная девочка, залиvisto смеясь, убежала.

Андрей стеснялся самого себя, потому что от него исходил стойкий запах мази Вишневого. Если кожу головы и рук не мазать, то она начинала трескаться. И хотелось расчесывать — и так до крови. Каких-то полезных веществ в организме не хватало. А точный диагноз врачи поставить не могли.

Никто к Андрею в гости не стремился, а сам он не приглашал: знал, что все равно не придут.

На майские праздники Валентина Павловна решила сходить на кладбище. Могилы родителей проведать и на погосты Витюшечки и Наташи цветы положить.

Шли они вместе с Тамарой. Тамара немного подзапустила себя: стала выпивать, не всегда была причесана. Но Валентина Павловна не смела делать ей замечания — понимала подругу и сочувствовала ей.

Андрюша смотрел по телевизору какой-то фильм про войну. Валентина Павловна сказала сыну, что пойдет в магазин. Народ ручейками стекался к месту вечной памяти. Люди расходились по участкам.

Валентина Павловна и Тамара подошли к могиле Витюшечки, возложили цветы. Тамара присела на лавочку и застыла в немом покаянии. Она жива, а сын — нет.

Валентина Павловна машинально стала считать могилы. И вдруг в ужасе вскрикнула. На погосте «чернобыльских» детей, так называли в райцентре могилы умерших, она увидела еще одну могилу — совсем свежую. Там стояли люди, одетые в черное. Человек пятнадцать.

«Это Сема, из восьмого класса», — тихонько шепнула ей подошедшая Тамара.

Валентина Павловна подошла к скорбящим людям: Переживаю вместе с вами! Беда-то какая!

Мать Семена, еще не старая женщина лет сорока, в своем мрачном одеянии и после пережитого смотрелась старухой.

Тамара: Валь! А ведь пела в районном хоре, была солисткой! Как смерть сына ее согнула.

Женщина услышала шепот, но не поняла, о чем он. Узнала Тамару, Валентину Павловну. И скорбно кивнула.

Валентина Павловна вдруг почувствовала, что ее начинает как будто бы кружить, кружить и кружить. Она без чувств осела на землю и завалилась на бок, потеряв сознание.

Тамара закричала. Этот крик услышала Валентина Павловна и попыталась приподняться, но снова упала на землю.

Народ засуетился. Валентине Павловне оказали первую помощь. Влили в рот валерьянку, бережно отнесли ко входу на кладбище. Омыли лицо ключевой водой и дали попить.

Валентина Павловна пришла в себя, лежа на большой кладбищенской скамейке. Она осторожно, держась за рейки, присела и, почти ничего не понимая, смотрела вокруг, переводя взгляд с одного лица на другое, но никого не узнавая. Люди потрясенно молчали.

Приехала «Скорая помощь». Валентине Павловне сделали внутривенную инъекцию, а потом подкожно ввели ампулу папаверина. Через несколько минут сознание стало возвращаться к ней. Она даже вспомнила имя похороненного мальчика и тихонько произнесла.

Валентина Павловна: Восьмиклассник Семен. Как же тебя угораздило!

Крупный пот заливал ей лицо. Врач «Скорой помощи» терпеливо вытирал ей лицо салфеткой до тех пор, пока ей не полегчало.

Домой она приехала на машине «Скорой помощи». Сопровождала ее Тамара.

У калитки Тамара сказала.

Тамара: Все, Валюш. Дальше иди сама. Я во двор заходить после Витюшечки не могу.

Женщины обнялись. Тамара пошла к себе, не оглядываясь. Валентина Павловна несколько минут стояла, держась за калитку, а потом ее пронзила мысль и она сказала сама себе.

Валентина Павловна: Ой! Нужно же через десять минут Андрюшечке лекарство давать!

Медленно, подобно каторжанину, у которого на ноги надеты кандалы, она дошла до ступеней крыльца и, стараясь не шуметь, тихонечко поднялась и вошла внутрь. Дала Андрюшечке лекарство, налила ему гранатовый сок, дала шанежку, а потом, сославшись на усталость, ушла в свою комнату и без сил упала на кровать. Тут же заснула.

Андрюша заглянул в комнату, увидел спящую мать и тихонько закрыл дверь — пусть отдыхает.

В конце мая 1988 года к Андрюше вновь пришла Анна Ивановна. Ни о чем она его не спрашивала, только с надеждой произнесла.

Анна Ивановна: Андрюша! Ты приходи к нам осенью, первого сентября. Ты вон поправляться стал. Уже триста шагов проходишь.

Андрюша сумрачно ответил: Анна Ивановна! До школы почти два километра — я не дойду! Это мне еще года два надо, чтобы сил набраться! Иногда справа внизу живота болит. Да так, что по часу-полтора выдохнуть не могу.

Анна Ивановна: Взрослеешь, Андрюшечка! Верю, что ты все учил и знаешь. А может, и не по одному разу учебники прочел. Да и не только их. Валентина Павловна брала книги и для домашнего чтения.

Андрей согласно кивнул.

Анна Ивановна: Сейчас я в журнале пятерки поставлю. Ты переходишь в седьмой класс. Поздравляю!

Мальчик с одной стороны был доволен, а с другой — чувство досады не покидало его.

Андрей: После аварии в Чернобыле я оказался в клетке, потом постепенно стал ходить по всему дому. Сейчас, Анна Ивановна, и ко двору привыкаю, правда, родителям помочь не могу ни в огороде, ни в сарае. Даже курочек боюсь — как бы от них чем не заразиться. А они, нахальные, все лезут ко мне. Даже из вольера вылетают. Папа их гоняет. Но сетки нет, чтобы повыше сделать.

Мальчик грустно вздохнул.

Анна Ивановна перекрестила мальчика.

Анна Ивановна: Расширим, расширим стены твоей клетки! И не только до райцентра расширим, а до Москвы! А то и на весь мир.

Андрюша недоверчиво посмотрел на учительницу.

Андрей: Правду старики говорили: пока живешь — надейся!

Он перевел взгляд на стоящую рядом маму и увидел ее лучистые глаза.

Она была рада успехам сына и тому, что ему стало немного легче.

1 августа 1988 года.

Валентина Павловна только что проводила врачей из Брянска, которые проводили очередной осмотр Андрея. Прощаясь у калитки, руководитель врачебной группы негромко сказал Валентине Павловне.

Руководитель медицинской группы: За полгода мальчик прибавил два килограмма. Это очень несущественно. Но все-таки положительные изменения есть. Улучшилась жизнедеятельность щитовидной железы. Я ее оцениваю в 40—42 процента. Увеличился гемоглобин, хотя по сравнению с нормой все равно показатель низкий. Мне кажется, что мы топчемся на месте. Может быть, устроить его в Центральную московскую больницу, что у метро «Красногвардейская»? Может быть, там эффективно помогут?

Валентина Павловна: Его туда не возьмут, потому что он не ликвидатор Чернобыльской катастрофы. Там и так все койки забиты, рассказывал мне муж. Даже в коридорах лежат. А главврач свой кабинет освободил, чтобы еще лишние пять-шесть коек поставить, а сам в ординаторской уголок себе выгородил.

Руководитель медицинской группы: Наши возможности исчерпаны. Будем поддерживать, но прорыва я не чувствую. Не можем же мы дойти до той ситуации, когда в ваш райцентр уже и приезжать не придется.

Валентина Павловна вся сжалась: Простите, доктор! А никаких тревожных симптомов нет? А то вы сейчас так сказали...

Руководитель медицинской группы: Улучшения настолько микроскопические, что я ничего гарантировать не могу. Единственное — это стабильность очень низкого уровня. Думайте сами. Я тут слышал, что собирается какая-то коллегия Минздрава обсуждать очередные итоги. Может быть, вам попробовать?

Валентина Павловна достала тетрадку, и он продиктовал несколько телефонов и адресов.

15 августа 1988 года. Раннее утро.

Валентина Павловна едет в самом раннем поезде, который идет на Москву. В ее объемистой сумке ксерокопии медицинских документов сына: от первых симптомов, проявившихся во второй половине дня 27 апреля 1986 года, и по 1 августа 1988 года включительно.

Она не выспалась. Едет в общем вагоне, чтобы было подешевле, но бодрится, не спит. И про себя все время повторяет: «метро Кузнецкий мост». Спуститься вниз к Рахмановскому переулку. Министерство здравоохранения СССР. Я записана на прием к министру. Прием с четырнадцати часов. Мой номер третий. Спецочередь. Фамилия министра Чазов Евгений Иванович. Недавно назначен. Очень совестливый, доброжелательный человек».

Постепенно светает. По радиотрансляции звучит песня:

*Вместо беседы в купе
Я предпочту вспоминать.
Как, без мечты заглушев,
Удачу стал сухой сминать.
И только протяжный гудок
Поможет мне грусть отпустить,
Зазывность железных дорог
Проверена счастьем в пути.*

В это время поезд резко тормозит и раздается раздраженный голос машиниста: «Это кто там со стоп-краном балуется? Двери я никому не открою! А вот кое-что начистить могу!»

Валентине Павловне вдруг стало весело и она еле слышно прошептала про себя: Будет у меня счастье, будет!

Поезд медленно стал набирать ход.

13 часов.

Валентина Павловна заходит в главный вход Министерства здравоохранения СССР. Выглядит она простовато, охранник свысока оглядывает ее и говорит.

Охранник: Что вам надо, гражданка?

Валентина Павловна: Меня министр приглашал, встретиться хочет.

Охранник (не сдерживая смеха): Прямо к вам так с челобитной: приедьте ко мне на прием?

Валентина Павловна понимает, что над ней насмеются, и жестко говорит.

Валентина Павловна: Видите, мне пропуск выписали. Я хочу пройти в приемную министра!

Охранник тушует. Но пытается держать фасон.

Охранник: Еще рано! Ждите здесь! Да и министр еще не подъехал.

В это время в вестибюль заходят четверо мужчин и две женщины. Охранник подобострастно обращается к ним.

Охранник: Пожалуйста, товарищ министр! Пожалуйста, члены коллегии! Проходите! Приветствую вас!

Валентина Павловна по-детски придерживает дородного мужчину с интеллигентным лицом за рукав и полуспрашивает-полуутверждает.

Валентина Павловна: Извините меня! Вы и есть Чазов Евгений Иванович!

Мужчина поворачивается к ней и видит перед собой расстроенную взволнованную женщину.

Валентина Павловна видит, что он не раздражен, не высокомерен, а просто удивлен.

Евгений Иванович Чазов: Да, я и есть Евгений Иванович Чазов. У вас ко мне дело?

Сопровождающие его члены коллегии Минздрава добродушно улыбаются.

Валентина Павловна (волнуясь): Я к вам из райцентра Брянской области по направлению. Вот у меня пропуск. Вы меня примете? А то ваш охранник вон какой сурьезный! Говорит, что пока два часа не будет, никого не пропустит.

Валентина Павловна разнервничалась и чуть не плачет. Заметив это, Евгений Иванович участливо приобнимает ее за плечи и говорит.

Евгений Иванович Чазов: Пройдемте с нами. Чайку попьете. Историю свою расскажете.

Словно попав под его гипноз, Валентина Павловна послушно идет с ним и входит за ним в его кабинет.

Заседание коллегии Минздрава.

В приемной множество людей. Выходит строгий молодой мужчина лет тридцати и называет фамилии. Люди сменяют друг друга, а Валентину Павловну все не вызывают. Время уже пятый час вечера, а она полседьмого должна уже быть в поезде, чтобы ехать обратно. А еще надо попасть на Киевский вокзал.

Наконец вызывают и ее.

Евгений Иванович (обращается к членам коллегии): Товарищи! Мы сейчас ведем переговоры с несколькими странами и пытаемся скомплектовать группы наиболее тяжелых детей. Предлагаю в первую пятерку включить Андрея Валерьевича Наумова, 1976 года рождения. Ему поставлены следующие диагнозы, вызванные радиацией после Чернобыльской катастрофы...

Его с почтением выслушивают и единогласно голосуют.

Евгений Иванович Чазов (обращается к Валентине Павловна): У нас еще три человека на приеме, а потом вам выпишут документ. Копию мы пошлем в Брянск. Но вы еще проверьте сами, приедьте в облздрав. В нашей специальной аптеке выдадут лекарства. Так что хватит на полгода.

Валентина Павловна (ахает от благодарности): Как же я такого маленького куда-то за границу отпускаю!?

Евгений Иванович Чазов: Ну, матушка! Переживать не надо! Вылечим мы вашего брянского партизана! Здоровым будет! Еще на несколько дней пригласим в Москву, чтобы уточнить диагноз и подготовить все формы для иностранных врачей согласно утвержденной методике. А вы его будете сопровождать в столицу.

Валентина Павловна (вспоминает): Ой, у меня же поезд меньше чем через полтора часа. А мне еще надо до Киевского вокзала доехать.

Евгений Иванович Чазов: Давайте ваш билет! *(Вызывает помощника):* Поменяйте этот билет на вечерний поезд. Вот Вам деньги.

Валентина Павловна (едва не плача): Что вы, что вы! У меня свои деньги есть!

Евгений Иванович Чазов: Все, матушка! Разговор исчерпан! Ожидайте в приемной. Кстати, угоститесь там бутербродами и кофе. И ждите.

Помощник вернулся минут через сорок. Передал Валентине Павловне билет на вечерний поезд, отбывающий из Москвы около полуночи.

Валентина Павловна (всплескивает руками): Ой, меня же муж потеряет! Свекровь! Сын волноваться будет.

Помощник: У вас есть дома телефон? Назовите номер.

Валентина Павловна называет номер. Помощник тут же набирает номер и передает трубку Валентине Павловне. Трубку берет сын.

Андрей: Наумов Андрей Валерьевич у аппарата! Говорите!

Валентина Павловна (сладостно замирает): Сыночек! Это я. Я в Москве. Выеду поздно. Рано утром буду дома. Прими лекарства по графику, разогрей ужин. Пусть папа тебе поможет. И ложитесь отдыхать. Я буду утром около восьми часов. Сразу доберусь домой. У меня столько новостей!

Помощник министра, видя ее радость, улыбается.

Валентина Павловна передает ему трубку и взглядом благодарит.

Помощник: Пойду доложу министру, что его поручение исполнено.

Валентина Павловна благодарно смотрит ему вслед.

1 января 1989 года.

Валентина Павловна вместе с семьей и свекровью празднует новый год. Встает и говорит тост. В бокале у нее лимонад.

Валентина Павловна: За выздоровление Андрея! Пусть в наш дом вернется счастье!

Все чокаются сладкой газировкой.

Валерий: Двух кабанчиков забили. Осталось три кролика. Денег очень мало.

Валентина Павловна: После новогодних праздников пойду искать работу. Может, все-таки возьмут куда. Правда, профессия у меня тяжелая для трудоустройства. Была лаборантом на элеваторе.

На несколько минут замолкает.

Андрей: Мам! Ты любую работу сможешь делать! Папа говорит, что ты десяти-жильная. А бабушка на тебя не наладится.

Валентина Павловна выходит из-за стола, со спины обнимает маму-свекровь и сына, и слезы счастья текут по ее щекам.

Валентина Павловна: Раз утешаете, значит любите! Ни в ком из вас я никогда не сомневаюсь! А давайте споем наш «Железнодорожный вальс».

В четыре голоса затягивают:

А пассажиры живут:

В тундре, степи и лесах.

*Судьбы их рельсы завьют
В жизненный ход на часах.
Звуки часов и колес:
«Метр-секунда» отсчет,
Поезд в то место привез,
Как предсказал звездочет.
Припев: Вагонных колес перестук
Будто судьбы молоток,
Ритмично-загадочный звук
Сквозь рельс бесконечных моток.
Этот моток размотать
Не довелось никому.
Чтоб тайный стук разгадать,
Жизнь посвети полотну.*

Песня окончена. Все радостно смеются и аплодируют.

Матрена Николаевна: За новый год выпили. Подарки подарили. А сейчас давайте в лото играть. Я лотошница знатная.

Все смеются.

Февраль 1989 года. 6 часов утра.

Валентина Павловна складывает в пятнадцать судочков картошечку, лучок, по несколько кусочков колбаски, по ломтику хлеба и защелкивает пластиковые судочки.

Просыпается муж.

Валерий: Ты чего это с сумкой колдуешь? Куда собралась?

Валентина Павловна: Я расписание посмотрела. Между семью и десятью часами шесть поездов пройдут. Вот решила по полтора рубля торговать.

Муж (усмехается): Ну что, Валюшка! С почином. Я видел, как старушки на перроне торгуют.

Валентина Павловна, одевшись в телогрейку, валенки, накинув сверху белый платок-паутинку, вдруг говорит.

Валентина Павловна: Валер! У тебя на антресолях старая удочка лежит. Без лески и без крючков. Я, если чего, в окна стучать буду.

Валерий, жалея жену, забирается на табурет, находит удилище, складывает его и протягивает жене.

Валерий: Придешь, осмотришься, вытяни удилище и... давай!

Валентина Павловна благодарно целует мужа и выходит во двор.

Почти не светает. Ранний рассвет. Валентина Павловна Наумова идет на вокзал.

Без десяти семь утра. На перроне стоят только несколько старушек. Они с подозрением оглядывают Валентину Павловну, но ничего не говорят. Она выбирает место, встает.

Подходит поезд. Раздается голос дежурной: «Стоянка поезда 15 минут!»

Откуда-то еще появляются несколько женщин. Валентина Павловна подходит к седьмому вагону и стучит в несколько окон. Она берет пример с других женщин.

Несколько человек покупают у нее. В итоге сразу продала четыре судочка.

Мимо проходит какая-то бабушка, загребая ногами. Она явно хочет ударить по сумке Валентины Павловны. Валентина Павловна отодвигает сумку и бабушка, не вписавшись в вираж, начинает заваливаться набок. Валентина Павловна удерживает ее и беззлобно спрашивает.

Валентина Павловна: Что ж вы, бабушка, с утра-то? Нехорошо выпивать.

Старушка поворачивается к ней. Валентина Павловна видит совершенно трезвое лицо, злобное выражение которого вызывает у нее изумление.

Старушка: Что, Валюха! На перрон пришла? Деньги загребать? Быстро отсюда, сволота!

Валентина Павловна: Я вас не знаю, почему вы себя со мной так ведете? Где хочу, там торгую. Вам-то какое дело?

Старушка: Щас узнаешь, какое. И вдруг резво убегает от Валентины Павловны.

Проходят еще два состава. Валентина Павловна довольна. Продала уже одиннадцать судочков. Осталось четыре. Несколько раз вспоминала об угрозе бабушки и про себя улыбнулась: какая старушенция!

Вдруг ее кто-то сзади бесцеремонно дергает за локоть левой руки.

Неизвестный голос: Ты чего это чужое место заняла, поганка! Лабуду мне не разводи, а то сейчас промеж глаз дам! То, что накрала — твое. А с остальным мотай отсюда!

Валентина Павловна оборачивается и видит перед собой закутанное женское лицо. Женщина здоровая, крупная.

Валентина Павловна (думает про себя): Такая точно промеж глаз даст.

Вдруг ее лицо кажется Валентине Павловне знакомым. Неожиданно она видит смущение во взоре грубящей ей женщины. Еще мгновение — и женщина обнимает ее и буквально кричит от счастья.

Женщина: Валя! Кузнецова! Вожатая наша!

Этот звонкий голос знаком Валентине Павловне. Через несколько секунд и она восклицает:

Валентина Павловна: О, Люда! Из четвертого «Б»! Командир звездочки!

Несмотря на холод, они целуются и слезы счастья появляются у них на глазах.

Старушка, которая привела Люду для разборки, мгновенно исчезает.

Несколько старушек с огромным интересом наблюдают за ситуацией.

Людмила: Запомните, бабки! И всем передайте по сменам! Здесь Валя всегда будет торговать, когда захочет. В любое время и в любой день. Все понятно?

Одна из бабушек покорно и льстиво: Мы все уразумели, Людуха! А ее мальчишку знаем, и ее тоже. Который от радиации все мучается-то и до сих пор не помирает.

Лицо Валентины темнеет от обиды. Но она не успевает ничего сказать, вмешивается Людмила.

Людмила: Попридержите язык, старперки! А то щас быстро выкину отсюда!

Она успокаивающе гладит Валентину варежкой по щеке, смахивая выступившие слезы.

Людмила: Валь! Сколько уж мы с тобой не виделись, как ты школу кончила?

Валентина Павловна: Люда! Я десять классов кончила, а ты в седьмой перешла. Потом уж я уехала в Брянск, учиться на лаборанта в техникум хлебобулочной промышленности. Проучилась десять месяцев, устроилась на элеватор. В 24 года замуж вышла. Заочно училась в Москве, в Пищевом институте. На третьем курсе взяла академический. Потом вот Андрюшу родила. Да-а! Почти двадцать лет прошло.

Женщины снова обнялись.

Валентина Павловна: А ты как, Люда?

Людмила: А я, Валя, после восьми классов в ПТУ пошла. В 18 лет двойняшек родила. Сейчас им по пятнадцать лет. Свекор-то у меня начальник станции. Вот я тут как бы и пристроилась. Он не знает, что я потихоньку шабашу — старушки мне подплачивают, а я их охраняю. Жить-то надо. Работы нет. А так — рублей 100—120 в месяц набегает. Если чё — свекор всегда мне защита. Правда, ему через два года шестьдесят будет. Вот бы еще потрудились. А то спихнут — молодые вон какие!

В этот момент подошел еще один поезд. Людмила, задорно свистнув, кричит выходящим пассажирам.

Людмила: Эй, братва! Налетай! У Валюхи покупай! Съешь судочек — будешь сыт часочек.

Валентина смеется, услышав такую присказку. А пассажиры, несмотря на морозец, начинают делать покупки.

Валентина Павловна: Люд! У меня сумка пустая. Пойду домой. Сейчас сын проснется. Мужа покормлю.

Людмила: А, пошли домой (*машет рукой*).

Идут до перекрестка. Валентине Павловне надо налево, а Людмиле — идти прямо. Откуда ни возьмись, появляется злобная старушка. Она виновато смотрит на Валентину Павловну и говорит.

Старушка: Валюх! Ты не серчай на меня! Я ж не знала, что ты Людмилу воспитывала в детские годы!

Валентина Павловна и Людмила смеются.

Людмила (примиряюще): Это бабушка Казакова. Ей 75 лет. Она с твоей свекровью соседствует. У них огороды рядом. Все злится на всех. Одинокая. Мне ее жалко. Когда-то она была учительницей начальных классов у моего свекра. Мы не возражаем — пусть приторговывает.

Старушка заискивающе кивает Людмиле.

Валентина Павловна предлагает: Люд! А помнишь, как мы всегда прощались на этом перекрестке, когда со школы шли после уроков или классного часа?

Людмила улыбается. Они обе сгибают руки, прикасаются, в виде салюта, и хором говорят: Комсомольско-пионерская дружба нерушима!

Со стороны это смотрится необычно, но женщины не обращают на это внимание — им хорошо!

Валентина Павловна шла домой счастливая, во всем теле ощущала легкость, несмотря на хмурый морозный день. Возле калитки своего дома она увидела женщину средних лет, одетую в старомодное пальто с узким песцовым воротником. Из-под каракулевой шапки выбивались рыжеватые волосы.

Это была Люсьена, жительница города Шуя Ивановской области. Женщины, почти ровесницы, поприветствовали друг друга.

Валентина Павловна: Давно ждете? Я только когда вас увидела, вспомнила, что мы договорились о встрече.

Люсьена: Да минут пять-восемь. Зазябнуть еще не успела. Но я в звонок не звонила, как вы и сказали, чтобы сына не тревожить.

Валентина Павловна благодарно кивнула.

Зашли в дом. Валентина Павловна помогла Люсьене занести объемистую сумку на колесиках. Люсьена зашла на кухню, немножко отогрелась. Валентина Павловна угостила ее чаем с домашними пирожками.

Люсьена радостно сообщила: Вот вам четыре комплекта постельного белья отдам, потом доберусь до перрона, оставшиеся три сторгую — и домой! Дочек-близняшек уже пять дней не видела, соскучилась очень!

Валентина Павловна: А на каком поезде в Москву поедете?

Люсьена: На двухчасовом проходящем, если все успею распродать.

Валентина Павловна (энергично взмахивает рукой): Люсьена, я у вас все семь комплектов возьму. Мне сегодня приработок подоспел. Деньги руку жгут.

Люсьена благодарно заулыбалась.

Женщины несколько минут пили чай.

Валентина Павловна: Как-никак, вы — моя палочка-выручалочка на протяжении

почти трех лет. Если бы я в магазине покупала — разорилась бы. А у вас не только в полцены, да еще и домой привозите.

Люсьена: Люди должны идти друг другу навстречу. А нам уже два года на работе почти всю зарплату постельным бельем выдают. Вот я две недели тружусь у станка, а потом две недели продаю. Дети меня урывками видят. А близняшкам-то моим уже пятнадцатый год идет — самый возраст переходный. Следить надо, чтоб девчонки правильными выросли.

Люсьена поблагодарила, оделась и вышла. А Валентина Павловна стояла у окна, смотрела ей вслед, пока та закрывала калитку, и сказала негромко сама себе.

Валентина Павловна: Что-то неправильно в нашей стране. Как бы не развалилось государство. Везде люди живут трудно, с надрывом. Вечно так продолжаться не может. У меня одно горе, у Люсьены — другое. Все, что создаем, сами же и продаем. Какое-то натуральное хозяйство в государстве. Каждому рублю радуешься. А заработать не дают.

Вдруг она услышала нечеткие шаги за спиной. Обернулась. Из своей комнаты вышел Андрюша.

Андрей: Мама! А где ты была так долго? Я уже встал, зарядку сделал, позавтракал, посуду помыл. Немного учебник почитал по географии, потом решил отдохнуть. А вот слышу, что ты с кем-то разговариваешь — подумал, что это бабушка наша с богомолья вернулась.

Валентина Павловна (с любовью глядя на сына): Сынок! Я смотрю, ты уже сам уверенно ходишь. Значит, здоровья в тебе прибавляется. А бабушка вернется с богомолья только через три дня. Все просит Господа, чтобы тебе полегчало и ты выздоровел.

Сын прижался к матери, она с горечью заметила, что он почти не вырос, хотя ряд его ровесников в райцентре уже почти вровень с ней. А Андрюшечка ей даже до подбородка не достает.

Андрей: Мам! Пойду к себе в комнату. Через десять минут кинофильм хороший начнется по телевизору. Нет, сначала похожу по квартире, а то всего сто шесть шагов с утра прошел.

Он пошел в коридор, потом на кухню, потом вернулся обратно в большую комнату, затем прошел в комнату родителей, потом — в свою. И так сделал несколько раз. Валентина Павловна внимательно следила за ним и беззвучно шевелила губами.

Андрей: Мам! Сколько шагов насчитала?

Валентина Павловна: К тем твоим еще восемьдесят три.

Андрей: Мам! Ошиблась! На два меньше. Не сто восемьдесят девять шагов, а сто восемьдесят семь. Но я за день теперь уже четыреста шагов прохожу.

Довольная упорством сына, Валентина Павловна поцеловала его в щеку. Мальчик зарделся от удовольствия. Подобный знак внимания был ему очень приятен.

День шел за днем, неделя за неделей. Валентина Павловна не меньше двух раз в день без выходных ходила к поездам. Материальное положение немного поправилось.

Вернулась с богомолья бабушка. И два раза в неделю, по средам и пятницам, приходила к ним домой, усаживала Андрюшу на стул и ходила вокруг него, что-то нашептывая. Время от времени к его ногам она бросала гречишную шелуху.

Андрюша терпеливо сносил бабушкины действия.

Как-то он сказал маме.

Андрей: Мам! Бабушка же тоже старается ради меня. И верит в это. А может, и правда, есть какие-то потусторонние силы, которые плохое у меня заберут, а хорошим мою душу наполнят. Я хоть и пионер, но тоже верю в Бога.

Валентина Павловна (вздыхнула): Андрюшечка! Понемногу, правда, очень медленно, но судьба поворачивается к нам лицом, а не спиной. Вот и работа у меня появилась постоянная, и Люду подшефную встретила, и у тебя, слава Богу, кровотечный уже полгода нет. И ходить ты стал все больше. А в приворотях сила божественная есть. Видишь, бабушка с одного богомолья, да на другое — тебе здоровье вымалывает.

Андрюша согласно кивнул матери.

Андрей: Мам! Я тебе обещаю, что к 1 сентября буду тысячу шагов делать.

Мама доверчиво покивала сыну.

25 апреля 1989 года. 10 утра.

В доме Наумовых раздался телефонный звонок.

В соответствии с негласной семейной договоренностью к телефону всегда подходила Валентина Павловна. А в этот раз она замешкалась на кухне, и трубку взяла Валерий. Он послушал минуту и сказал.

Валерий: Хорошо. Завтра она обязательно будет.

В комнату вошла Валентина Павловна, вытирая о передник руки.

Валентина Павловна: Валера! С кем это ты разговаривал? Куда это я должна придти? Что-то тревожно мне стало.

Валерий: Тебя приглашают в районный комитет партии, к первому секретарю товарищу Баклажкину.

Валентина Павловна: Баклажкин-Баклажкин... А не Сергей ли?

Валерий: Я не знаю имени. Со мной говорила женщина с неприятным резким голосом в ультимативной форме. Сказала, чтобы ты взяла с собой паспорт.

Валентина Павловна: Хорошо. Я пойду завтра. Но времени-то у меня будет мало, потому что в полпервого я уже должна буду кормить обедом Андрюшечку.

Валерий: Я с сыном посижу — вдруг ты задержишься. А ты походи пораньше — может быть, раньше пригласят.

Валентина Павловна (грустно усмехаясь): Может, мне райком партии работу нашел? А то я уж три года безработная. Или кто-то меня на перроне увидел, застыдился. А я довольна своей жизнью. Главное — сына поднять.

26 апреля 1989 года.

По улице райцентра идет Валентина Павловна. Несколько знакомых кивают ей и стараются побыстрее пройти мимо, не сближаясь.

Валентина Павловна (говорит негромко сама себе): Да-а! Видно, я какая-то прокаженная! Люди-то меня избегают. Только в магазине одна продавщица тетя Лера всегда говорит: «Какие деньги от кого только в руки не брала, а все живу и здоровею».

Валентина Павловна представила перед собой продавщицу — крупную женщину килограммов под 100. Невысокую, но очень жилистую. Она легко поднимала тридцатикилограммовые ящики с трехлитровыми банками огурцов.

Незаметно дошла до райкома партии. Охранником оказался сосед Василий — мужчина лет 45 — жил в доме наискосок. Поулыбались, раскланялись. Затем для порядка Василий сказал.

Василий: Документы ваши проверил, поднимайтесь в приемную на второй этаж.

Едва Валентина Павловна сделала несколько шагов по лестнице вверх, как появилась какая-то худая крашенная блондинка и недовольно сказала охраннику.

Блондинка: Пусть посетительница подождет — внизу постоит. А без трех минут одиннадцать пусть поднимается наверх.

Валентина Павловна растерялась: так пренебрежительно с ней никто никогда не

говорил. Она почувствовала себя здесь ненужной. Но помощь неожиданно пришла от Василия.

Василий: Уж не обессудьте, Екатерина Станиславовна! Вы — начальник канцелярии, помощник первого секретаря райкома партии. Но если я человека уже пропустил, то он должен пройти и сесть в приемной — ожидать. Да и осталось ожидать всего пятнадцать минут. А здесь у входа — ни стула, ничего. Что ж мы людей-то не уважаем.

Женщина что-то недовольно буркнула и быстро поднялась по лестнице, скрывшись в коридоре.

Валентина Павловна благодарно улыбнулась Василию. А он, в свою очередь, одобряюще кивнул ей: мол, какими бы ни были люди, а мы — соседи, друзья на всю жизнь.

В приемной молоденькая девушка-секретарь сконфуженно улыбнулась Валентине Павловне. Она ее знала. Это была Танечка, которая в прошлом году окончила школу, принимала ее Андришечку в пионеры. Танечка, насколько помнила Валентина Павловна, поступила в Брянский пединститут на заочное отделение и заканчивала первый курс.

Валентина Павловна: Танечка, здравствуй! Как учеба? Скоро на сессию?

Танечка (разулыбалась): Садитесь на диван, Валентина Павловна — там вам будет удобнее. А с учебкой у меня все хорошо. первую сессию сдала на одни пятерки. В конце марта ездила на установочную — на 10 дней. Жила в общежитии, мне все понравилось. И вот второй семестр заканчиваю.

В приемную вошла крашенная блондинка. Она высокомерно обратилась к секретарю.

Блондинка: Татьяна! С посетителями нельзя разговаривать, можно только отвечать на вопросы, относящиеся к приему. Я делаю вам замечание.

Валентине Павловне стало неприятно, что она невольно подставила Танечку. Но Татьяна сама могла постоять за себя.

Татьяна: Екатерина Станиславовна! Согласно штатному расписанию, я непосредственно подчиняюсь только первому секретарю райкома партии товарищу Баклажкину Сергею Поликарповичу. Поэтому прошу замечания мне не делать.

Блондинка: Хорошо. Вам сделает замечание сам первый секретарь.

Она на негнущихся ногах, цокая высокими каблуками, прошла, бесцеремонно открыла дверь.

Через несколько секунд в приемную вышел Баклажкин. Посмотрел презрительно на Татьяну и сказал.

Баклажкин: Не смейте ссориться с сотрудниками. Тем более, что они старше вас по возрасту. Я указываю вам на ваш промах.

Валентина Павловна встала с дивана и сделала несколько шагов навстречу Баклажкину, стремясь затушить неловкую ситуацию.

Валентина Павловна: Здравствуйте, Сергей! Я надеюсь, вы меня помните — мы учились в параллельных классах.

Баклажкин отлично помнил Валентину Павловну, но нужно было держать фасон. Он повернулся в ее сторону и сказал.

Баклажкин: Здравствуйте, посетительница! Через три минуты прошу вас пройти ко мне в кабинет.

Потом повернулся и гордо прошествовал к себе, прикрыв обе двери.

Татьяна весело посмотрела на Валентину Павловну и прыснула.

Татьяна: А все-таки замечание сделал! Знает, какая у нас Екатерина Станиславовна! Из ничего может скандал раздуть.

Валентина Павловна подмигнула ей, потом посмотрела на часы и пошла открывать дверь в кабинет первого секретаря. На мгновение задержалась и прочитала претенциозную табличку на двери: «Коммунистическая партия Советского Союза. Баклажкин Сергей Станиславович, первый секретарь районного комитета Брянской области, РСФСР».

Танечка едва не рассмеялась.

Танечка: Валентина Павловна! Раньше вообще была другая надпись. Только фамилия, имя и отчество. А как Баклажкина два года тому назад избрали первым секретарем райкома, так и начали внедрять всякие причиндалы: трехцветные номерные бланки, поменяли таблички, купили две новые «Волги». Он же у нас еще одновременно и районный совет возглавляет. Многодолжностный руководитель. Валентина Павловна! Вы с ним поосторожней! Говнистый мужичонка!

Валентина Павловна: Да я его еще по школе знаю! Тот еще был карьерист. С ним в классе даже ребята почти не дружили — так, общались... А он, будучи секретарем комитета комсомола школы, каждый раз какие-то мероприятия придумывал. И все пустое, зато он был впереди и всегда открывал.

А слова-то какие были: симпозиум, конференция, молодежный семинар. До четырех-пяти вечера из школы не уходили.

В это время часы в приемной стали бить. С одиннадцатым ударом Валентина Павловна зашла в кабинет Баклажкина.

Он предупредительно вышел к дверям, первым протянул ей руку и отеческим тоном произнес.

Баклажкин: Здравствуйте, Валентина! Лет двадцать не виделись после окончания школы. Так, иногда промелькнете где-то — и все. Я не захотел при секретаре показывать, что мы знакомы.

Валентина Павловна, еле сдерживаясь: А вот посторонняя дама здесь. При ней можно?

Баклажкин растерялся. И недовольным тоном произнес.

Баклажкин: А вы по-прежнему такая, как и в школе. Если что не так — то сразу правду-матку режете. Но надо уметь приспособливаться, Валентна Павловна! Присаживайтесь, пожалуйста!

Он указал ей место за большим столом, а сам демократично устроился напротив. Через два стула от него сидела помощник первого секретаря.

Баклажкин: Теряетесь в догадках, почему я вас пригласил, Валентина Павловна?

Валентина Павловна внимательно посмотрела на него.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Понятия не имею и ни о чем не думала.

Баклажкин обиделся.

Баклажкин: Ну, раз вы так официально, то и мы будем официально.

Он испытывающе посмотрел на Валентину Павловну, думая, что своим взглядом смутит ее. Но она спокойно смотрела на него.

Баклажкин продолжил: Тут нам в очередной раз из обкома партии позвонили. Вы все письма в разные инстанции пишете. Наш район по этому показателю считается неблагополучным. Я понимаю, что у вас в семье драма, ребенок на последнем издыхании, но это не дает вам право подводить район. Общественное нужно ставить выше личного. А вы даже в ЦК партии написали о том, что вашего сына плохо лечат и не могут излечить.

Валентина Павловна: Вцепилась бы я в твою цыплячью шею, Баклажкин! И выгрызла бы твой кадык! Но не буду этого делать. А дома у меня не драма, а сложная ситуация. И сын у меня не на последнем издыхании, он выздоравливает, но очень медленно. Как вам не стыдно!

В разговор вмешалась Екатерина Станиславовна.

Екатерина Станиславовна: Вы хоть понимаете, где вы находитесь? Это райком партии, а не лавочка, где люди могут сцепиться друг с другом. Ведите себя соответственно.

Валентина Павловна вспомнила предупреждение Танечки и даже не повернулась в сторону говорившей. Чтобы не разнервничаться, она внимательно посмотрела на галстук Баклажкина, отметив про себя, что узел завязан безупречно. Два раза вздохнула и обратилась только к нему.

Валентина Павловна: Сергей Поликарпович! Вы меня пригласили проработать? Так я не член партии. Я сейчас встану, повернусь и уйду. А если вы меня пригласили поинтересоваться, какие у меня трудности, то я могу продолжить с вами беседу. Но только один на один. Мне посторонние здесь не нужны.

Баклажкин (разозлившись): Я вас пригласил сюда как жительницу нашего района. Вы пытаетесь дискредитировать общественность и район в целом своими жалобами. Я предлагаю вам прекратить это.

Валентина Павловна (гневно): Товарищ первый секретарь райкома партии! Я никому не жалуюсь. Я обращаюсь только в органы здравоохранения, а также в партийные и советские организации, которым необходимо взаимодействовать с медицинскими учреждениями. Я не жалобы пишу, а заявления. Чтобы к моему ребенку было надлежащее внимание.

Баклажкин побарабанил пальцами правой руки по полированной столешнице.

Баклажкин: Значит, вы признаете, что вы обращались в разные организации? И сколько раз это было?

Валентина Павловна (еле сдерживая возмущение): Сегодня как раз три года со дня чернобыльской катастрофы. До сих пор нам многое не сказано. Все обещают направить детей за границу на лечение. То договориться не могут, то валюты нет. То еще что-то придумывают.

Баклажкин (перебивает ее): Но ваш-то ребенок пока жив! Терпите.

Валентина Павловна: Что я должна терпеть? Чтобы он остался инвалидом на всю жизнь и не мог обслуживать со временем и сам себя?

Баклажкин: Ему же присвоили вторую группу инвалидности и платят шестьдесят девять рублей в месяц. Вам что, мало?

Валентина Павловна, уже не сдерживая себя, ложится грудью на стол и приближается к Баклажкину. Он в испуге отшатнулся.

Валентина Павловна: А ты знаешь, Серега, сколько стоят лекарства в месяц? А ты знаешь, что я каждые два дня кормлю ребенка куриной печенью? А ты знаешь, сколько стоят массажи, через два дня на третий — по три рубля пятьдесят копеек плачу за каждый. А ты знаешь, сколько постельного белья нам пришлось поменять? А ты знаешь?..

Она не договорила и раскашлялась.

Баклажкин положил ладонь на стол, хлопнул два раза.

Баклажкин: Не нервничай, Валентина! Давай договоримся раз и навсегда. Ты больше жалобы не пишешь, а мы пришлем к тебе еще раз районного педиатра и, кстати, ты ходишь торгуешь — тебя же можно привлечь за самовольную торговлю.

Валентина Павловна (встала): Я буду делать то, что считаю нужным. Я ничего не нарушаю. А вам должно быть стыдно. Вы же первый секретарь райкома партии, а о людях совсем не думаете. Когда мой сын выздоровеет, я подойду к вам и публично плюну под ноги. Вы не тот человек, который должен находиться на этой работе.

Баклажкин вытаращил глаза и с изумлением снизу вверх смотрел на Валентину Павловну.

В это мгновение из кабинета выскочила Екатерина Станиславовна, затем выбежала из приемной в коридор, перегнулась через перила и истошным голосом завопила.

Екатерина Станиславовна: Василий! Василий! Избивают первого секретаря райкома партии! Помогите! Милицию вызовите.

Через десяток секунд в кабинет вбежал Василий. Растерянный Баклажкин сидел на стуле, а через столешницу от него стояла Валентина Павловна и что-то гневно говорила.

При виде охранника Баклажкин приосанился. Встал, прошел по кабинету за свой стол и сказал.

Баклажкин: Валентина Павловна! Я понимаю ваше материнское сердце! Я вам искренне сочувствую. Но, пожалуйста, пусть эта беседа не пройдет для вас бесследно. Потому что наше терпение может быть долгим, но не безграничным.

Валентина Павловна молча вышла из кабинета. Слезы стояли у нее в глазах. Танечка привстала со своего места, но не успела ничего ни сказать, ни сделать. Валентина Павловна стремительно спускалась по лестнице.

Перед тем как выйти и открыть дверь, она услышала со второго этажа визгливый голос Екатерины Станиславовны.

Екатерина Станиславовна: Хамка! Сволочь! Как ты посмела угрожать первому секретарю райкома партии! Мы тебя под товарищеский суд отдадим.

Валентина Павловна посмотрела на часы. Было около полудня. Она быстрым шагом пошла к остановке автобуса, чтобы успеть вовремя доехать до дома. Она ни на мгновение не забывала о сыне. А в 12:30 надо было давать очередные таблетки, а затем кормить его обедом. Она помнила слова Евгения Ивановича Чазова: «Валентина Павловна! Только безупречная дисциплина по соблюдению режима поможет содействовать выздоровлению вашего ребенка. Помните, пожалуйста, об этом! Все лекарства давать, производить процедуры в строго установленное время и обеспечивать надлежащее питание. Чего бы это вам не стоило и какие бы затраты вы не несли».

Перед тем, как войти в дом, она достала платок, вытерла лицо и стерла помаду с губ. Сын ничего не должен видеть и чувствовать. С ним всегда его преданная любящая мать.

26 мая 1989 года.

В гости к Наумовым пришла принаряженная Анна Ивановна. Родители и Андрей собрались в гостиной. Матрена Николаевна хлопотала на кухне, готовя праздничный обед.

Анна Ивановна: Андрюша! У меня для тебя три хороших новости и ни одной плохой. Прежде всего, Андрей Валерьевич, поздравляю: единогласным решением педагогического совета нашей школы вы переведены в восьмой класс.

Валерий заплодировал. Валентина Павловна скромно сложила руки на коленях и ждала дальнейших новостей.

Анна Ивановна: Во-вторых, мне поручена торжественная миссия вручить тебе почетную грамоту за победу в областной олимпиаде по зоологии. Помнишь, ты писал специальный реферат о животных семейства кошачьих?

Андрей утвердительно кивнул.

Анна Ивановна: Со всей области было около восьмидесяти работ и тебе, семикласснику, присудили первое место. А ведь были и старшеклассники тоже. Тебя рекомендовали для участия в республиканской очной олимпиаде по зоологии. Она пройдет в июле, дата пока не утверждена, во Всероссийском лагере «Орленок». На школу также пришла премия — 500 рублей. Мы долго думали и решили половину этой суммы передать Валентине Павловне. А остальные деньги пойдут на школьные нужды.

Андрей (довольно улыбаясь): Мама! Папа! Вот видите! И я уже вашим помощником становлюсь. Зарплату получил. Принимай деньги, расписывайся в ведомости, мама.

Валентина Павловна: Не в деньгах дело, сынок. А в том, что ты уже приносишь всем пользу. И нашей семье тоже.

Затем состоялся праздничный обед, в котором приняла участие и Анна Ивановна. Она загадывала загадки Андрею, а тот с удовольствием отвечал. Всего один вопрос вызвал у него затруднение: сколько когтей на лапах у тигра? Все внимательно посмотрели на Анну Ивановну.

Она смеясь ответила.

Анна Ивановна: Это шуточный вопрос. Ответ звучит так: нужно подойти к тигру, поочередно взять его за четыре лапы и сосчитать все когти.

Валерий: Я бы так отвечать не стал.

Все вышли провожать Анну Ивановну до калитки. Она обратила внимание на то, что Андрей вышел уверенно, почти не покачивался, и сам, не держась за перила, спустился по ступеням крыльца.

20 ноября 1989 года.

Пришла почтальон. С робостью протянула Валентине Павловне большой конверт, на котором была наклейка «Правительственная почта».

Когда Валентина Павловна расписалась в получении, девушка сказала.

Почтальон: Первый раз в жизни такое письмо вижу. Интересно, а что там?

Валентина Павловна достала ножницы и аккуратно распечатала конверт. В нем было два листа. На первом было личное письмо министра здравоохранения Евгения Ивановича Чазова, адресованное ей.

Валентина Павловна (читает вслух): Уважаемая Валентина Павловна! Наконец-то нам удалось заключить соглашение с Республикой Куба на массовое излечение детей и некоторых взрослых, подвергнувшихся радиационному облучению. У нас состоялась коллегия Минздрава СССР, где персонально были утверждены дети первой группы. В марте 1990 года они вылетят на Кубу на лечение. Потерпите, пожалуйста, еще немного и вашего сына обязательно вылечат.

На втором листе была выписка из решения коллегии Минздрава. Там были указаны телефоны, куда обратиться, какие документы подготовить, чтобы впоследствии можно было осуществить выезд на Кубу.

Почтальон, довольная, что принесла радостную весть, разулыбалась и пожелала Валентине Павловне выздоровления ее сыну.

Валентина Павловна уже в который раз перечитывала оба листочка и вдруг ее взгляд зацепился за фразу, на которую она раньше не обратила внимание: «Выезд ребенка Наумова Андрея Валерьевича, 1976 года рождения, уроженца Брянской области, осуществляется непосредственно — без сопровождения».

Валентина Павловна: Валера! Почитай! Андрей поедет один!

Валерий вздохнул: Валюшечка! Мальчику уже идет четырнадцатый год! Он за день делает уже тысячу триста шагов. Ты его в «Орленок» не отпустила. Конечно, оберегать сына надо, но ведь он взрослеет. Я думаю, что он может полететь самостоятельно.

Валентина Павловна: Валер! Пойдем к сыну, покажем ему письмо. Как он скажет, пусть так и будет.

Через два дня Валентина Павловна едет в Москву.

И снова по поезвному радио звучит песня «Железнодорожный вальс».

Валентина Павловна (негромко говорит сама себе): А песня-то счастливая. Каждый раз что-то сдвигается в лучшую сторону.

Мимо проходит проводница и предлагает чай. В купейном вагоне, почти пустом, она усаживается напротив Валентины Павловны и спрашивает.

Проводница: Вроде вы улыбаетесь, а лицо у вас такое усталое. Какие-то трудности? Кто-то болеет?

Валентина Павловна (сначала хочет исповедаться перед проводницей, поделиться сокровенным, но потом вспоминает слова бабушки Нади-приворотницы).

(В памяти всплывает лицо бабушки Нади-приворотницы, как она ходит вокруг кровати, где лежит Андрюшенька, время от времени сыплет на пол какие-то семена и что-то шепчет. Потом впадает в транс и говорит: «Запомните, Валюша и Валерочка! И ты, моя давняя подруга Матрена Николаевна. Никому ничего нельзя говорить. Плохое наворожат. Поняли меня?» Убитые известием о тяжелой болезни сына родственники покорно кивают).

Снова в купе Валентина Павловна и проводница.

Валентина Павловна делает беззаботным выражение лица и говорит.

Валентина Павловна: Не выпалась я, а вечером допоздна с мужем телевизор смотрели. Вот я и сомлела.

Проводница (недоверчиво хмыкает): Выпей чаю горячего. Ну, раз не хочешь делиться — не надо.

Валентина Павловна рассчитывается с проводницей, открывает две упаковки с сахаром и высыпает в чай. Ложечкой аккуратно помешивает. А по поездной радиотрансляции раздаётся:

*Под стук вагонных колес
Приятно прихлебывать чай,
Разлет светлых девичьих кос
Меня захмелит невзначай.*

Песня звучит дальше, а Валентина Павловна грустно усмехается: «Да, были у меня когда-то косы. Но пришлось коротко постричься, потому что педиатр Агриппина Самойловна предупредила еще в далеком 1986 году в майские праздники».

(Выплывает лицо педиатра Агриппины Самойловны. Она на кухне строго выговаривает Валентине Павловне, тряся указательным пальцем правой руки: «Валентина! Во-первых. Волосы убирать в косынку. Во вторых. К сыну подходить только в тонких резиновых перчатках. В-третьих. Все время одевай марлевую повязку на лицо. И, наконец, купи три медицинских халата, которые завязываются сзади, и только таким образом подходи к сыну. Любая инфекция для него может привести к непредсказуемым последствиям. Ты все поняла?» Изображение гаснет).

Валентина Павловна (в вагоне поезда, сама с собой): У Андрюшечки тогда кровотечения по два раза на дню были. И капельницы ставили. И лекарства давали. И в носу все время палочки то с подсолнечным маслом, то с соком ревеня... Андрюшечка ртом дышал, исхрипел весь. Вытаскивали тогда, когда кровотечение приостанавливалось или прекращалось.

У нее на глазах выступили слезы. В это время дверь купе стала открываться — опять вошла проводница. Валентина Павловна быстро наклонилась к стакану с чаем и прихлебнула большой глоток. Закашлялась. Вытерла слезы.

Проводница не заметила, что она плакала.

Проводница: Ой, девонька! Смотри, не подавись. Ладно, я тебя тревожить не буду, когда чай допьешь, сама мне принесешь стакан с подстаканником. А я че волнуюсь-то. Народ сейчас на руку нечист стал. Вот я подстаканники и собираю.

Валентина Павловна (усмехнулась): Да вы, товарищ проводник, не переживайте. Я последнее с себя снимаю, а чужое никогда на трону.

Женщины поулыбались друг другу. Довольная проводница прикрыла дверь купе и пошла по своим делам по коридору. А Валентина Павловна сомлела. Недопитый чай остался на столике, она легла на незаправленную нижнюю полку и... уснула.

Когда она заходила в Министерство здравоохранения СССР, то навстречу ей спуускался Евгений Иванович Чазов, министр.

Увидел ее, разулыбался.

Евгений Иванович Чазов: О-о-о! Несгибаемая матушка пришла! Мы потом о вас несколько раз на коллегиях вспоминали. Зайдите, пожалуйста, в 207-й кабинет и покажите там наше письмо-уведомление. Заполните все данные о сыне и оформляйте заграничный паспорт. А если что, то вот вам моя визитная карточка.

Помощник также узнал Валентину Павловну. И также приветливо ей покивал.

Почти два часа заполняла Валентина Павловна разные анкеты и справки. А потом спросила у вежливой терпеливой женщины лет тридцати.

Валентина Павловна: Мальчик поедет — с ним ничего не случится?

Работница Минздрава: Не переживайте.

Валентина Павловна: А я из нашего райцентра одна?

Работница Минздрава: Да, из вашего городка вы одна. А вообще из Брянской области поедут шесть человек — вместе с вашим мальчиком. Все тяжелые.

Обе женщины помолчали.

Новогодний праздник 1990-го года.

За праздничным столом четыре человека: Валентина Павловна с мужем, свекровь Матрена Николаевна и Андрюшечка.

Мальчик бодрится.

Андрюша: Мама! Пусть этот нулевой год станет для нас счастливым! А я выздоровлю! И буду учиться со своими одноклассниками в школе. Кстати, Анна Ивановна, наш классный руководитель, поздравительную открытку прислала. Может быть, ей написать, что я еду на Кубу лечиться?

Валентина Павловна: Сынок! Умоляю тебя! Никому ничего не говори.

В разговор вступает свекровь Матрена Николаевна.

Матрена Николаевна: Внучек! Народ глазливый, завистливый. В стране, вон, неспокойно. Я после январских праздников на богомолье поеду, чтобы все у тебя получилось.

Андрюша: Мама! А ты со мной поедешь? Как же я без тебя?

Благодарно улыбаясь, Валентина Павловна гладит сына по волосам. Затем тяжело вздыхает.

Валентина Павловна: Андрюшечка! Ты один поедешь. Тебе уже скоро четырнадцать лет. Ты — парень самостоятельный у нас. Правда, папа?

Валерий (широко улыбаясь): Андрей! Ты не желторотый воробей. Ты должен поддерживать всех людей, кого судьба обидела радиоактивным облучением.

Андрюша: Ну как же я могу поддерживать?

Валерий: А как же дедушка Миша мог в партизанском отряде? Хотя совсем молодым парнем был. Комиссарил в отряде. Договорились?

Андрей задумчиво кивает головой. Потом спрашивает.

Андрюша: Мама! А на Кубе хорошо лечат? Я точно выздоровлю?

Валентина Павловна встает из-за стола, подходит к сыну и ласково приобнимает его.

Валентина Павловна: Ты приедешь здоровым и сильным. И инвалидность снимут со временем. Лучше ведь самому зарабатывать, чем у государства на иждивении числиться.

Андрей прижимается к маме. Ему хорошо и спокойно в кругу близких людей.

29 марта 1990 года. Москва. Аэропорт «Шереметьево».

Андрей впервые в жизни выехал так далеко от дома, да еще и летит за границу. Он крепко сжимает в одной руке советский загранпаспорт, в который вложен красивый авиабилет, а другой рукой держится за руку мамы. Валерий несет две сумки. Одна — большая, с вещами. А другая — маленькая. В ней бутылка минеральной воды и лекарства.

Валентина Павловна (наставляет сына): Андрюшечка! Будь очень внимательным. Воду пей только там, где пьют все. Руки мой постоянно — перед едой и после еды. Лекарства принимай по графику. А если будут еще лекарства давать, то слушайся врачей.

Мальчик кивает в ответ. Он подавлен и немного расстроен. Мимо на коляске провозят юношу лет 16-ти. Валентина Павловна вздрагивает: правая рука у него повисла, одна сторона лица неподвижна. Его везут две женщины. На их лицах отчаяние и безысходность.

Вдруг парень резко машет левой рукой и женщины в недоумении останавливаются.

Юноша (оборачиваясь к Андрею. Говорит хоть и понятно, но тяжело): Я вижу, ты тоже покореженный бедой? Давай знакомиться. Меня зовут Денис.

Андрей с радостью жмет левую руку парня. Рукопожатие у того сильное.

Юноша: Я из Калужской области. Из Медыни. А ты откуда.

Андрей называет себя.

Денис: Вот и хорошо. Я буду командиром нашего воинства. А тебя назначаю комиссаром.

К ребятам подходит высокий сухощавый мужчина средних лет. Валентина Павловна замечает это, но так как он подтянутый и в красном галстуке, то кажется значительно моложе.

Денис: Это наш вожатый. Евгений. Евгений, я комиссара нашел!

Евгений приветливо улыбается и представляется родителям Андрея.

Валентина Павловна молитвенно складывает руки: Вы, пожалуйста, за моим мальчонкой приглядите — ему еще 14-ти нет. Все время слабость у него. Шесть диагнозов поставили. Вторая группа инвалидности.

Андрей (обиженно): Товарищ вожатый! Не слушайте ее! Я уже почти тысячу шестьсот шагов в день делаю. Когда за спинку держусь, то четыре раза приседаю. Маме по дому стараюсь помогать. Учусь на «отлично». Победил в областной предметной олимпиаде в прошлом году.

Евгений (одобрительно хлопает Андрея по плечу): Нам такие бойцы нужны!

Возле стойки регистрации собираются родители с больными детьми. Матери узнают своих товарок по глазам. Дети в основном чувствуют себя бодро: перемены их радуют, а новизна в основном не пугает.

Высокий мужчина в летчицкой форме придерживает красивую 17-летнюю девушку. Она остановилась возле Андрея. Мама девочки катит за ручку очень большой чемодан.

Валентина Павловна (интересуется): Приданое для дочери? За кубинца замуж решили отдать?

Мама Любы рада шуточному вопросу: Да, осталось только вылечиться! Мы сами-то из Гомельской области, из Белоруссии. У Любы поражение костного мозга.

Валентина Павловна вздрагивает в страхе. Андрей, несмотря на то, что на полго-ловы ниже Любы, говорит ее отцу.

Андрей: Вы не переживайте, я ее опекать буду. Ты согласна?

Девушке нравится худощавый внимательный и вежливый мальчик. И она согласо-вно кивает ему.

Люба: Спасибо тебе, Андрей. Не знаю, как по отчеству. Мне помощь очень нуж-на. Я несколько шагов прохожу, и меня всю простреливает. Если не удержусь, то могу упасть. Ты как, удержишь меня?

Андрей (выпячивает грудь и хорохорится): Да я больше тысячи шестисот шагов прохожу за день. У меня силы ого-го сколько! Мам, правда же?

Валентина Павловна смотрит на худенькую фигуру сына. На его слабые руки. Но виду не подает.

Валентина Павловна: И среди легковесов есть чемпионы мира. Мой сын — стой-кий оловянный солдатик, Люба!

Все улыбаются. Только Валерий темен лицом. Он очень любит сына, а неизвест-ность, в которую уезжает мальчик, его очень пугает.

Валентина Павловна замечает это. И незаметно шлепает его по руке.

Валерий удивленно оглядывается. Валентина Павловна внимательно смотрит на мужа и бодрым голосом говорит.

Валентина Павловна: Валера! Тебе торбы за сыном носить не надоело? Вон, на-ша очередь регистрации подошла.

Валерий отвлекается и начинает суетиться, ставя большую сумку на ленту транс-портера.

Все зарегистрировались. Медленно, в меру своих сил, при помощи родителей идут и едут на колясках в зал вылета. По пути их следования люди останавливаются и молча провожают их глазами.

Там уже ждет вожатый Евгений, сопровождающие их медики. Шестеро сопрово-ждающих и пять взрослых мужчин, которые тоже пострадали от чернобыльской ава-рии. Двое — на костылях.

Вожатый Евгений (командует): Прошу подойти ко мне командира отряда Дениса и комиссара Андрея.

Мама и старшая сестра Дениса охают, потому что понимают, что наступает ско-рое расставание.

Денис держится и пытается шутить с Андреем.

Денис: Комиссар! Я говорю плохо, поэтому командуй ты.

Валерий (шепчет жене): Валюш! А Андрей-то приободрился! Ответственность за всех чувствует.

Валентина Павловна еле сдерживает слезы: Хоть бы выздоровел. А сердце у не-го большое, сострадательное.

Андрей (мягко командует): Пострадавшие в чернобыльской катастрофе взрос-лые, комсомольцы, пионеры и октябрята, в три шеренги становись!

Началось шевеление. Все строятся.

Андрей: Командир отряда Денис! Все построились.

Денис: Предлагаю на выбор три названия нашего отряда: «Непокоренные», «Не-страшимые» и «Борющиеся за здоровье».

Все молчат.

Денис недоуменно оглядывает всех и спрашивает: Какое название выберем?
Неожиданно говорит четырехлетний мальчик, которого поддерживает мама: Я еще даже не октябренок, но тоже еду с вами. А название предлагаю такое: «Несломленные»! Раз мы все здесь, значит, мы верим в выздоровление. Правда, мама? *(Обращается он к крупной высокой женщине, которая поддерживает его за руку).*

Женщина лет тридцати: Все верно, сынок! Я горжусь и тобой, и твоими новыми друзьями.

Она замолкает, чтобы не расплакаться.

Денис: Отряд «Несломленные»! Равняйся! Смирно! *(Поворачивается в коляске к вожатому, нахлобучивает фуражку и левой рукой отдает честь).* Вожатый Евгений! Отряд «Несломленные» к поездке построен. В строю 137 человек. И плюс мы с Андреем.

Вожатый Евгений принимает правила игры: Рапорт принят. Товарищи бойцы! Наш полет будет беспересадочным, лететь мы будем почти пятнадцать часов. Наш самолет называется Ил-62 М. Командир — пилот первого класса, Герой Советского Союза. В его летной практике это один из самых почетных авиарейсов. Вылетаем из Европы, а прилетим в Центральную Америку. В столицу Кубы — город Гавану. В аэропорт Хосе Марти. Желаю всем удачного полета. Вместе со мной еще шесть сопровождающих. Пятеро взрослых, которые тоже пострадали от чернобыльской катастрофы, а также бригада медиков. Уверен, что вы все хорошо перенесете полет. Кто-нибудь когда-нибудь летал на самолете?

Андрей увидел, что поднялась только одна рука. Это была Люба. Все посмотрели на девочку.

Люба: Я два раза летала. Один раз с мамой из Минска в Москву, а второй раз с папой. Он летчик и может бесплатно брать с собой одного члена семьи. Это было в 1985 году. Я летала из Гомеля в Брест — на 40-летие Победы над фашистами.

Все бойцы уважительно посмотрели на Любу.

Люба (продолжила): Лететь не страшно, интересно. Кто захочет, может спать. Этот самолет очень большой, можно ходить по проходу.

Тут Люба смутилась. Она поняла, что сказала глупость. Все дети были слабые и, конечно, в самолете им будет не до хождений.

Вожатый Евгений: Сейчас команду «вольно». У вас есть три минуты, чтобы попрощаться с родителями. Потом проходим паспортный контроль, и — мы уже за границей.

Некоторые из матерей едва сдерживали стоны. Отцы старались не подавать виду и пытались быть мужественными.

Валентина Павловна с Валерием подошли к Андрею. Мальчик застыл на месте и о чем-то сосредоточенно думал. Валентина Павловна взяла сына за плечи и повернула к себе. Валерий тоже наклонился к сыну.

Валентина Павловна: Сынок! О чем ты задумался? Что с тобой?

Андрей посмотрел на мать таким взглядом, от которого она вздрогнула. В нем читались отчаяние, мольба.

Андрей: Мама! Ты меня не бросаешь? Я живым вернусь обратно? Я сейчас вспомнил, как я сидел в комнате, смотрел телевизор, а двери в коридор и на кухню были приоткрыты. И как тебе тетя Тамара, мама Витюшечки, говорила, чтобы ты меня никуда не посылала. Мол, какой бы ни был, а все равно самое родное — сын. А если что и случится, то она с тобой вместе на могилы ходить будет. И говорила, что возле Витюшечки место есть. Мам! А если я умру, то тебе тело отдадут потом?

Лицо Валентины Павловны закаменело. Своими вопросами сын надрывал ей сердце. Она окинула взглядом других родителей. Матери тоже переводили взгляды

друг на друга. Тем самым они давали молчаливую клятву: не плакать, сдерживаться, улыбаться и вдохновлять своих детей на обязательное выздоровление.

Даже четырехлетний Тоник (Антон) поскуливал и ластился к матери.

Краем глаза Валентина Павловна увидела, как Люба упала лицом на грудь матери. Мать сдерживала эмоции и молчала.

Мать и сестра охали вокруг Дениса, чуть не причитая. Денис прикрыл глаза, откинулся головой на спинку коляски.

Неожиданно вмешался Валерий.

Валерий: Андрей! Ты отвечаешь за моральное спокойствие всех! Ты понимаешь это?

Андрей отвлекся от своих тягостных мыслей. Больные дети рано взрослеют. А если болезнь еще и длится долго, то они в некоторых вопросах даже мудрее своих родителей. Он обнял своих наклонившихся к нему маму с папой и сказал.

Андрей: Ждите здорового! Ищите невесту! У нас в доме три больших комнаты. Так что места на всех хватит.

Произнося эти слова, он сделал такое важное лицо, что Валентина Павловна невольно расхохоталась. Своим смехом она разбудила всех — и детей, и их родителей, и близких.

Вожатый Евгений понял, что пора командовать построение.

Евгений: Отряд советских детей «Несломленные»! В колонну по одному становись!

Первыми пошли больные взрослые. Открыли специальную калитку. Каждый держал паспорт, и все медленно двинулись вперед. За вынесенным из будочки столиком сотрудница ловко ставила штампы на одной из страниц паспорта, подтверждая вылет.

Родители еще стояли несколько минут и смотрели вслед.

Поднялись в самолет.

Как и обещал, Андрей опекал Любу.

Вожатый Евгений негромко подгонял больных детей: Проходим вперед! Не останавливаемся! Первый салон не наш.

Люба сделала несколько шагов и вдруг стала валиться набок. В кресло она села удачно, вся покраснелась и тяжело задышала. Подбежала врач и аккуратно отстранила Андрея.

Все остановились. Врач поднесла к носу Любы ватку с нашатырным спиртом. Быстро измерила давление. Тут же дала ей запить таблетку. И улыбнулась девушке.

Врач: У тебя все хорошо. Но дальше идти не надо. Оставайся здесь, а я сяду напротив, через проход.

Андрей протиснулся мимо Любы и уселся с ней рядом.

Стюардесса сострадательно посмотрела на детей. Постепенно прошли все.

Колясочников заносили на руках.

Мимо пронесли Дениса. Он вдруг скомандовал.

Денис: Остановитесь здесь. Андрей, пересядь к иллюминатору. Люба, пересядь к нему, а я пристроюсь с краю. *Затем повернулся к врачу:* Доктор, вы возражать не будете?

Так как все послушались и перемещения произошли, то возражать уже было поздно.

Сложенную коляску Дениса поставили перед первым рядом первого салона.

Постепенно все расселись. Вожатый Евгений ходил по проходу и считал детей.

Вдруг появились трое морских офицеров. Это были советские военнослужащие, которые летели на Кубу. Вице-адмирала сопровождали два капитана 1 ранга. Они зашли в салон и удивленно остановились: на их местах сидели дети.

Один из капитанов 1 ранга хотел было возмутиться, но посмотрел на лицо Дениса, потом перевел взгляд на побледневшую Любу и осекся. Другой капитан 1 ранга нарочито радостным голосом сказал.

Капитан 1 ранга: Товарищ вице-адмирал! Я думаю, мы и в хвосте хорошо устроимся?

Вице-адмирал согласно покивал, потом снял свою фуражку и надел ее на голову Любы.

Вице-адмирал: Будешь на Кубе моей дочкой!

Девушка слабо улыбнулась: В Союзе у меня один папа, а на Кубе будет другой?

Вице-адмирал засмеялся. Он снял с ее головы фуражку и достал из портфеля-дипломата фломастер.

Вице-адмирал: Как тебя зовут?

Девушка представилась.

На внутренней стороне фуражки он написал несколько слов, размашисто расписался, поставил дату и время. Затем приложил правую руку к виску и отдал фуражку девушке.

Они пошли по проходу дальше, а Люба прочла текст вслух.

Люба: Мой доченьке Любе. Возвращайся в Москву здоровой! Верю. Роспись.

Люба расплакалась. Андрей достал платок из левого нагрудного кармана, который предусмотрительно ему положила мама, и вытер ей слезы.

Денис вздохнул: А вот у меня папы нет. Ушел из семьи после чернобыльской аварии. Но я на него не сержусь. Алименты платит. В день рождения подарки передает. А вот сам не приезжает. Это моя бабушка, его мама, настроила отца: зачем тебе инвалид? У тебя еще дети будут.

Андрей бестактно поинтересовался: И что, дети есть еще?

Денис: Да, двойняшки родились. Им сейчас по полтора года.

Люба: Глупые вы оба! (*и тяжело задышала*).

Мальчики переглянулись и замолчали.

Полет начался. Стюардессы предложили конфеты «Взлетные». Постепенно сон охватил всех.

Вожатый Евгений и шестеро сопровождающих зорко ходили по проходам. Кому полет, а им — забота. Время от времени детей отводили в туалет.

Андрей тоже уснул. Проснулся он от того, что стояла полная тишина. Вожатый Евгений о чем-то разговаривал со старшей стюардессой. Люба спала. На ее коленях лежала адмиральская фуражка, которую она бережно обнимала двумя руками.

Денис не спал, а смотрел вперед, прислушиваясь к разговору вожатого и стюардессы.

Андрей тоже прислушался. Заметив, что Андрей проснулся, вожатый Евгений протянул ему красный галстук.

Евгений: Добрый день, Андрей! Видишь, комиссар, командир уже красный галстук одел. Ты одень тоже. Вместе с Любой первыми выйдете из самолета. А я буду стоять на верхней площадке и помогать ребятам.

Разбудили Любу. Она начала прихорашиваться. Длительный полет она перенесла хорошо.

Вдруг появился маленький Тоник. Он бесцеремонно похлопал вожатого Евгения по правому боку.

Антон: Товарищ вожатый! Мы уже прилетели? Давайте выходить!

Вожатый Евгений ласково потрепал Антона по голове: Антон! У нас же дисциплина! Нужно слушаться командира и комиссара.

Андрей отстегнулся и вышел в проход. Помог подняться Любе. Затем медленно, очень медленно, поднялся Денис.

Денис: Я посчитал: семнадцать ступенек на трапе. Я спущусь сам, держась за поручень. Ты меня, пожалуйста, поддерживай, Андрюша! А потом мне вынесут коляску, разложат ее и я буду чувствовать себя уверенно.

Андрей: Может, попросить сопровождающих, чтобы помогли тебе справиться. А то вдруг упадешь, травмируешься.

Денис напрягся: По тра-пу я сой-ду сам!

Вышли. Андрей ничего не замечал перед собой — только ступеньки трапа. После одиннадцатой ступеньки он почувствовал, что Денис наваливается на него все сильнее. Спустились на бетонные плиты аэродрома. Андрей поднял глаза и увидел перед собой очень большого высокого человека в форме защитного цвета и в берете. У мужчины была окладистая борода с проседью. На детей он смотрел добрым внимательным взглядом.

Андрей почувствовал себя сильным и уверенным и вытянулся. Это же чувство передалось и Денису.

Один из сопровождающих уже разложил коляску. Денис уселся в нее. Андрей с облегчением вздохнул и вдруг почувствовал страшную усталость. Он ухватился за ручки коляски и сделал несколько шагов вперед. Ему стало легче.

Следом стали спускаться ребята. За спиной Андрея стояли двое смуглых высоких мужчин и на плохом русском разговаривали друг с другом.

Один, указывая пальцем на стоящего на верхней площадке Евгения, говорил другому: По моим данным, это офицер КГБ, Евгений Крайнев. Но почему он не в форме и на нем красный галстук?

Мужчина постарше (ответил): Наверное, он работает вожатым. А считается, что служит офицером КГБ.

Молодой недоуменно продолжил: Альфредо! Получается, что КГБ — это друзья пионеров?

Мужчина постарше: А чему ты удивляешься? КГБ — друг всех.

Вожатый Евгений стоял на площадке трапа и приветственно махал встречающим рукой.

Мужчина постарше помахал ему в ответ. Более молодой коллега последовал его примеру.

Денис что-то негромко сказал Андрею. Он не расслышал, наклонился и переспросил.

Денис: Пусть все строятся справа от меня и ты поприветствуешь встречающих. И пионеров, и взрослых кубинцев. Я немножко подремлю.

Он вытянулся в коляске и прикрыл глаза.

Когда все спустились, Андрей скомандовал построение.

Вожатый Евгений легко сошел с трапа и передал Андрею забытую им сумочку с минеральной водой и лекарствами.

Вожатый Евгений: Комиссар! Будь внимательнее.

Тут же он разулыбался появившимся из-за спины Андрея двум мужчинам в штатском. Они поздоровались.

Кубинские пионеры бросились к советским детям, стали вручать им цветы и небольшие сувениры.

Андрей отrapортвал: Отряд советских детей «Несломленные» прибыл для лечения на Кубу. Все здоровы. Готовы следовать дальше.

Кубинцы добродушно рассмеялись.

Андрей смутился, потому что понял, что сказал не то.

Всех стали рассаживать по автобусам. А Андрей вдруг почувствовал, как большая сильная ладонь легла на его голову и погладила. Андрей понял, что это был тот самый высокий сильный мужчина в костюме защитного цвета.

Он услышал приятный баритон: Ола! Советские дети! Здоровья и счастья. Андрей тогда не знал, что это был команданте, руководитель Республики Куба Фидель Кастро Рус, который специально приехал, отложив все государственные дела, чтобы лично встретить советских детей.

Андрей хотел оглянуться, но постеснялся. В двух шагах от него, поддерживаемая маленьким Антоном, стояла Люба. Она терпеливо выдержала всю приветственную церемонию, но видно было, что она очень устала. Андрей подкатил коляску с Денисом к автобусу и передал сопровождающим. А сам устремился к Любе.

На аэродроме было жарко, но в автобусе прохладно, потому что работали кондиционеры. На четырех автобусах прибывшие гости поехали к месту постоянного расположения.

Они ехали по улицам города. Дети прильнули к окнам. Все вокруг было интересным и необычным.

Вдруг кто-то закричал: «Смотрите, ослик! Ящики с фруктами везет!»

Ослик важно вышагивал куда-то, куда его вела немолодая кубинка и не обращал на автобусы никакого внимания. Вероятно, привык к транспорту.

Приехали в Тарару.

В бывшем пионерском лагере разместился центр по лечению советских детей, пострадавших от чернобыльской аварии.

Вышли из автобусов. Все снова построились. Дети с гордостью смотрели, как на флагштоке поднимается советский флаг. Они поняли, что представляют страну.

Затем подняли кубинский флаг. Два стяга весело развевались под легким ветром, иногда касаясь друг друга.

Затем всех расселили в двухэтажных корпусах. Андрея поселили вместе с Денисом, Антоном и еще двумя мальчиками из Белоруссии. Это были двоюродные братья Борис и Глеб. Они были ровесниками Андрея.

(Окончание следует)

Игорь Карлов

(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

**ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ
ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР
ГОРБАЧЕВА М. С.***

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори».

IV

Ах, какой яркий, какой манящий свет! К нему мотыльком стремится душа, ибо подлинная жизнь лишь там, за ЕЁ окном, а то, что здесь, на остывающей в вечерней прохладе земле,— все смерть и тлен.

Ах, какой резкий, какой слепящий свет! От него бежишь опрометью, как застигнутый внезапно неуклюжий таракан, и хоронишься в щель, пока не обнаружилась твоя позорная слабость, твоя рабская привязанность, пока ОНА со своей высоты не заметила неказистую крошечную козявку, вызывающую лишь насмешки и желание размазать насекомое шлепком тапка.

Молодой человек неприкаянно бродит в надвигающихся сумерках у дома возлюбленной. Юноша то замирает, запрокинув голову, словно вкушая некую благодать, изливающуюся на него (на него одного! исключительно на него!) из заветного окна, то таится от посторонних взглядов в кустах палисадника или за деревом. Кому не знаком трогательно смешной образ скромного трубадура, беззвучно поющего серенаду под балконом прелестницы? Кто не сталкивался хотя бы единожды с таким трепетным воздыхателем?

Но преданный рыцарь, стоящий под окном своей дамы, не ощущает банальности ситуации, ибо он влюблен, влюблен всерьез, влюблен до умопомрачения. Свою большую любовь он меньше всего хотел бы выставлять напоказ, но совладать с собой не в силах, и неизменно приходит к таинственному замку, населенному феями различных рабочих специальностей и фабрично-заводскими троллями. Пылкий обожатель чуть ли не каждый вечер застывает у запертых крепостных ворот, которые стережет злобный огнедышащий дракон по имени Дуська, поднимает глаза горе и безотрывно глядит на четвертый этаж. Озорные работницы, возвращаясь со смены, перешептывались, указывая бойкими глазками на одинокую фигуру, хихикали. Парни косились недружелюбно: «К кому это он ходит?» Женатики снисходительно окидывали взглядом.

Витязь (звали его Саша) был, может быть, чуть низковат ростом, но в остальном — хоть куда. Густые русые волосы уложены волосок к волоску, открытый взгляд прозрачных серых глаз, мужественный подбородок, пропорциональное телосложе-

---

* Продолжение; начало см. № 2, 2017 «Приокских зорь»

ние. Поэтому неудивительно, что еще со школьных лет девчонки не давали ему прохода. Да и Саша откликался на их знаки внимания с готовностью, но как-то так выходило, что ни одна не смогла завладеть его сердцем безраздельно. В новые отношения юноша всегда пускался вдохновенно, восторженно, будто в сказочное странствие, но каждый раз увлеченность, счастье познания женщины, страсть в итоге вызывали эмоциональную опустошенность и пресыщение. Саша пришел к выводу, что так, наверное, у всех бывает, а потому надлежит оставить надежду на встречу с единственной в мире, предназначенной специально для него спутницей жизни. И тогда он стал беззастенчиво использовать свою привлекательную внешность, чтобы склонить очередную пассию к близости, а затем отправлялся в погоню за следующей жертвой. Подобный стиль отношений с прекрасным полом вошел в привычку, так что Саша уже и не видел в этом ничего зазорного.

Однако пришла настоящая любовь, любовь с первого взгляда. Саша, выпускник художественного училища, как раз начал работу над дипломным проектом. Он задумал двойной портрет в манере Глазунова: чистые одухотворенные лица, огромные печальные глаза, хоругвь на втором плане, предгрозовое небо фоном. «Перед Куликовской битвой» или «Князь Игорь»... Что-нибудь в этом роде, что-нибудь традиционно-новаторское. Концепция картины наметилась лишь в общих чертах, у Саши была только модель для главного персонажа — веселый русобородый студент-историк, выпивоха, подрабатывавший дворником во дворе дома, где Саша снимал комнату. Но нужна была героиня, условно говоря, Ярославна. Саша искал лицо.

Может быть, эта женщина сурова, гневна, в глазах ее горит огонь ненависти к супостатам, она стоит плечом к плечу с мужем и сама, если потребуется, готова поднять справедливый меч. Может быть, она кротко взирает на супруга снизу вверх, умоляя взглядом об одном: «Вернись живым!» А может быть, не на супруга, а на сына? Может быть, она преклонных лет? Или юна, почти девочка?.. Жизнь должна была дать Саше лицо.

Ход своих творческих поисков Саша периодически поверял любимому педагогу, изгнанному, впрочем, из числа преподавателей училища за пьянку. Когда начинающий живописец приходил в его квартиру, Станислав Борисович искренне радовался, проводил гостя на кухню и немедленно наливал по стакану самогона. Пожилой художник быстро хмелел, лицо, вывездившееся мелкими малиновыми жилками, начинало подрагивать, подкатывали пьяные слезы, и речь непременно заходила о мастерах прежнего времени. Свернуть Борисыча с этой темы было уже невозможно: он многословно рассуждал о ничтожестве мазни современников по сравнению с творениями великих предшественников, он понимал всю глубину падения актуального искусства, он недоумевал по поводу творческих стремлений молодежи.

— Ты писать хочешь? — спрашивал старик Сашу, как бы удивляясь желанию юноши заниматься живописью. — Ты?! Писать хочешь?! Да нам ли с тобой, шмакодявкам, малевать на холстах? Что мы можем? «Веселые картинки»? Я всю жизнь отдал художественному училищу! Зачем? Для того чтобы воспитать десяток зрителей. Зрителей, толковых зрителей, не художников. Нам с тобой не писать надо, а ходить по музеям! По Третьяковке и Русскому музею. Все! Ходить и трепетать перед мастерами!

Станислав Борисович смахивал слезу:

— Ах, как они могли! Как они творили! Цвет! Рисунок! Композиция! И, главное, великое сердце за всем этим. Великое сердце! Полет духа к горным вершинам, парение всего существа! Ведь старая картина это же что? Это обращение к тебе как к равному. А равны ли мы с ними? Не-ет! Нам только «Веселые картинки» рисовать. Соцреализм какой-нибудь. Ты вот Ярославну ищешь, а тебе не Ярославна нужна, а доярка. Мясистая такая доярка: нос картохой, глаза серые, на щеках румянец... Тебе не

холст надо грунтовать, а возьми картоночку да плакатик сваргань «Решения XXVII съезда в жизнь». И доярку там нарисуй с грудями, сисястую, чтобы ее саму заместо коровы доить можно было! А вот ОНИ,— Станислав Борисович длинным пальцем указывал себе за левое плечо,— ОНИ могли!!

Саша следил глазами за жестом учителя, но не видел ничего, кроме зеленых обоев ядовитого оттенка. Однако палец Борисыча так настойчиво тянулся в пустоту, что необходимо было выяснить, что же там такое. Саша делал глоток из вновь наполненного стакана, и тогда казалось, что за стеной притаились Репин, Серов, Бенуа, Тициан,— словом, ОНИ. Становилось не по себе. Вдруг войдут и спросят строго: «Ты писать хочешь? Ты? Ты?!» Полы старой «хрущевки» скрипели от приближавшихся шагов. Для храбрости Саша залпом выпивал остатки мутной сивухи. И вот дверь из коридора приотворялась, в кухню заглядывала... жена Станислава Борисовича. Наваждение проходило, тучная растрепанная женщина раздраженно захлопывала дверь.

Станислав Борисович опускал голову на грудь, длинные седые волосы спадали ему на лоб. Речь пенсионера становилась все менее отчетливой:

— Да, у нас — «Веселые картинки». А вот они... Ты только представь себе. Они же брали на себя ответственность. Ведь что такое «Над вечным покоем»? «Боярыня Морозова»? «Демон»? Это жизнь. Они создали жизнь. Они демиурги! Представь себе: взяться и написать «Девятый вал». Это непостижимо! Вот это искусство, а не то что мы... Эх! Да ведь что же они сделали? Они нам ничего не оставили, все у нас отняли, все пережили, превозмогли, нас обокрали. На сотни лет обокрали. Мы — ничто. Нас нет. Плевки на асфальте перед Эрмитажем значительнее нас! Как они могли-и-и!

Станислав Борисович начинал рыдать в голос. Вновь возникала в дверном проеме его жена: «Опять завыл, тварь невыносимая!» Эти слова адресовывались ее благоверному, но при этом женщина косилась на Сашу, давая ему понять, что и он отчасти тварь, и его присутствие в квартире выносят с трудом. Саша внимал и уходил, не получив никакого совета относительно замысла своей картины.

Руководитель дипломного проекта, художник Цымбаларь, тоже ничем не помог. Его не интересовало виденье студентом полотна; ему было все равно, какой предстанет героиня картины; его сверхзадача заключалась в неукоснительном соблюдении сроков. Вечно занятый росписью какой-нибудь чайной, Цымбаларь отмахивался от надоедливого ученика:

— Ну, пиши без женщины. Одних мужиков.

— Нет-нет,— возражал Саша.— Мне нужен женский образ. Мать-земля. Родина-мать. Вера, надежда, любовь. Это же женщины! Без женщины нельзя.

— Ну, потом пририсуешь. Основа-то есть. Давай, пиши, не теряй времени,— Цымбаларь смотрел на часы.— До сдачи совсем мало времени осталось. Ты меня подводишь.

Саша опускал голову, замолкал. Повисала томительная пауза. Цымбаларь, желая поскорее разрешить возникшие затруднения, подсказывал начинающему собрату по цеху несколько конструктивных ходов:

— Ну, не знаю... Если лица нет, ты ее напиши со спины. Или анфас, но под покрывалом. Такой большой платок, спадающий складками. Под складками не видно лица. Это современно: пусть зритель додумывает, какая она. Сейчас надо творить поновому. Без участия зрителя нет картины... А что, если, скажем, героиня вообще присутствует как черный овал? Князь — красный треугольник? А? Интересно? Сейчас так модно...

Саша молчал. Цымбаларю становилось совсем скучно, и он убежал, бросив на прощание:

— Давай, не тяни. Время поджимает...

А Саша никак не мог заставить себя приняться за работу. Станислав Борисович стакан за стаканом вливал в него яд творческого бессилия, Цымбаларь же механически повторял: «Давай, не тяни!» Душа болезненно раздваивалась между желанием создать новую «Неизвестную» и стремлением сдать диплом вовремя. Тупик!

Остро понимая всю безвыходность ситуации, Саша, тем не менее, последние дни, оставшиеся до сдачи государственного экзамена, обреченно тратил попусту: не за мольбертом, а блуждая по улицам в поисках натурщицы. Грустнее всего было то, что в городе не оказалось ни одного женского лица. Округлившиеся бабские ряшки — вот они; глупые мордочки смазливых девчонок — на каждом шагу; грубо раскрашенные гримом, потасканные, усталые до бесчувствия, испуганные до злости, хищные в своей затаенной хитрости маски представительниц «слабого пола» — сколько угодно. А лиц не было! Женщин не стало! Саша начал понимать, что дело не только в утрате секрета старых художников. Писать некого, поскольку люди не носят больше в сердце своем души, а в голове — мысли, и лица их, без горьких складок в уголках губ, без веселых морщинок у глаз, без рельефных, выпуклых лбов, утратили особость и скоро превратятся в одинаковые, гладкие, лоснящиеся воздушные шарики.

Открыв для себя эту горькую истину, Саша подивился гениальности модернистов, ознаменовавших собой конец эпохи иконописных ликов и начало периода плакатных мордovorотов. Как смело нам показали нас же самих в искривленном, покрытом трещинами зеркале современного искусства!

И вот, когда творческая энтропия окончательно парализовала волю, когда фрустрация достигла пика, Саша вдруг встретил свою Ярославну. Причем произошло это настолько буднично, обыденно, что потребовалось немало времени для осознания масштаба произошедшего.

Однажды, торопясь вскочить в отходивший от остановки трамвай, юноша с разбегу наткнулся, словно на стену, на спокойный, несуетный взгляд. Саша почувствовал, что больно ударился об это лицо, отпрянул назад, чуть не сорвался с подножки переполненного вагона, но, подтянувшись к поручню, оказался в буквальном смысле у ног молодой женщины. Но та ничего не заметила. Она смотрела сквозь людей, и глаза ее были озера, в которых все отражалось, но ничто не могло смутить величественной глади. Как-то сразу стало понятно: ОНА, НАШЕЛ. И слова эти были применимы не только к картине (не столько к картине!), но и к художнику. Он чувствовал, что нашел не модель, а судьбу.

Странно, но точнее всего описать ее внешность Саша мог бы, перечисляя недостатки, а не достоинства. В линиях почти круглого лица не было никакой утонченности. Волосы и брови неопределенного белесого цвета. Серо-голубые глаза глубокие и лучистые, но покрытые какой-то пеленой, словно на выцветшей фотографии. Нос... обыкновенный, протестский прямой нос. Губы полные и мягких очертаний. Хотя это, наверное, уже достоинство. Или нет? Подбородок круглый и тоже мягкий, с ямочкой. Короче говоря, детальный физиогномический разбор не вдохновил бы живописца, а вместе с тем черты эти манили таинственной гармоничностью.

Почти неуловимые штрихи одухотворяли весь облик: мягкие складочки в уголках губ, едва угадываемые ямочки на щеках... А выразительнее всего были, конечно, глаза — с поволокой, как будто туман стоит над лесными озерами, с лучистыми искорками, словно уютный костерок теплится над водной гладью. Оно влекло к себе, это сокровенное пламя, манило отправиться в захватывающее путешествие, в поход к загадочному озерному берегу, к романтичному одинокому огоньку, в поход длиною в целую жизнь.

Лицо женщины было почти младенческим, детским и при том, казалось, останется неизменным до старости. Впервые увиденный, ее образ представлялся знакомым,

даже родным; он не воспринимался, а вспоминался. Вот такое лицо искал художник для картины: оно и для прощания перед боем, и для встречи после длительной разлуки; и для страстных долгих поцелуев, и для платонического созерцания. Оно таит умение простить мужчине предательскую слабость, но оно же внушает мужественную непреклонность. Хотя, не греша против истины, можно утверждать, что заключенное в этих как бы узнаваемых чертах гармоничное спокойствие скрывало в себе также и природную лень, и туповатое безразличие...

Когда же незнакомка сошла с подножки трамвая, стало понятно, что и фигура ее ничего экстраординарного собой не представляет: все было на своих местах и выглядит привлекательно, но что-то слишком просто. А между тем Саша (он, конечно, подобно сомнамбуле, в отдалении следовал за своей Ярославной от остановки до самых дверей, за которыми она скрылась, и, не смея проникнуть далее, долго силился понять, есть ли какой-нибудь смысл в слове «общежитие», начертанном на табличке рядом со входом) дивился этой женщине, как загадке, равной Сфинксу и Джоконде.

С этого дня все пошло вразнос. Саша почти перестал посещать занятия в училище. Живопись больше не интересовала его, ибо вдруг оказалось утраченным всякое представление о фактуре мира и о цветах его. Юноша чуть не сутками валялся на кровати в съемной комнатке коммунальной квартиры либо бродил окрест рабочего общежития с единственной целью: хотя бы издали взглянуть еще раз на поразившую его женщину. Он не решался подойти и заговорить с ней, он не знал о ней ничего, даже имени. Единственное, что выведал, высчитал, угадал Саша после продолжительного топтания у ставшего почти родным крыльца — где находится окно ее комнаты. Вот отрада! Робкий воздыхатель теперь не просто обшаривал томным взглядом фасад здания, а сосредотачивался на заветном прямоугольном проеме, и изредка в награду за преданность ему дано было любоваться словно бы заключенной в картинную раму фигурой своей возлюбленной.

На предварительной защите дипломной работы Саша ничего не смог показать своему руководителю. Художник Цымбаларь пришел в ярость, кричал, стучал пальцем по столу, пугал преисполненного равнодушия студента тем, что документа о завершении образования тому не видать как своих ушей. В ночь перед сдачей «госа» Саша счистил с холста все наброски, по-новому загрунтовал его, наложил крупными мазками бежевый фон, набросал какие-то фиолетовые уступы. На переднем плане изобразил большой красный треугольник, из-за которого выглядывал черный овал. Поставил подпись и для верности приписал: «Киевская Русь».

Председатель выпускной комиссии мутными глаукомными глазами долго вглядывался в представленное полотно, потом страдальчески сморщил лицо, обвел собравшихся недоуменным взглядом, как бы ища поддержки, и попросил Сашу выйти. Закрывая дверь аудитории, Саша слышал, как уверенно басил Цымбаларь:

— Я возмущен не меньше вашего. Где они только набираются этих идей?! Мы же с вами их этому не учим!.. Наброски он мне показывал совсем другие. Интересные, реалистические...

Вот так Саша не стал дипломированным специалистом. Однако ему удалось устроиться художником-оформителем в кинотеатр «Слава». Своей работой молодой человек был доволен, поскольку малеванье циклопических афиш несколько не отвлекало от мечтаний о НЕЙ. А вечерами рыцарь печального образа неизменно занимал свой пост под стенами общежития. Созерцая единственное в мире окно, он подспудно накапливал запас духовной энергии и собирал в кулак волю, которая понадобится ему однажды, когда он все-таки поднимется на четвертый этаж и откроет ЕЕ дверь... Что будет дальше, Саша еще не придумал.

В подвале «Славы», где помещалась сырая «художка», Саша все глубже погру-

жался в готическое мировосприятие, поэтому вполне закономерной показалась произошедшая в один из дней материализация из промозглой тьмы подземелья некоего странного существа. С шелестом летучей мыши подкралось оно сзади и остановилось за спиной. В тишине слышались только звуки скольжения кисти по натянутой на подрамник дерюге да свистящее дыхание необычного пришельца. Осторожно оглянувшись через плечо, Саша увидел фосфоризировавшие глаза, неотрывно следившие за движениями флейца. Пользуясь гипнотическим трансом незнакомца и пустив руку широкими махами, Саша смог рассмотреть ассиметричное скорбное лицо с высоким морщинистым лбом, запавшими глазами и жидкой бородкой, сутулую тщедушную фигуру, облаченную в траурное одеяние. Несостоявшегося живописца поразило детальное сходство этого человека с портретом Микеланджело. Так он навсегда и остался в глазах Саши двойником титана Возрождения, даже когда выяснилось, что таинственный гость всего лишь дворник при кинотеатре. В современном мире Микеланджело, конечно, не мог стать никем иным, кроме запойного уборщика мусора!

Они сдружились, и это была странноватая дружба. Вербальное общение сводилось к минимуму, поскольку дворник отличался редкостным косноязычием, а Саша под напором нахлынувшего чувства, казалось, навсегда потерял интерес к разговорам. Если безмолвный товарищ являлся к нему в подвал, то мог часами с неподдельным интересом наблюдать за процессом грунтовки, за тем, как из-под кисти появлялись буквы или изображения людей. А Саша в его присутствии уже не так остро переживал одиночество, но в то же время был избавлен от необходимости делиться с кем-то своими интимными переживаниями. Юноше казалось, что так неожиданно обретенный наперсник без слов понимает его мятущуюся душу, прозревает в афишных поделках все страдание его трудной любви. Странную роль играл дворник в жизни Саши: он стал Санчо Пансой и Квазимодо одновременно.

Дворник как будто понимал, что оказался единственным и лучшим ценителем Сашиного творчества, самой Сашиной жизни. Желая ответно раскрыть перед другом свое самое сокровенное, он приучил паренька пить одеколон. От глотка оглушающей маслянисто-пахучей субстанции Саше становилось легче, появлялась вера в себя и в чудеса: если удастся выживать после такого чудовищного насилия над организмом, значит он сможет пить и расплавленный металл, и ртуть, и спать на гвоздях, и ходить по углям... И, наверное, если опорожнить несколько пузырьков «Полета», можно оторваться от земли, красиво влететь к НЕЙ в окно, взять любимую за руку и беспрепятственно затащить в облака... Похоже, Шагал тоже употреблял одеколон не только как парфюмерное средство!

Пристрастившись к суррогатному алкоголю, Саша стремительно разрушался. Сначала исчезли убитые одеколоном вкусовые ощущения, затем подступила глухота, а там уж приближалось помешательство. Но все это воспринималось логическим продолжением процесса перерождения, начавшегося после встречи с Ярославной. И то, что он перестал как художник видеть цвета, и то, что отказывали другие органы чувств, проистекало из невозможности принять такое устройство мира, при котором непостижимая тайна любви помещается в несовершенном и по-бытовому доступном женском теле. Почему приходится мучиться, оттого что однажды увидел незнакомую, чужую женщину? Возможно ли, чтобы смысл человеческого существования помимо воли человека помещался вне него самого? Что происходит?

Споткнувшись тогда в трамвае о любовь, споткнувшись на ровном месте, Саша уже не в состоянии был найти надежные ориентиры. Поэтому краски и созвучия разбредались бесформенным стадом, и выстроить их в систему, воссоздать прежнюю чувственно воспринимаемую картину мира не представлялось возможным.

В подвале рядом с «художкой» постоянно работал репродуктор, но хрипы его

почему-то не складывались в членораздельную речь или музыку. Саша пытался что-то говорить вслух с собой наедине, пробовал петь — и ничего не слышал. Он старался выговаривать слова очень медленно и очень громко. Получалось еще хуже: какая-то какофония несочетаемых по высоте и продолжительности звуков. Однако дворник участливо внимал Саше, кивал головой в знак согласия, иногда блаженно улыбался. Саша брался за кисть, писал ровными или волнообразными строчками названия фильмов, срисовывал с фотографий портреты актеров. Выходили чудовищные мертвецы с лицами, потравленными адскими тенями. А директор кинотеатра, принимая работу, довольно кивал головой, хлопал оформителя по плечу, произносил что-то, и только приложив невероятные усилия, Саша разбирал, как сквозь толщу воды, несколько слов из его блеяния: «Мо-ло-дец! По-хо-же!»

От всего этого Саше хотелось выть, и иногда он выл. «У...у» — для разгона басовито пробовал он. Потом делал глубокий вдох и выдавал долгую руладу, сходу забираясь на высоченные ноты: «У-у-у-у-у-у!» При этих звуках даже в глазах дворника мелькал страх. Вой дрожал, отскакивая от стен подвала, крутился в кубовой, заставлял подрагивать стекло в форточке кассы. Однажды, желая разобраться в происходящем, в «художку» заглянула кассирша, трепетавшая, как жертвенная овца. Она увидела Сашу, который, одну ногу поставив на необтянутую холстиной рамку и поволчьи запрокинув голову, самозабвенно выводил: «У-у-у...у-у-у...у...у-у-у-у!» Рядом сидел на ящике дворник. Черный халат его сливался с полумраком, а голова покачивалась в такт завыванию. Похоже было, что искушенный меломан внимает своему кумиру. У старенькой билетерши прибавилось седых волос, и больше в подвал она не спускалась, хотя слыла бойкой бабенкой и даже достаивалась несколько лет назад нагрудного знака «Отличник ДНД».

Постепенный распад личности сделал ежедневные сеансы завывания необходимою, заменой творчества. Саша вполне серьезно начал считать издаваемый им рев проявлением сути искусства, находил в нем множество оттенков, как на палитре: чаще всего болезненно-заунывный, он иногда становился ярким, жизнеутверждающим. А что если отраженные в звуках цвета его души выставлять в галерее, как картины? А что если кроме похожего на Микеланджело мусорщика найдутся и другие ценители? Вот это, действительно, был бы новый подход к искусству, невиданное ранее слияние творца и публики, прямое, без посредства холста и красок...

Но это возможность, будущность. Сейчас же самым ужасным было то, что вампирские приступы воя стали накатывать на Сашу в людных местах, в частности, под окнами рабочего общежития. Он, конечно, сдерживал себя, соображал: заберут. Хотя спецбригада из психушки ему уже определенно предуготовлена. Саша понимал это с каждым днем все отчетливее, и только один вопрос по-прежнему саднил в мозгу занозой: а из-за чего, собственно, он сходит с ума? Почему именно на него в одночасье свалились и беспросветная любовь, и осознание собственной бездарности, и неэстетичность окружающей жизни, и алкоголизм, и дружба с дворником-Квазимодо? Чем Саша заслужил столь жалкую участь — торчать в подвале кинотеатра и ощущать свою раздавленность? Доколе его судьбой будут вонючая полутемная «художка» и костоломная любовь?!

А сегодня вдобавок ко всем злоключениям Саша увидел за распахнутыми створками на четвертом этаже какого-то мужчину. В ЕЁ, то есть в его, окне маячил посторонний человек... Он по-хозяйски пускал дым из того окна, которое уже несколько месяцев было для Саши средоточием всех помыслов и эмоций...

Ревности юноша не испытал, и от этого стало даже капельку легче: раз нет ревности, значит, изначально не было и любви. Той любви, когда держатся за руки в кинозале на последнем сеансе, а ладони потеют, и это приятно. Той любви, когда

фага, Мендельсон, «Горько!» Когда дети, пеленки, дни рождения. Саше на долю выпало другое: любовь-удивление, любовь-радость-узнавания-что-ОНА-живет-на-свете. Все равно, где, как, с кем живет, но ОНА есть, и это удивительно прекрасно. Поэтому Саша, который вдруг открыл для себя, что бескорыстие — высшее любовное наслаждение, активно, деятельно не хотел сближения с возлюбленной; достаточно лицезреть ее издали. Нет, ревности не было. Но и жизни не было. Следовало срочно что-то предпринять. Что???

Мужчина в окне докурил и резким мощным щелчком запустил окурок в небо. Саша невольно проследил глазами за тем, как нарочито медленно вычерчивалась в сумерках светящаяся парабола. Вот огненная точка потянулась в высоту, вот, обессилев, зависла в зените. В этот миг остановившегося полета Саша по какой-то неуловимой ассоциации представил себе лицо любимой, и впервые оно виделось без ослепительных лучей своей таинственной гармонии, исключительности. Вроде бы даже не существовало боготворимого лица, раз оно оказалось не редкостным, а заурядным, обыденным, таким же, как у тысяч других женщин. Любопытное предположение стало постукивать в висок: а если вся прелесть очаровавшего его лица заключалась в совмещении черт множества лиц, которые он попытался полюбить в одном?.. Окурочек начал замедленно падать прямо на голову молодому человеку, а тот заворуженно смотрел на это пике и не догадывался отойти в сторону. Багровый огонек становился крупнее, выделился еще явственнее, перелетев со светлого фона неба в земные сумерки. «Что я делаю? — подумал Саша и отступил на шаг.— Что я тут делаю?» Нелепость последних месяцев его существования вдруг обозначилась совершенно отчетливо. В голове неожиданно высветились целые залежи хлама, целые завалы нечувствительной глупости. Сознание стало проясняться лишь сейчас, когда Саша увидел окурок, летящий из окна на четвертом этаже, словно любовное наваждение за секунду было отсечено огненным клинком. И едва уголек шлепнулся на асфальт рядом с его ботинком, художник двинулся прочь, будто чей-то голос строго распорядился: хватит терять время в беспомощном топтании на ступенях общежития, нужно завтра пойти к ней и объясниться, а дальше видно будет.

Саша размашистыми шагами двинулся мимо шеренги высоких кустов, высаженных вдоль тротуара, не подозревая, что идет напрямик на встречу с неведомым. А когда в полутемной аллейке перед ним предстало привидение, подумалось: наверное, это усыпленный одеколоном разум рождает чудовищ, или, может быть, пылинки влета в начинающий слепнуть глаз. Однако, несколько раз энергично потрянув головой, юноша убедился: действительно, на фоне беспросветности начинавшейся ночи прямо на его пути осязаемо бледнело нечто человекоподобное. Саша смекнул, что судьба приготовила ему еще одно испытание мистикой. Ну, значит, надо пройти и через такое! Парень не свернул в сторону и даже не остановился, только сместился на ходу ближе к кустам, чтобы все-таки обогнуть привидение, а не проходить сквозь его туманное тельце. Однако призрак зеркально повторил маневр человека. Саша принял в другую сторону — фантом тоже. Расстояние между ними стремительно сокращалось, столкновения уже нельзя было избежать. Саша, по-прежнему не сбавляя скорости, вытянул руки, чтобы отстранить надвигающееся видение, но и оно взмахнуло краями своего савана, явив во тьме сереющий ромб. Они столкнулись, схватив друг друга за плечи, почти обнявшись. Из-под свисающего кипенного колпака зияющая чернотой пустота зазмеилась каким-то шершавым шипением: «Хочешь спастись?»

Тут бы юноше завывать с небывалой силой, чтобы выражавшаяся в его волчьей колоратуре неизбывная тоска разметала привидение в клочья сероватого марева. Но Саша не меньше, чем призраков, боялся милиции или санитаров, поэтому молча отбивался от крепко державшего его существа. С минуту они возились, сосредоточенно

сопя, и постепенно парень стал уступать в борьбе. Ничего другого не оставалось, и он все-таки взвыл. Сначала коротко, словно клонув жилистую белую массу в то, что у человека считалось бы лицом: «У!» Затем монотонно и длинно, как злая, бесчувственная корабельная сирена в океанской дымке: «У-у-у-у-у-у-у!!!» Привидение испугалось, отшатнулось и свалилось, нецензурно ругаясь.

Саша огляделся, сам оглушенный собственным воем. В окнах окрестных домов возникали встревоженные лица, из дверей общежития опасливо выглянула подвязанная теплым платком старушка. Звонок в милицию последует через минуту. Молодой человек оправил одежду и, боязливо поглядывая на поверженное привидение, копошившееся под простыней, ускоренным шагом удалился. «Да ну его к черту, этого дворника с его одеколоном!» — подумал Саша.

V

«Сколько же психов развелось на свете!» — ворчал про себя Иммануил. Он лежал на жестком равнодушном дорожном покрытии, пытаясь выпутаться из складок своего белого балахона. Высота поднебесья давила на Иммануила всей тяжестью, и он невольно медлил, еще мгновение хотел поваляться на земле, отдохнуть, прежде чем встать, чтобы влачить дальнейшее существование. Шершавый асфальт, почти растворившийся в войлочных сумерках, уже остыл, однако едкая тротуарная пыль впитала весь дневной урожай печального августовского солнца и оставалась тепла и летуча, поэтому быстро забила пазухи носа. Иммануил несколько раз чихнул. Со стороны могло показаться, что в уютной темноте кто-то хихикает высоким голосом. Язвительный вечер кривил рот в змеиной улыбочке, наблюдая за человеком, запутавшимся в простыне.

Столкновение с юношей, резко пахнувшим одеколоном, и последовавшее падение привели Иммануила в смятение: «С виду приличный парень, а воем, как ненормальный! Главное, воем как жутко. Просто мороз по коже». Иммануил, наконец, поднялся. Страхивая пыль с измызанного наряда, он испытал глубочайшую грусть: сколько ни колоти ладонью по некогда белоснежной ткани, все равно следы нечистоты на ней оставались заметны. И это наглядное подтверждение до обидного однозначной пословицы «Береги честь смолоду...» очень раздражало. «Ну, все, теперь только выбросить!» — с досадой решил Иммануил, прекратив попытки вернуть балахону первоначальный вид. Он огляделся по сторонам. Никого вокруг. Но видимость спокойствия обманчива: человек в белом одеянии кожей ощущал, что прячущиеся за оконными стеклами люди наблюдают за ним пристально и неприязненно. «Надо поскорее отсюда сматываться, а то еще меня заметут вместо того психа», — Иммануил ускорил шаг и не останавливаясь прошел мимо входа в общежитие, которое с таким трудом разыскал в этом глухом, враждебном районе.

Вообще, Иммануил не любил бывать в отдаленных концах города — здесь его кипенное одеяние всегда вызывало агрессивную реакцию. Именно в предместье постоянные угрозы и многократные попытки избить странного пришельца реализовывались с удручающим постоянством. Иммануил хорошо себя чувствовал на центральных улицах: там народ сдерживает эмоции, там больше людей с высшим образованием, с духовными запросами. Там легче вступают в разговор, легче подают. Правда, там же находятся и церкви, которых на рабочих окраинах не сыскать. Ну да сколько их, действующих-то, даже и в центре? Кот заплакал.

От церквей Иммануилу следовало держаться подальше, поскольку он в настоящее время сам работал святым. К своим тридцати шести годам Иммануил кем только ни побывал! Он (правда, тогда у него имя было другое) учился в институте, служил в

армии и даже какое-то время занимал должность замполита ракетного дивизиона, был инженером на заводе, директором заводского клуба... Всякого повидал!

Где-то под Кременчугом росла в чужой семье его дочь. Возможно, что детей было несколько, Иммануил точно не знал. Расписан был дважды, дважды разведен. А уж сколько женщин сопровождало ветренника на тернистом жизненном пути — не сосчитать. Теперь, по причине святости, приходилось себя ограничивать. Всего две у него сейчас... послушницы, так сказать.

Главное, чего всегда хотел добиться Иммануил в ходе своих профессиональных и семейно-бытовых метаморфоз, была независимость от командиров, рабочих графиков, жен и домочадцев. Теперь это, наконец, было достигнуто. У святого свобода полная. Проголодался — тут тебе и обеденный перерыв. Захандрил — вот тебе и выходной день, валяйся на диване. Загляделся на облако интересных очертаний — стой, любуйся, проводи сам с собой летучку и производственное совещание. Кроме того, всегда рядом истеричные, согласные на все последовательницы. Плюс ко всему — власть над людьми, которые полностью подчинялись ему, безвозмездно отдавали свое время, жертвовали свое имущество. Доходы у основателя новейшей общины единоверцев не шибко высокие, но сносно существовать можно... Словом, Иммануил устроился в жизни, что и говорить. Казалось бы: живи и радуйся.

Но! Свойственно человеку в мечтаниях своих заглядывать за горизонты обыденности, потому мало кто довольствуется тем, что имеет. Любой уверен, что достоин лучшего, чем выпавшая ему участь. Вот и Иммануил: вроде — святой; чего сверх того желать? А возжелал. До неприличия даже... Хотелось Иммануилу расширить и обособить свою общину. Ему представлялось поселение вроде пионерского лагеря или военного городка. В центре — его резиденция, лучами расходятся от нее улицы, застроенные домами (или палатками хотя бы, на первое время) с послушниками. Все так чинно, вышешенно... Единственная власть в поселении — Иммануил, единственный закон — его воля, единственный завет — его желания.

А что могло помешать создать такую колонию? Иммануил был уверен в реалистичности своего плана. Вся жизнь подводила будущего вероучителя к выводу: люди не хотят свободы, боятся ее. Это отчетливо наблюдалось и в общественных отношениях: чем меньше жесткости проявляло государство, чем терпимее относились оно к шалостям своих подданных, тем больше дурели граждане, тем охотнее приходили к Иммануилу. Соотечественники массово стремились вручить свою судьбу кому-то мудрому. Прежние начальники оказались дискредитированными, косность и глупость партийной номенклатуры была разъяснена населению в печати, и общественное мнение восприняло это разъяснение с радостью, ибо раньше и само так считало, только опасалось открыто проявлять фрондерство. Теперь же, прочитав свои потаенные думы напечатанными в газете, общественность уверилась в них, как в аксиоме. Поэтому срочно требовался новый нравственный авторитет, но непременно такой, чтобы ни обликом, ни строем мысли не походил на отринутых вождей, на кумиров уходящей эпохи. Наиболее нервные советские люди искали надежного духовного прибежища, устоев которого не поколебали бы возможные грядущие «перестройки». Естественно, что самым прочным должно было стать нечто противоположное насаждавшемуся официальной идеологией кондовому материализму, нечто эфемерное, желателно мистическое. Тут Иммануил и предлагал себя, как осязаемую, но нетленную святыню. Он разрешал все проблемы, снимал все стрессы. Он успокаивал и излечивал. Он уводил от обрыдшей грязи существования в гармонию грез. И чего же требовал взамен? Сущую безделицу: обесценивающиеся деньги, неудобные квартиры, ломающиеся автомашины. Люди с охотой расставались с этим мусором, обменивая его на чувство причастности к стаду белых агнцев, ведомых мудрейшим и блаженнейшим из пасторов.

Убедить же адептов в их собственной избранныости для Иммануила не состав-

ляло труда. Он вообще умел говорить с людьми и шел к своему виртуозному мастерству поэтапно, начиная со школьных лет. В то время как несознательные отроки под любыми предлогами стремились сбежать с вмененных им в обязанность собраний членов ВЛКСМ, Иммануил неизменно там присутствовал и непременно брал слово. Маленький прыщавый докладчик, горделиво держа спину, чуть приподняв подбородок, чем напоминал гимнаста перед выполнением упражнения, поднимался на сцену актового зала школы и приступал к сеансу болтологии. Он вещал азартно, слегка подвывая от верноподданнического восторга, а речи его были настолько долги и нудны, что даже президиум собрания изнемогал от изрекаемых пошлых, но надежных, как валенок, комсомольских истин, однако остановить болтуна никто не решался. Иммануилу, который, стоя на трибуне, ощущал свою неуязвимость за непробиваемой броней марксизма-ленинизма, нравилось видеть, как постепенно млела аудитория, внимая ему. Юный оратор сладострастно предавался словесному блуду, снова и снова с садистским восторгом вколачивая в головы слушателей гвозди идеологически выверенных фраз, сознательно десятки раз повторяя опорно-ключевые понятия советской риторики, чувствуя, что через несколько часов этой добровольно-принудительной ритуальной пытки люди согласились бы отдать себя на самую чудовищную казнь, только бы не слышать очередного демагогического пассажа.

А после собрания Иммануил, словно страстный коллекционер, бережно перебирал в памяти осколки впечатлений от комсомольских радений, подолгу питался этими воспоминаниями, набирался от них сил для будущих ораторских подвигов. Сопливы Цицерон смаковал пикантные детали своего выступления: как до прозрачности пустели глаза парторга-завуча; как впадал не то в транс, не то в дремоту приглашенный на собрание гость, старичок из числа первых комсомольцев; как постепенно покрывался обильным потом толстый председатель собрания из выпускного класса, как находившиеся в зале старшеклассники томно взмахивали ресницами, равнодушно-порочно заводя вверх глаза, — ох, не о решениях партии и правительства они думали, грешные плотские мысли обуревали их, но сидели вместе со всеми, покорно слушали...

Потом, когда годы учебы остались далеко позади, Иммануилу с кем только ни приходилось беседовать: с нерадивыми солдатами, с пьяницами-работягами, с капризными провинциальными деятелями культуры, с торговыми работниками, с сотрудниками правоохранительных органов... И при необходимости любого удавалось заболтать до такого состояния, что собеседник закатывал глаза, начинал невольно кивать головой в такт словам речеплета, наконец, соглашался на все, лишь бы прекратить ведущийся по всем правилам, но тошнотворный разговор.

Словом, у Иммануила был несомненный талант — он умел добиваться в итоге общения нужного ему результата. Дар редкий, безусловно, востребованный в жизни позднесоветского общества, но, как и другие выдающиеся способности в этой сфере, не дававший своему носителю материальных выгод, адекватных одаренности. Наверное, в годы революции и гражданской войны Иммануил построил бы головокружительную карьеру. Он был способен распропагандировать и привести в стан «красных» хоть казачью сотню, хоть полк колчаковцев. Но кого агитировать на восьмом десятке лет существования советской власти, когда все и без того уже на все согласны и во всем убеждены?

Конечно, в Советском Союзе формирование у населения коммунистического мировоззрения не прерывалось ни на минуту, но давно уже перестало быть делом вдохновенных ораторов и превратилось в конвейер идеологической обработки с помощью массовых методов воздействия, поддающихся контрольным замерам и цифровым измерениям. Стать к такому конвейеру доверяли далеко не каждому, специалистов

отбирали тщательно, отдавая предпочтение проверенному номенклатурному резерву, в который входили, по большей части, люди, связанные личными симпатиями и общими интересами. «Блата» у Иммануила не было, он мог рассчитывать лишь на собственную расторопность, а не на покровительство кого-либо из сильных мира сего. Поэтому к вершинам успеха приходилось ползти с самых низов, с должности армейского политработника в отдаленном гарнизоне. Это неперспективное, пыльное и беспокоейное место не интересовало «позвоночников» (сынков высокопоставленных чиновников), но было доступно «простому советскому человеку».

Однако в грубоватой, далекой от игры мысли и прямолинейной среде служивого воинства Иммануил чувствовал себя неуютно, его горделивая артистичность оказалась чужда подчеркнуто мужественному стилю общения офицеров. А самое главное, выяснилось, что наследники пламенных комиссаров Красной армии с настороженностью и даже отчасти брезгливостью относятся к коллегам, у которых хорошо подвешен язык. Начальник Иммануила прямо так ему и говорил: «Ну тебя на хрен! Чего ты выступаешь все время? Ты чего-нибудь ляпнешь, а мне отвечать за тебя, чудака. Молчи, на хрен. Молчи! Понял?» Словом, проявить все свои недюжинные способности Иммануилу не давали, перспектива карьерного роста оказалась сомнительной, а других резонов тянуть армейскую лямку не находилось. Иммануил уволился из вооруженных сил.

Полученное образование позволяло работать и по гражданской специальности, но производственная деятельность угнетала не меньше, чем служба в войсках. Иммануил страдал, задыхался в рамках рабочего дня, двадцатирублевое инженерское жалование могло дать ощущение лишь прозябания, а не жизни. А в груди клокотали силы, бурлили соки, трепетали желания. Смутные эти позывы влекли его от одной должности к другой, и каждый раз все оказывалось не то, совсем не то, чего он хотел! Новые места работы мелькали надоедливой каруселью, а кадровики по своему беспроволочному телеграфу уже передавали друг другу нехорошее слово: «Летун».

От женщины к женщине Иммануил тоже метался беспокойной птицей, хотя уже многократно убедился, что ни одна не способна дать ему чего-то большего, чем быстрая и часто самопроизвольная разрядка. И все же Иммануил кидался на каждую юбку, словно бык на красную тряпку, потому что разговор с женщиной перед тем, как она согласится, позволял оттачивать умение убеждать.

Ни привлекательностью, ни мужественностью Иммануил не отличался, напротив, имел грубо обтесанное вытянутое лицо и нескладную оглоблеобразную фигуру. Но выбранная им фемина редко могла устоять перед мастерством риторика. Находились даже такие экзальтированные натуры, которые от одной только болтовни речистого казановы чуть ли не до оргазма доходили. Однако чаще всего несчастные отдавались неказистому любовнику буднично и скучно, лишь бы только отделаться от него, лишь бы не приставал больше с занудной болтовней; а затем поспешно отправлялись по своей жизненной дороге дальше, деловито поправив лифчик, отряхнув колени, стараясь поскорее забыть произошедшее, как это бывает с женщиной после легкого столкновения с автомобилем.

Годы шли своим чередом, и Иммануилу, уже выдохавшемуся, уже почти смирившемуся с тем, что придется покорно встроиться в сложившийся порядок вещей, казалось, что он проживает чужую жизнь, расходуя сведавший его проповеднический жар на мелочи. Но тлевшая в глубине души жажда нового поля деятельности, яркого, пусть даже опасного поприща все-таки реализовалась, правда, в неожиданной для него самого форме.

Однажды в курилке один из сослуживцев по конторе, в которой Иммануил в ту пору зарабатывал трудовой стаж, с шиком вытащил из кармана не «Яву», не «Сто-

личные», а пачку «Пелл Мелл». Мужики вокруг зацокали языками, закачали головами, потянули руки: «Дай-ка попробывать». Молодой инженер, впервые ощутивший себя душой взрослой компании, слегка зарумянился и милостиво разрешал брать даже по две сигареты. Зависть к этому ничтожеству, разыгрывавшему не то доброго барина, не то закутившего купчика, к этому молокососу, вмиг ставшему центром всеобщего внимания, злым огоньком засветилась в зрачках Иммануила. Ему немедленно захотелось выглядеть так же солидно и привлекательно, поэтому после работы он приступил к коллеге с расспросами, словно с ножом к горлу. Иммануил был так настойчив, так лихо взял парня в оборот, что минут через сорок бедолага сдался. Затравленно кося глазами, поминутно сбрасывая с рукава ладонь Иммануила, он рассказал все, что знал: адрес, имя сбытчика дефицита, возможные контакты. На лице юного пижона поочередно отражались страх и изумление, ведь он ощущал себя предателем, открывшимся малознакомому человеку, хотя еще час назад был убежден, что под пытками не признается, как попали к нему иностранные сигареты. Начинающий конструктор ясно осознавал теперь свой дальнейший путь: тюрьма, этап, каторга, гибель на лесоповале. Для него навсегда осталось загадкой, как это получилось, что нескладный долговязый Иммануил, удалявшийся с холодным презрением победителя, за полчаса перечеркнул всю его карьеру, растоптал всю его жизнь.

А для Иммануила дальнейшее оказалось делом техники, стоило лишь найти того фарцовщика, на которого ему указали, и вступить с ним в разговор, хотя, конечно, «расколоть» вчерашнего студента и разговорить прожженного делягу — не одно и то же. Во время этого щекотавшего нервы словесного поединка будущий святой, пожалуй, первый раз почувствовал, что схлестнулся с достойным соперником. Тот, кстати, тоже оценил напористость и хватку Иммануила, рискнув включить его в число своих клиентов. Постепенно у новоявленного нелегального перекупщика стали появляться редкие дорогие вещи, которые на зарплату не купишь. На их приобретение шла прибыль с продажи товаров, взятых на реализацию у того же барыги. Так Иммануил превратился в «теневика».

Он все чаще брал на работе «отгулы» или приносил начальству подозрительные больничные листы, все чаще можно было заметить его слоняющимся с ярким полиэтиленовым пакетом под мышкой около центрального универмага. Оценивая поглядывая на сновавших мимо вероятных покупателей, он иногда подходил к кому-то вплотную и тихо, но отчетливо спрашивал: «Джинсы надо?» Конечно, далеко не каждый мог себе позволить приобретение редкостных брюк по спекулятивной цене, но Иммануил с присущим ему умением убеждать в пять минут склонял сомневающегося к покупке. И вот уже завелись у Иммануила лишние деньги, а модные вещи, приятные напитки, деликатесы, хорошие сигареты стали повседневной и необходимой будничностью. И вот уже у него роман с кассиршей из галантерейного отдела универмага, забавный флирт с девушкой из «Электротоваров» и интересная интрижка с продавщицей из «Мужской одежды».

Жизнь стала яркой и насыщенной, каждый день приносил радость. Иммануил пытался разобраться в веселой чехарде своих эмоций, но не мог подобрать внятное определение тому, что переживал. Пожалуй, наиболее точно передать его праздничные ощущения можно было бы, если сконструировать такую фантастическую ситуацию: мальчишка купил за десять копеек билет на детский киносеанс, а его провели на фильм, на который дети до 16 лет не допускаются, да еще в буфете бесплатно вручили мороженое... И вдобавок по счастливому билету в кино он, как в лотерею, выиграл велосипед «Орленок».

Вот какое безбрежное счастье испытывал Иммануил! Ему нравилось, придя в контору, где лежала его трудовая книжка, натянуть маску незаметного мелкого клер-

ка, но при этом осознавать, что никто из сотрудников не догадывается о двойственности его существования, не знает его настоящего лица. Когда же пожертвованный государству рабочий день завершился, Иммануил погружался в атмосферу красочного представления: он ощущал себя то персонажем заграничной мелодрамы, то героем шпионского фильма и тогда перепроверялся — нет ли за ним слежки, уходил от воображаемого «хвоста», ловко скрывался от милиционеров. А при дележе с фарцовщиком дохода, полученного от очередной спекуляции, Иммануил играл пирата, сбывающего награбленное, и бешено ругался за каждую копейку, хотя уже был избавлен от необходимости вести строгий счет финансам.

На этом интереснейшем этапе жизни Иммануил открыл для себя, что деньги действуют на людей так же неотразимо, как и правильно подобранные слова. Более того: слова, завернутые в солидную купюру (так же как и капиталы, сопровождаемые нужными словами), обретают небывалую, полностью поработавшую человека силу. Эту аксиому Иммануил крепко запомнил и положил в основу своей грядущей святости, до которой, впрочем, было еще далеко. Пока же он почувствовал, что, наконец, нашел свое место под солнцем. Он «кайфовал»! Он уже подумывал о том, что для полной нирваны стоило бы уволиться из конторы и без остатка посвятить себя фарцовке...

Закончилось все очень некрасиво. Однажды в сомнительной компании Иммануил играл в карты и проиграл очень много. Пришлось влезать в долги, пришлось скрываться и от шулеров, и от заимодавцев, пришлось срочно и потому дешево продавать ценности, пришлось расстаться со всем, что было накоплено. В конце концов, обобранный Иммануил оказался в больнице с сотрясением мозга, сломанными ребрами, разбитым лицом и нервным срывом.

Когда Иммануил вернулся к работе в своей шарашке, коллеги с трудом узнали его, настолько он был тих, подавлен. На его лице застыла извиняющаяся улыбка разочарованного идиота, что вызывало жалость и искреннее сочувствие сослуживцев. А сам себе он был просто противен, поскольку никак не решался преодолеть робкую молчаливость, пришедшую на смену переполнявшему его прежде кипучему красноречию.

И долго все оставалось плохо, пока однажды зимой в городском парке Иммануил не столкнулся со своей бывшей одноклассницей. Несмотря на лютую стужу, она разгуливала без головного убора и в легком тренировочном костюме. Притопывая от холода, женщина рассказала Иммануилу о недавно возникшей в городе группе последователей Никифора Кошкина, столетнего старца, закалившего свой организм до каких-то сверхъестественных степеней и собиравшегося прожить еще век. На следующий день Иммануил явился на занятие учеников Никифора, проходившее в том же парке на льду замерзшего пруда.

То, что он увидел, потрясло: бородатые нестриженные пенсионеры прямо на снегу оголяли тщедушные телеса, а затем бодро погружались в прорубь; рядом дородные тетki обливались студеной водой, от их розовой тугой плоти валил банный пар; молодые мужчины с обнаженными атлетическими торсами окунали в ледяную купель красных, извивающихся, словно черви на крючке рыболова, орущих младенцев. От одного лишь созерцания этих картин Иммануила, одетого в подбитую ватой куртку, начинало знобить. Все происходящее воспринималось запредельным кошмаром, но окружающие излучали не омраченное какими-либо сомнениями жизнелюбие. С изумлением глядя на них, Иммануил начал догадываться, что существует в мире нечто более значительное, чем дефицитные товары, которыми он прежде спекулировал, что есть на земле ценности, которые не смогут отобрать у него ни уголовники, ни власть. Ему настолько захотелось сей же час приобщиться к этим ценностям, что он стал неторопливо и вместе с тем решительно снимать свою одежду, пока не оказался в одних несвежих «семейных» трусах. Иммануил как будто подвергся солнечному

удару, хотя мглистое зимнее солнце не посылало людям ни единого импульса тепла. Он не вполне отдавал себе отчет в своих поступках, но интуитивно постигал, что имеет возможность прямо сейчас избавиться от угнетавшей его несколько последних месяцев подавленности, что получит шанс вернуться на стезю наполненной радостью жизни, только если станет действовать нестандартно и дерзко. Оступаясь босыми ногами на колочем снегу, как бы починившись чьей-то чужой воле, Иммануил подошел к краю курящейся проруби, зачерпнул ведром воды, поднял посудину над головой и с мазохистской медлительностью перевернул днищем кверху. Обжигающий липкий холод пронзил Иммануила, тысячами бритв врезался в тело, проник в самую суть его естества. Описать это ощущение было сложно, лишь промелькнула мысль о том, что, наверное, так чувствует себя изнасилованный человек. Однако в этом грубом насилии содержалась возможность очищения. Ломающая кости, выкручивающая суставы вода окончательно смыла терзавшие его уныние и разочарованность.

На другой день Иммануил вновь оказался в больнице, на этот раз с воспалением легких. Выход из лечебницы стал возвращением к активной деятельности, к пламенным речам. Миру явился самый ревностный апостол учения Никифора Кошкина, готовый горы свернуть, дабы обратить в новую веру как можно больше людей.

Грандиозный план созрел еще на больничной койке. Иммануил загорелся идеей привести к открывшемуся ему под струями ледяной воды исповеданию всех соотечественников, все человечество и уже в деталях представлял себе, как устроится это дело. Зародится великое начинание из первичной общины, которую Иммануил организует, возглавит, превратит в орден самоотверженных нестигаемых рыцарей, готовых пожертвовать собой ради грядущего приобщения рода людского к откровению от Никифора Кошкина. Взращенные Иммануилом члены общины пойдут по миру, основывая свои ячейки Сообщества Причастных к Возрождающему Закаливанию. А вскоре частая сеть таких ячеек покроет планету, и вечная жизнь без болезней, без уныния откроется народам Земли!

Но начинать следовало с малого, и Иммануил приступил к реализации задуманного с упорством, достойным восхищения. Он прошелся по инстанциям, необыкновенно веско говорил с чиновниками разных уровней и в итоге убедил начальство назначить его директором клуба, подведомственного предприятию, на котором трудился. Энергии новоиспеченного руководителя учреждения культуры хватало и на самодеятельность, и на ремонт туалетов, и на покупку баянов... Однако главное, ради чего на самом-то деле функционировал отныне клуб, свершалось раз в неделю. Вечерами по средам здесь происходило камлание во имя Никифора Кошкина. Со всего города добирались сюда аскетичного вида мужчины с горящими глазами и маленькие неприметные женщины, самозабвенно отринувшие косметические средства и погоню за модными тенденциями.

В закрытом для посторонних клубе в такие дни не работал даже гардероб, поэтому в холодное время года на прилавке перед пустовавшими вешалками вырастала гора чудовищных кроликовых ушанок и шуб из искусственного меха со свалывшимися блестящими космами. Все это скидывалось в кучу с таким пренебрежением к собственности вообще и к верхней одежде в частности, что в следующий момент можно было ожидать ритуального сожжения псевдопушнины. Проходя мимо этого потенциального кострища, директор клуба неизменно потирал руки и улыбался, видя в нем прообраз мирового пожара, который вот-вот разгорится.

Сбросив стесняющие пути шуб, пальто и курток, действительные члены секции моржевания имени Никифора Кошкина обнимались с такими радостными возгласами, словно еженедельно заново обретали братьев и сестер во закаливании. Непосвященным эта восторженность могла бы показаться гипертрофированной, однако посе-

тителю полулегальных собраний приветствовали друг друга не только как союзников, но и как сотоварищей по яростному истязанию плоти, ставившему их впрямь на грань выживания. Крепче родственных уз сплавивала друзей привычка к телесным мучениям во имя... Впрочем, не так уж важно, во имя чего. Часто человеку хватает ощущения причастности к движению единомышленников, цель же движения оказывается второстепенной или вовсе присутствует в снятом виде.

По вечерам в среду неистовые моржи собирались в кабинете директора клуба, чтобы обменяться информацией о произошедшем за неделю, рассуждали о том, насколько окрепло подвергаемое закалке тело, насколько укрепился от этого дух, докладывали, сколько километров пройдено босиком по снегу. Обсуждали доходившие до них временами новости о Никифоре Кошкине, путешествовавшем пешком по России. А когда собеседники вдруг разом стихали, захлебнувшись волнами душевной теплоты и взаимного интереса, кто-нибудь многозначительно бросал взгляд на стоявший здесь же старенький кинопроектор. Собрата понимали без слов. Иммануил в который уже раз доставал свернутый в рулон портативный экран, гасил свет в кабинете, и начинался очередной коллективный просмотр любительского фильма с изложением катехизиса закалывания.

На ветхой пленке Кошкин был запечатлен бредущим по какой-то слякотной распутице в кедах, спортивных трусах и солдатской майке. Изображение было нечетким, переснятым с экрана на таком же тайном собрании неведомо в каком городе, невесте в каком году. Фокус киноаппарата постоянно «плавал», отчего Никифор предстал прозрачным существом с неразличимыми чертами лица. Уверенно воспринималась лишь пушистая и длинная седая борода, словно это был некий Дед-Мороз для взрослых. Глядя на движущуюся картинку с расплывчатыми красками, каждый член секции невольно задавался вопросом: узнает ли он своего кумира по этому изображению, доведись невзначай встретиться со старцем? Да и возможна ли такая встреча? Может быть, Кошкина в действительности не существует, а есть лишь мутные пятна на размытой пленке? И каждый себе на это отвечал: если бы Кошкина не было, его следовало бы придумать!

Когда затертая кинолента обрывалась, проектор «Украина» какое-то время жужжал в абсолютной тишине на фоне ровного яркого белого квадрата пустого экрана. Потом включали освещение, но зрители старались не смотреть друг на друга, стесняясь счастливых глаз, выражавших удовольствие сопричастности к великому. Мужчины сосредоточенно молчали, покачивая головами, дамы, не обращая ни к кому, роняли: «Какая все-таки в нем мощь, энергия...» И тогда с новым приливом сил продолжали говорить о том, о чем уже было не раз говорено.

Центром всех ассамблей был, конечно, Иммануил. Он не только предоставлял помещение для встреч, он также составлял расписание занятий, писал объявления, созванивался с кем-то, кому-то давал советы и почти безостановочно говорил, говорил, говорил... Авторитетные ученики Никифора отнеслись к неопиту с ласковым уважением, на собраниях постоянно подчеркивали, как важна для всех фигура директора клуба, деятельного последователя кошкинского учения, давшего кров непризнанным и гонимым апостолам оздоровления. Иммануилу сулили познакомить его если не с самим Никифором, то с человеком из ближайшего окружения старца. Сообщалось это таким тоном, будто обещанное знакомство принесло бы ослепительное счастье на всю долгую жизнь плюс индульгенцию лет на триста в загробном мире.

Единственное, что омрачало жизнь обласканного вниманием сотоварищей директора клуба, — организм отказывался поддаваться закалке. Импульсивность натуры не позволяла Иммануилу постепенно втягиваться в моржевание, и он всегда перебарщивал, как во время своего первого ледяного омовения, он не желал понемногу при-

выкатать к обтираниям и обливаниям, а стремился сразу спать на снегу. По таковой причине Иммануил был перманентно простужен, что, разумеется, никак не шло одному из апологетов здорового образа жизни. Так исподволь росло напряжение в отношениях с последователями Никифора Кошкина: те начинали с подозрением коситься на вечно чихавшего и кашлявшего Иммануила, он же, в свою очередь, раздражался оттого, что вредные моржи никак не хотели открыть ему секрет моментального избавления от болезней.

А тут одной головной болью стало больше у руководителя ведомственного очага культуры. Однажды к нему пришла странная делегация: работники райкома комсомола вместе с какими-то подозрительными личностями. Предложение последовало, мягко говоря, неожиданное. Директора клуба просили разрешить провести в малом конференц-зале закрытый диспут по религиозным вопросам. Иммануилу эта затея сразу не понравилась. Действительно, полуполюгальных сборищ учеников Кошкина более чем достаточно; к чему еще и верующие во вверенном ему клубе? Это уже могло быть воспринято общественностью как тенденция, и тенденция очень нехорошая. Он посоветовал посетителям зайти на недельке, а сам после их ухода набрал несложный номер и сообщил обо всем в компетентные, как принято говорить, органы.

Неожиданно для себя Иммануил получил почти разрешительный ответ. Органы бархатным баритоном высказались в том смысле, что он, конечно, прав, что со своими раздумьями обратился в соответствующие органы, но органы ничего никому не запрещают, и он как руководитель учреждения вправе сам решать, что проводить, а чего не проводить. Вот, например, он (ни с кем, кстати, не согласовывая) регулярно организует в собственном кабинете, мягко говоря, странные... как бы это сказать... посиделки, что ли, некоторых одиозных товарищей. И ведь никаких препятствий ему не чинили, не правда ли? Так вот, возвращаясь к нашим баранам, если он как руководитель учреждения примет самостоятельное (самостоятельное!) решение разрешить неформальным религиозным деятелям собраться (без всяких афиш, разумеется, и в очень узком составе), то желательно сообщить в органы о времени проведения данного мероприятия. Тогда органы назовут двух-трех специалистов, которых стоило бы пригласить на подобную дискуссию, помимо имеющегося списка.

Первое, о чем подумал Иммануил, положив трубку после этого непростого телефонного разговора,— кто из сторонников закалывания по системе Никифора Кошкина является специалистом из компетентных органов, внедренным в несанкционированную организацию, помимо имевшегося списка? Перебрав в памяти всех соратников, к однозначному ответу незадачливый морж не пришел. Второе, в чем попытался разобраться Иммануил,— почему КГБ попросту не запретил намечавшийся клерикальный шабаш? Видимо, чекисты хотят, чтобы такое сомнительное мероприятие все-таки состоялось. Зачем? Собирают материал на районных комсомольцев? А может статья, материал собирают на него, на директора клуба? Нет-нет, ни в коем случае нельзя разрешать никаких двусмысленных сборищ! Потом Иммануил думал так: «А может, контрразведка проводит хитрую комбинацию с целью выявить... кого-нибудь там выявить, и я своим отказом сорву оперативную разработку?» И, наконец, махнул рукой: «Пропадите вы все пропадом! Я доложил куда надо, а вы делайте, что хотите!..» Иммануил позвонил в райком комсомола, затем вновь в Комитет, согласовал дату проведения диспута и с тревогой ждал приближения назначенного срока.

И вот настал тот день, который оказался поворотным в судьбе будущего святого. К условленному часу конференц-зал заполнили неформальные религиозные деятели. Иммануил даже не предполагал, что их в городе такое количество и что они на первый взгляд ничем не отличаются от обычных граждан. Как один из самых заинтересованных наблюдателей он пытался разобраться: кто из собравшихся верующий, кто

комсомолец, а кто специалист из компетентных органов. Но тщетно директор клуба искал наружных атрибутов неформальной религиозности — инструктор райкома ВЛКСМ внешне ничем не разнился с баптистом (кстати, это показалось Иммануилу принципиально неверным!). Пожалуй, лишь кришнаиты выделялись из толпы собравшихся некоторыми внешними атрибутами своего культа.

Деловито оглядев заполненную на две трети аудиторию, ведущий дискуссии сказал вступительное слово, и началось...

Активнее всех оказались как раз кришнаиты. Они демонстрировали свои барабанчики, какие-то яркие отрезки материи и показывали картинки с божками, имена которых запомнить было невозможно. Иммануилу особенно понравились два из них. Один с золотистой кожей, а вокруг все цветы, цветы, и на шее у него цветы. На лбу — пятнышко. Другой, тоже с точкой на лбу, был совсем голубенький, словно бы отороженный. Иммануилу жалко стало заиндевшее божество: директор клуба и сам так синел, неумеренно закаливая свой организм у проруби. Адепты сознания Кришны горячо заверяли собравшихся в том, что их убеждения не противоречат советской политической системе, а следовать этим взглядам приятно и полезно, поскольку кришнаизм не столько религия, сколько философская и этическая система.

Отвечать диковинным сектантам вызвалась начинающая сотрудница райкома. Видно было, что она старательно подготовила свое выступление, но когда начала говорить, то смешалась и с минуту молчала, затравленно оглядывая зал. Ей на выручку ринулся старший товарищ, назидательно и веско заявив, что бога нет, а религия, пусть даже она маскируется под систему моральных норм, отвлекает от социалистического строительства, «перестройки» и «демократизации», поэтому нечего сбивать молодежь с пути поступательного развития советского общества, затуманивая головы юных строителей коммунизма мистическим дурманом. Закончив краткое, но емкое выступление, комсомольский руководитель сердито посмотрел на сбившуюся подчиненную: вот, мол, приходится за тебя отдуваться, чтобы встреча проходила строго по утвержденному сценарию.

Кришнаиты отвечали в том смысле, что социализм и все такое — это важно, но надо же и о душе подумать. А их верование вполне подходит для строителей коммунизма, так как требует не жесткого соблюдения обрядов, а только самосовершенствования, что и для комсомольцев полезно. Например, перед субботником или демонстрацией можно медитировать всей «первичкой». Или рабочий, пришедший после смены. Он мог бы дома или в общежитии входить в особое состояние духа, что отвлекло бы от пьянства и драк на танцевальных вечерах, приводя в итоге к росту производительности труда целых коллективов.

Потом слово взяла не вполне сознательная девица из несоюзной молодежи и произнесла ключевую фразу: «Я, конечно, в бога не верю, но что-то такое есть...» Кришнаиты в ответ кивали: есть, есть, конечно. Да и вся публика оживилась, видимо, близко к сердцу приняла соображение о том, что «что-то такое есть». В зале зашумели, стали высказываться, не дожидаясь очереди, вразной. Певчий из местного кафедрального собора спорил с кришнаитами: «Вы же русские люди. Зачем вам Кришна? Ведь та любовь и всепрощение, о которых вы говорите,— это же Христос! Идите в православный храм».

Иммануил подумал: «Ну да! Сейчас они пойдут в церковь! Здесь все почти не старше тридцати, а в церкви одни только бабки собираются». Он смотрел на кришнаитов, смотрел на певчего, и сравнение было не в пользу последнего. Те были молодые, красивые, в джинсах (возможно, ранее уже проходивших через руки некогда бедового фарцовщика, ныне культуртрегера-миссионера), в ярких свитерах, с цветными бисерными повязками на головах и запястьях, а этот — худощавый мужчина

средних лет в сером бесформенном пиджаке... Сразу было видно, что и личная жизнь у него неудачная, и вера его мудреная.

Не только Иммануилу, всем собравшимся стало немного стыдно за певчего. Как он, в самом деле, не понимает, насколько интереснее быть кришнаитом, у которого есть и синенький, и золотистый божки!

Долго потом еще спорили в конференц-зале клуба. Говорили то по очереди, то все разом. Слушали, прежде всего, себя, однако улавливали кое-что из речи оппонента. Видели в собеседнике одновременно и заблудшую овцу, которую, болезную, надо спасти, наставив на путь истинный, и непримиримого противника, коего следует без жалости повергнуть в прах... Расходились, как после любого беспредметного спора, с головной болью.

Директор клуба так никогда и не узнал, для чего КГБ разрешил проведение той контролируемой религиозной провокации; впрочем, данный вопрос перестал волновать Иммануила, после того как он убедился, что никаких неприятных последствий состоявшегося действия не повлечет. Гораздо интереснее оказались мысли, пришедшие в голову по завершении диспута, на котором парадом прошли представители разных конфессий, показав виртуозное владение казуистикой спора и навык заодно, без раздумий отвечать на все каверзные вопросы, на все нападки. Иммануил, искушенный в риторике, как мы помним, с отроческих лет, по достоинству оценил проповедническое мастерство завоевывать симпатии слушателей и превращать противников в сторонников. Решительность и изворотливость клерикалов весьма импонировали, манили постичь тонкости ораторского искусства, однако главным было другое. Во время протекавшей на его глазах идеологической битвы Иммануила осенило: оказывается, каждому из нас важнее хлеба насущного найти во враждебном мире родственную душу и уверить окружающих в том, что родственные нам души прекрасны!

Открытие это по степени влияния на человечество достойно было бы Нобелевской премии, но Иммануил не миг осознал его значимость. Он перепроверил себя, вспомнил все, что происходило с ним в жизни, что было ему известно из рассказов окружающих, и убедился: верно! Только это и нужно людям. А между тем, именно этого они лишены.

Восхищенный своим озарением, Иммануил захотел безотлагательно сделаться кришнаитом, но по зрелом размышлении отказался от этой идеи: у тех уже есть собственные гуру, главные по Кришне, а он-то сам рассчитывал стать главным. Или даже (чем черт не шутит!) новым Кришной. Нужно было найти что-то свое!

В сознании Иммануила стали возникать очертания неслыханного предприятия, которое могло исключительно возвысить его. Страсть к самозабвенной болтовне, неудовлетворенные лидерские амбиции, туманный мистицизм, привычки выжиги-спекулянта смешались в пропорциях, необходимых для возникновения критической массы, и взметнули в голове грибок ядерного взрыва. Иммануил решил вернуться к фарцовке, но фарцевать отныне намеревался... Богом. Он станет монополистом, единственным сбытчиком благодати. Он превратится в Никифора Кошкина — непогрешимого учителя, но без всякой моржовой дребедени. Он будет оптом продавать людям самый надежный, недевальвируемый товар — образ жизни. В комплект поставки входят также нерушимые устои братства единоверцев, увлекательные обряды, а по требованию и чудеса. Цена на первый взгляд может показаться покупателю завышенной, но зато какое качество! Фирма! Самый писк моды! Кроме того, приобретая этот товар, вы навсегда обеспечиваете себе отсутствие сомнений, безмятежное и бездумное следование непреложным указаниям наставника. А в каком другом месте вы сейчас достанете душевное спокойствие? Только у Иммануила! Плюс ко всему продавец каждому гарантирует оригинальную упаковку и длительную независимость от всех других продавцов смысла бытия.

Замысел был, безусловно, авантюрный, поскольку до сих пор лишь правящий режим имел право торговать образом жизни, а покушения на казенную монополию всегда чреваты дурными последствиями. Иммануил ощущал себя отчасти фальшивомонетчиком и опасался, что за подделку идеологических ассигнаций может подвергнуться суровому наказанию. Но с развитием «перестройки» прежде всем очевидные жестокость и неизбежность кары со стороны обманутого государства стали казаться все более иллюзорными. Приступы гнева коллективного советского социалистического самодержца со временем явно смягчались, так что при умной постановке дела риски от спекуляции мировоззренческими ценностями можно было свести к минимуму, а барыш предполагался бешеный.

Игра стоила свеч, но надо было еще многое обдумать, подготовить, прочесть, обеспечить минимальную материальную базу грядущего духовного прорыва. Поэтому Иммануил, внутренне уже переродившись в главу религиозной общины, оболочку своего существования на долгое время оставил неизменной: заурядный директор клуба, по-прежнему занимающийся туалетами и баянами.

Начиная восхождение к святости, Иммануил, прежде всего, пересмотрел отношение к системе Никифора Кошкина, поскольку она только до тела человеческого касалась, а душу рассматривала лишь как волевой резерв закаливания. Да и надоело все время ходить простуженным! Потихоньку начал отваживать своих вчерашних собратьев по ледяному крещению: еженедельные встречи стали ежемесячными, потом собирались от случая к случаю, вне графика, а потом Иммануил объявил о начале затяжного ремонта в своем кабинете, и собрания вовсе прекратились. Однако долго еще вечерами по средам приходили к зданию клуба изможденные люди с горящими глазами. Они как бы ненароком прогуливались у входа и, когда дверь распахивалась перед тем, кто имел право доступа, с тоской бросали ревнивые взоры внутрь недоступного теперь для них помещения. Наверное, Адам и Ева вот так же топтались у потерянного парадиза и, прильнув к щели в заборе, пытались хотя бы издали увидеть елисейские поля. А если раздавался скрип заповедных врат, то прародители подбегали к раскрывающимся створкам и грустно наблюдали за тем, как здоровенный битюг выволакивал из рая телегу, переполненную запретными плодами. Небритый ангел в телогрейке шел рядом с повозкой, щелкал вожжами, рассуждал сам с собою: «Вот ить сколько яблоков нападало... Куды их теперь? Битые все, червивые. На вино только, на вино... Но, пошел!»

Активисты секции моржевания, самые закаленные из закаленных, несколько раз встречались с Иммануилом, но говорили мало, уповая больше на то, что, увидав их, прежний брат устыдится. Выразительно смотрели в глаза, немо вопрошая: «Как же ты мог стать предателем? За что ты нас так? Одумайся!» Иммануил игнорировал их многозначительные взгляды, ссылаясь на объективные причины невозможности продолжения собраний. Несколько раз намекал, что не сошелся же свет клином на Никифоре, что есть и другие достойные, даже с оттенком святости, люди... Вот если бы ради такого человека собираться, то можно было бы что-то придумать с помещением. Но тупоголовые кошкинские активисты не понимали намеков. А может, понимали, но не могли представить себе святого иначе как старцем с белой бородой, бредущим босиком по тающим снегам.

«Ну и черт с вами! — решил про себя Иммануил. — Свежий воздух любите? Вот и гуляйте по свежему воздуху!.. Хоть бы баба какая дала, а то так только... Время трачу...» Это была правда: за весь период увлечения закаливанием ни одна из женщин не стала добычей Иммануила. Поэтому он расстался с последователями Кошкина без терзаний и сомнений. Он решительно изгнал Никифориан из своего храма баянистов и чтецов-декламаторов. Больше того, Иммануил даже затаил в душе ощущение

ние обиды, как будто подвергнутые остракизму соратники что-то ему обещали, но не сдержали слова.

Иммануил методично нагнетал внутри себя ощущение собственной святости, и скоро окончательно утвердился в этом чувстве. Теперь можно было восходить на следующую ступень возвышения, убеждая окружающих в своей избранности и исключительности. Хотя бы одного для начала. Хотя бы одну. Капитальный вопрос встал перед Иммануилом: «С кого начать?» Тут и вспомнилась ему райкомовская работница, та самая, что на сходке религиозных деятелей начала было говорить про несовместимость развитого социализма с религией, да осеклась. Иммануил познакомился с ней поближе, на двух первых свиданиях молотил языком так, что даже уставал, а на третий вечер затащил в постель «разведенку», которая на сидячей бумажной работе давно истосковалась по ласке. Через неделю, прошедшую в угаре сумасшедшей любви, мужчина под большим секретом открыл своей любовнице, что он не просто так себе человек, вообще-то имя его Иммануил, он святой, пророк и мессия. Разогретая страстью комсомолка сразу и безоговорочно в это поверила, и следующая неделя любовных утех стала еще более медовой. Иммануил нарек свою избранницу матерью Апоксионарией и вскоре убедил ее, что снизошедшая на них избранность не должна оставаться тайной для человечества, надо открыться людям. У матери Апоксионарии нашлись две незамужние подружки, которых и обрекли стать первыми посвященными...

Дальнейшие события доподлинно восстановить невозможно, но по клубу, где директорствовал Иммануил, поползли нехорошие, скабрзные слухи; ночные сторожа возвращались с дежурства во взвинченном состоянии, прятали глаза от домашних и мрачно отмалчивались. А однажды ранним майским утром клуб нежданно посетила некая начальственная дама. Накануне она отмечала здесь свое пятидесятилетие и забыла забрать подарок коллектива — чайный сервиз на двенадцать персон. Решив до работы исправить оплошность, она вызвала персональную машину пораньше. К удивлению юбиляриши двери клуба оказались распахнутыми, а пожилой вахтер сидел на ступеньках крыльца и курил, затравленно озираясь. Он глянул на начальницу красными глазами и, не поднимаясь, как-то лениво махнул рукой, мол, проходи, раз заявила. От нехорошего предчувствия у посетительницы чаще забилося сердце, а когда она вошла в фойе, сердце просто затрепетало. На стойке гардероба лежала женщина в шитом блестками трико из костюмерной детского народного цирка. Женщина была мертвецки пьяна, а трико, врезавшееся в недетские тела, лопнуло под мышкой. Рядом с ней, всклокоченный, растерзанный, рычащий, стоял директор клуба и пытался вытащить палец из горлышка шампанской бутылки. Директор возбужденно говорил, говорил безостановочно, но решительно невозможно было разобрать ни единого слова его страстной речи. На втором этаже послышался грохот, издать который мог крупный музыкальный инструмент. Поднявшись наверх по засыпанной конфетти и новогодним серпантинном лестнице, начальница увидела вовсе чудовищную картину: в комнате оркестра народных инструментов спали две голые гражданки. Одна из них зарылась в ворох фольклорных костюмов, а другая бесстыдно развалилась на рояле, по крышке которого и ударяла в забытии пяткой, наполняя струнным гулом сконфуженно притихшее здание, пронизанное невинным светом низкого пока солнца. В помещении стоял смрад отрыжки и алкоголя. Портрет Глинки валялся на полу, прожженный окурком.

Скандал был грандиозный! Иммануила и его подруг уволили с работы, причем мать Апоксионарию еще и исключили из комсомола. После этого разбитая четверка принялась за уличный промысел. По одному или парами подходили они к людям на остановках общественного транспорта и, выбрав жертву, вопрошали тихо, но значи-

тельно: «Спастиесь хотите?» Если человек откликнулся на эту фразу хотя бы словом, то на него набрасывались все четверо, окружая несчастного, наперебой объясняли, что скоро конец света, и только посвященные могут спастись, а тут на остановке стоит такой симпатичный, милый человек, что жалко будет, если он не спасется, вот они и решили его посвятить, а значит — спасти. Чаще всего можно было гарантировать свою сохранность при конце света, дав избавителям немного денег, но некоторые особо впечатлительные горожане крепко застревали в лапах Иммануила и через какое-то время уже сами приставали к прохожим с жутковатым вопросом: «Спастиесь хочешь?»

Понемногу община росла, структурировалась. Новообращенные братья и сестры сшибали у доверчивых людишек мелочь, поставляли свежих рекрутов; мать Апоссионария контролировала низовое звено и распределяла полученные средства; а сам Иммануил был занят сохранением авторитета святости и проведением выдуманных им самим ритуалов. Деньжонки у него появились, но глава секты был не особенно доволен: трудно и муторно доставались рублишки, почти как инженеру в шараге. Да и понимал Иммануил, что все это ненадолго, что за ним приглядывают прежние наставники из КГБ и скоро «возьмут». Спасло то, что организаторы очень кстати подоспевших «демократизации, гласности и нового мышления» сделали ставку на все неформальное как на главный свой резерв в борьбе с «противниками перестройки». Иммануил (а уж он-то стал неформален — дальше некуда!) почувал, что, скорее всего, ареста удастся избежать, и продолжил сколачивать «белое братство».

Однако набиравшая обороты «перестройка» несла в себе и опасные для самозванного пророка тенденции: у Иммануила объявилась масса конкурентов. По стране бродило великое множество желающих снять урожай на целинных просторах духовности, поймав добычу в девственных дебрях душ неискушенных советских граждан. С грустью взирал Иммануил на то, как жадные толпы экстрасенсов, заокеанских проповедников, предводителей экзотических сект вытаптывали его посеы. Оказалось, не он один додумался обогатиться, торгуя образом жизни. В руках пришлых захватчиков было такое мощное оружие как телевидение, и они отгрызали жирные куски потенциальной паствы. Хотя и на Иммануила спрос сохранялся, ведь он работал с каждым конкретным человеком, что при его умении говорить становилось решающим фактором коммерческого успеха. К тому же Иммануил скоро научился использовать приемы соперников: таинственный антураж, ускорение и замедление речи, многозначительные паузы, многократное повторение одних и тех же туманных фраз. Успехи окрыляли, помогали держать себя в тонусе.

Вскоре выпал шанс убедиться, что на самом деле никакой конкуренции среди торговцев спасением нет, что они все вместе делают общее дело, помогая друг другу приумножать доходы. Иммануил мог бы даже назвать точную дату, когда твердо осознал: существует негласное сообщество охотников за людскими душами. Это был тот день, когда он оказался в кинотеатре «Слава», арендованном очередным религиозным коммивояжером для массового охмурения русских обывателей.

На афише, исполненной в какой-то упаднической манере, указывалось, что вместо дневного сеанса в кинотеатре состоится выступление отца Пола Кауфмана из США. В назначенный час заезжий пастор с бритым надменным лицом и тщательно уложенными седыми локонами вышел на сцену и медленно обвел зал глазами. Лицо проповедника показалось Иммануилу давно знакомым: не то Кауфман был поразительно похож на голливудского актера, чью фамилию никак не вспомнить; не то вызывал ассоциации с пропагандистским искусством, ведь именно такими изображали советские карикатуристы воротил с Уолл-Стрита, пентагоновских ястребов, империалистов-милитаристов, отстаивавших принципы неокOLONиализма.

А Пол Кауфман, похоже, и впрямь ощущал себя находящимся словно бы среди туземного населения, которое предстоит привести к истинной вере огнем и мечом. Он с брезгливостью и затаенным беспокойством работарговец осматривал сидящих перед ним людей, прикидывая, сколько дюжин таких существ можно купить на доллар.

Конечно, спасительного слова наставления от проповедника так никто и не услышал. Кауфман не собирался мараться о низкосортную публику: он был лицом своей общины, товарным знаком, ярлычком «Сделано в США». Поэтому, процедив несколько слов, услужливо переведенных нанятым толмачом, Кауфман представил собравшимся своего собрата из России, прошедшего стажировку в Штатах, и удалился, подобно роботу переставляя негнущиеся ноги, почти не шевеля руками, чтобы не помять добротный материал безукоризненно сидевшей пиджачной пары. Каким ледяным высокомерием, каким олимпийским презрением к смертным веяло от пастора! Иммануил просто восхитился. Обязательно надо было перенять эту манеру с блестящей наглостью выказывать окружающим пренебрежение!

Но не только у Кауфмана было чему поучиться. Русский воспитанник Пола, овладев микрофоном после ухода босса, с удовольствием и смаком отрабатывал на наших манекенах усвоенные им американские приемчики. Скороговоркой уверив аудиторию, что постоянно испытывает счастье общения с высшими силами, парнишка начал медленно и тихо втолковывать, что каждый человек рано или поздно неизбежно обратится к сверхъестественному, но надо не ошибиться и идти к вере правильной дорогой, дорогой, открытой только последователям секты, которую возглавляет Пол Кауфман. Динамики разносили по залу шепот и даже придыхания говорившего, а когда тот почувствовал, что люди почти усыплены его речью, то заорал вдруг: «Аллилуйя!» Полилась музыка, странная, завораживающая музыка, и вместе с ней нечто тошнотворно-приятное вплывало в зал. Иммануил почувствовал, как в голове что-то стронулось, медленно закружилось, а на губах образовалась блаженная улыбка. Он удовлетворенно подумал: «Хорошо подготовились, черти!» И перестал контролировать себя. Было слышно бормотание проповедника, но не слова имели сейчас значение, а то необъяснимое, что витало между рядами скрипучих жестких кресел, в которых расслаблялись, обмякали собравшиеся.

Вот оно, то, о чем всегда мечтал Иммануил! Оно существует, оно здесь! Вот ради чего гуру-фарцовщик готов был на все: он мог бы проломить кому-нибудь череп, он дал бы отрезать себе палец, лишь бы не прерывались чудесные звуки. Музыка волнообразно наполняла зал, уплотнялась толчками, как кровь в жилах. Музыка навсегда поместилась в мозг и пульсировала там, словно заевшая пластинка. Иммануил будто бы оказался под стеклянным колпаком, внутри которого было до истомы уютно. При этом Иммануил отчетливо видел то, что творится снаружи, однако происходящее никак не затрагивало его чувств. Сидевшие в зале беззвучно шевелили губами, помимо воли совершая вращательные движения головой, многие поднялись с мест. Встал и Иммануил, двинулся по проходу ближе к сцене. Когда поравнялся с первым рядом, заметил женщину, беззвучно бившуюся в конвульсиях. Чуть поодаль другая вдруг подалась вперед с откинувшегося сиденья, почти кувыркнулась, повалилась на пол, закрутилась волчком. Но, не смотря на экзатичность, двигалась она плавно, замедленно; из-под закрытых век выкатывались слезинки; рот был распахнут. Стон ли, крик ли вырывались у женщины? Или молчала она? Кликуша подкатилась под ноги Иммануилу, и тот захохотал в такт музыке. Вот жертва, у ног его! И как легко взять добычу, как сладостно заставить других валяться в пыли, как ничтожны все, кроме Иммануила! Он воздел руки вверх, ему казалось, что он увеличивается в размерах, что он достает до потолка кинозала, что он заполняет собой все пространство и вытесняет других.

Окружающие вдруг обратились в ничтожных насекомых, копошащихся на своих шестках, покорно отбросивших волю, отключивших сознание насекомых. Рассевшиеся рядами человекоподобные богомолы сучили лапками, часто кивали головами, повинаясь ритму речи стоявшего на эстраде мужчины. Иммануил полез на сцену, чтобы отнять микрофон у проповедника. Иммануил хотел выхватить из чужих рук эту волшебную палочку на гибком шнуре, громоподобно крикнуть в кишаший инсектоидами зал: «Встаньте и идите за мной!»

Какие-то крепыши остановили его, вывели под руки, дали понюхать нашатыря. Несколько минут Иммануил приходил в себя, полулежа на «банкетке» в фойе кинотеатра. Он сам себе казался оплавленным шлаком, постепенно остывавшим по выходе из горнила. Явственно ощущалось, что за стеной, в зале, откуда его только что изгнали, гулко топоча массивными пружинистыми лапами, мечется небывалое существо, слепленное из отдельных людей. У Иммануила мурашки бегали по телу, настолько хотелось влиться в бесноватое, мягко прыгающее по стенам нечто, настолько тянуло вернуться в покинутое логово обаятельного чудища. Однако он понимал, что присутствие там навсегда сделает его рабом Пола Кауфмана и перечеркнет собственные замыслы. Поэтому Иммануил, собравшись с силами, вышел из прохладной полутьмы кинотеатра на улицу, залитую ослепительным солнечным светом.

Бывшее в глаза солнце расплавало городские кварталы в струящийся мираж, и среди радужных пятен перед взором Иммануила подрагивали образы женщин, распростершихся у его ног: одна лежит ничком, сотрясаясь в редких конвульсиях, другая, рядом, пала на колени и клонит, клонит голову все ниже и ниже. Покорные, лишенные индивидуальности куклы. «Вот что можем мы, служители высших сил!» — гордость распирала проповедника.

С того дня его община заработала интенсивнее. Иммануил активно искал информацию о психоделической музыке и препаратах, воздействующих на сознание. Все прочитанное смело применялось им на практике, так что подопытные послушницы вскоре были доведены до окончательного иступления. Кроме того, новоявленный святой разработал дополнительные ритуалы, сочинил множество молитв, усовершенствовал атрибутику своей секты. В этот период возник и ставший позже знаменитым белый балахон.

Идея была в том, чтобы обличем резко выделяться из толпы, привлекать внимание и поражать окружающих внешним видом. Первый вариант униформы мать Апоксионария скроила из простыни — кособокий колпак и неказистая хламида. Иммануил, облачившись, стал похож на ку-клус-клановца. Долго не решался выходить в таком наряде на люди, но постепенно пообвыкся, начал понемногу прогуливаться по улице, а потом втянулся. Добропорядочные обыватели, встретив на пути Иммануила в вызывающей обновке, шарахались в стороны — думали, псих сбежал из лечебницы. Милиционеры, брезгливо морщась, гоняли блаженного чуть не пинками. Но с углублением «перестройки» стражи порядка стали более терпимо относиться к наружности неформалов, а граждане привыкли к городским сумасшедшим, число коих стремительно росло. Помешательство становилось нормой; более того, чем сумасброднее выглядел кто-то, тем заинтересованнее к нему относились. Народ нащупывал границы дарованной свободы: и это можно? Ну, дела! А если вот так? А этак? Все можно?? Ну, вы даете!!!

Со временем покроем балахона, воспринимавшегося сектантами уже как мундир, менялся, становился удобнее, моднее. Вскоре и послушницы получили право на ношение подобного одеяния, только у них не колпак венчал костюм, а капюшончики с оборочками. Когда эта бригада в белых хитонах выходила на промысел, сторонний наблюдатель терялся в догадках. Может быть, в городе вспышка заразной болезни, и

санитарный кордон выискивает зачумленных? Или, может быть, из кареты «Скорой помощи» сбежал больной, и теперь медики, чтобы не получить нагоняй от начальства, подбирают на его место добровольца, обращаясь к прохожим с назойливым вопросом: «Спасись хочешь?»

Впрочем, как ни высоко ценил Иммануил внешний эффект в своих затеях, главным, конечно, оставалось мастерство индивидуального общения с выбранной жертвой. Постепенно приходил опыт первичных контактов с людьми, нарабатывались схемы закрепления длительных отношений с будущими неопитами, определялись приемы тесного взаимодействия и подчинения себе новообращенного собрата. Иммануил научился по-американски улыбаться незнакомцу, демонстрировать сердечность и расположение первому встречному, изощренно угрожать приближенному, заставлять беспрекословно подчиняться посвященного.

Однако приобретенных навыков и опыта оказалось недостаточно! Для закрепления успеха требовалось чудо. Неопровержимое, доказанное, всем очевидное чудо. Но разве мыслимы чудеса в промышленном городе центральной части РСФСР? Дивные сказочные сады тут не произрастают. На залитой машинным маслом, заваленной отвалами горных пород, припорошенной цементом почве даже самая изощренная фантазия не могла бы отыскать и чахлого ростка, хотя бы отдаленно напоминающего волшебный цветок. Сектантки-послушницы усердно доносили своему святому местные сплетни, но какая же все это была дребедень! Какая тоскливая пошлость, какая заскорузлая обыденность и, вместе с тем, какое мелкотравчатое суеверие, какая ублюдочная мистика волновали советских обывателей, граждан атеистического государства!

Но однажды среди потока тягуче-тошнотворных слухов, как крупница золота среди мутного песка в лотке старателя, блеснула неожиданная новость о девственнице, носящей ребенка... В голове Иммануила словно что-то щелкнуло: это же непорочное зачатие! Да, оно! Все сходилось в этой точке, все разрозненные осколки его сумбурной жизни складывались в драгоценную мозаику. Деву, вынашивающую плод чрева своего, следовало непременно использовать для укрепления авторитета секты! Иммануилу позарез нужен был младенец, зачатый не в грехе. Основатель братства показал бы сие чадо общине, он рассказал бы (а мать ребенка подтвердит, Иммануил, без сомнения, сумеет убедить, запугать, подкупить, запутать ее), что зачато дитя силой духа новоявленного пророка. Отец Иммануил понесет младенца, как флаг, а за этим знаменем пойдет послушное стадо белых агнцев, пойдет туда, куда укажут. Он уведет своих последователей, как и мечтал, в какую-нибудь отдаленную местность, и оттуда по всему миру разнесется весть о новом Вифлееме. Так начнется вселенский триумф основанного Иммануилом вероучения!

Понуждаемые своим пастырем вездесущие белые балахоны с сугубым рвением мелькали среди городских кварталов, как стая встревоженных привидений. Наконец, имя и местожительство беременной девицы были установлены, и вот, несмотря на козни взревновавшей вдруг матери Апоксионарии, Иммануилу доставили записочку: «Володина Мария...» Далее отвратительным почерком были выведены название улицы и номер дома.

В тот же вечер, решительно настроенный и сосредоточившийся на предстоящем серьезнейшем разговоре, самозванный святой направился по указанному адресу, однако непредвиденное столкновение у самого порога общежития с пропахшим одеколоном психопатом расстроило все планы. В ходе этого досадного инцидента бывший фарцовщик испытал тот же шок, который, очевидно, переживали прохожие, когда к ним с вопросом о желании спастись приближалась фигура в белом одеянии.

Еще издали завидев на своем пути неестественно жестикулировавшего ватными

руками, замедленно двигавшегося навстречу юношу, Иммануил уже был несколько смущен. Когда же он подвергся немотивированному нападению со стороны незнакомца, смущение переросло в оторопь. А чудовищный вой, изданный молодым человеком, буквально парализовал Иммануила. В этот момент возник странный контрапункт в психологическом состоянии новоявленного вероучителя: он на какое-то время перестал существовать в качестве самостоятельной человеческой единицы и растворился в зыбучей эпической стихии, как если бы его оглушил, смял и искорежил свист былинного Соловья-разбойника. И при этом сам Иммануил четко понимал, что оказался бесконечно далек от идеала мужественного и непоколебимого богатыря, противостоящего чудовищу.

Каждого человека терзает извечный страх, с которым мы сжились до такой степени, что его парализующий холод почти не ощущается; это страх перед неведомым. Любой из нас, столкнувшись с чем-либо загадочным, испытывает смятение всех чувств на грани нервного срыва. Любого свидетеля таинственного явления может охватить всесокрушающее сомнение в устоях бытия: если в реальной жизни происходит нечто необъяснимое для меня, возможно, я до сего момента жил неверно?! Любой человек, встретившись с непонятным, рискует пережить резкий приступ желания заведомо подчиниться авторитету, который сможет все странное разъяснить и (главное!) от всего угрожающего защитить. Любой человек, но не Иммануил! Он, давно уже привыкший навязывать свою волю другим, не должен был бы попасть в подобную ловушку... Однако неожиданно для себя и он во время незначительного, казалось бы, уличного происшествия угодил во власть обморочной слабости, и, осознав это, испытал высшую степень раздражения на фоне абсолютной подавленности.

Тягучая горечь заполняла все существо Иммануила, как кровь заполняет разбитый в драке рот. И когда неизвестный соперник, вышедший победителем из столь внезапной, столь скоротечной схватки, удалился, на глаза главы «белого братства» навернулись прозрачные до искренности слезки, ибо тяжело переживать участь не только психологически сломленного, но и физически поверженного неудачника. Ноющая тоска воспалилась и саднила где-то за грудиной, душу терзал детский ропот на вселенскую несправедливость, подобный тому, что возникает в трепещущем сердечке первоклашки, когда его отпинают «большие мальчишки с соседнего двора».

Обида, способная поставить человека на грань саморазрушения, безраздельно овладела Иммануилом, и он с трудом удерживал рыдания, разглядывая пришедшую в негодность одежду. Разумеется, явиться на первую встречу с Володиной Марией в покрытом пылью позора, потерявшем форму балахоне совершенно невозможно. Может быть, самый важный в его жизни визит приходилось откладывать.

Раздраженный неудачей, Иммануил торопливо удалялся от впадавшего в спячку накануне завтрашней утренней смены общежития. Темными дворами прошел он на желтевший фонарным светом проспект и стал «ловить машину», чтобы как можно быстрее добраться домой. Автомобилей в этот час было немного, и все они как назло проскакивали мимо.

VI

Андрюха Чернышев сегодня припоздился. После работы встречался с «нужными людьми», и, конечно, ему предлагали выпить (да что там предлагали! просто-напросто заставляли!), игнорируя отговорку: мол, «за рулем». Дабы не обидеть приятелей, пришлось проглотить полстакана коньяку; теперь же, по дороге домой, Андрюха переживал: как бы не остановил «гаишник». Дежурная ассигнация хотя и припасена была, чтобы откупиться от блюстителей порядка, но Андрюха «дергался» — бывает, некото-

рые отказываются от взяток на дороге, а бывает, что в ГАИ какая-нибудь операция проходит, или рейд там, или надо план выполнить... Ну, вы сами знаете.

Однако никакие опасения не удержат страстного автомобилиста от возможности в очередной раз проверить резвость верного железного коня. Поскольку на скучно освещенных городских трассах машин почти не встречалось, Андрюха смело подхлестывал свой автомобиль стальной плеткой педали газа, рывками ходившей под ногой беспечного наездника. Славно было мчаться по просторным улицам, ощущая на щеках и на макушке ласку залетавшего в приоткрытые окна прохладного сквозняка независимости; казалось, что растекавшиеся по жилочкам «сто грамм» терпко-хмельного армянского тепла не только не помеха, а действенная одухотворяющая помощь в шоферском искусстве.

Да вот беда: суровая реальность злокозненна и недолго нянчит нас в приятной неге; за мерным, убаюкивающим покачиванием мягких рессор отлаженного до автоматизма бытия непременно последует бесцеремонный и чувствительный толчок, когда колеса сходу влетают в коварно притаившуюся среди дорожного полотна колдобину. Так и сейчас — привыкшего кичиться своим умением все держать под контролем водителя «Жигулей» вывело из состояния вечерней бездельной умиротворенности тревожное, а то и грозное видение. Чернышев вдруг заметил на одном из перекрестков... призывно помахивающее рукой привидение!

Андрюха в первый момент подумал: «Все. Допился. Белуха накрывает». Однако — не бред; у бордюрного камня действительно стояло нечто, завернутое в саван. Чернышев сбросил скорость; удалось рассмотреть человеческую фигуру, драпированную в какую-то простыню... Проехав мимо, Андрюха еще некоторое время наблюдал за этим типом в зеркало заднего вида. Точно: мужик. В белом балахоне, в колпаке. Машет рукой, останавливает машины.

Странный, конечно, но, в общем-то, незначительный эпизод вывел ночного ездока из себя. Он резко «газанул», заматерился по-черному, в раздражении стал стучать кулаком по рулю, отчего отрывисто срабатывал клаксон. Андрюха всегда очень эмоционально реагировал на подобные случаи вопиющего нарушения заведенного для всех порядка. Впрочем, сам Чернышев любил и умел обходить некоторые уложения и принципы, но при этом было важно, чтобы другие как раз оставались бы в заранее определенных границах, давая тем самым проныре, смевшему выйти за общепринятые рамки, повод гордиться своей хитростью.

«Р-р-распоясались, блин, совсем! — рычал Андрюха в пустом салоне своей машины, не замечая, что педаль газа до отказа вжата в пол.— В простынях ходят по улицам. Оборзели! Небось еще и бабки им за это платят. Не терплю сволочей!»

Вызывающий внешний вид, конечно, ярче всего показывает, что человек наглым образом противопоставляет себя всем остальным, поэтому Чернышев просто кипел от негодования, когда встречал людей эпатирующей наружности: мужчин с серьгою и длинными волосами или, наоборот, девушек с чрезмерно короткой стрижкой. Увидев металлиста или панка, которых с началом «перестроечных» преобразований появлялось на улицах все больше и больше, Андрюха с трудом подавлял желание переехать неформала своими «Жигулями».

Чернышев с малых лет ориентировался на убеждения и поведенческие модели лучшей части большинства. «Все как у людей!» — эта расхожая формула являлась жизненным девизом его семьи. Неразговорчивый, малообщительный отец, тренер детской спортивной школы, смысл жизни видевший в очередной победе юных атлетов, хлопотунья мать, бухгалтер в тресте столовых, старший брат, физкультурник, активист и почти отличник, — все они стремились как можно лучше делать свое дело, убежденные, что только благодаря этому они, как и остальные сограждане, соблю-

давшие верность основополагающим принципам советского общества, непременно добьются если не процветания, то устойчивого и стабильного развития. Да так оно и происходило: «как всем» государство в соответствии с жилищным кодексом выделило семье Чернышевых квартиру; «как всем», строго по очереди, предоставлял профсоюз путевки в пионерские лагеря для детей и в дома отдыха для старших; «как всем» удавалось семье кое-что откладывать на крупные приобретения. Хотелось бы, конечно, чтобы зарплата была бы повыше, но тут уж ничего не поделаешь, ведь, опять-таки, у всех так.

Правда, Андрюша с рождения выделялся Чернышевыми из «всех». Он, младшенький, всегда был окружен трогательной заботой родственников. Мать, испытывавшая чувство вины оттого, что через две недели после появления младенца на свет перестала кормить грудью, потом всю жизнь пыталась компенсировать отсутствие материнского молока, добывая каким-то непостижимым образом высококалорийные дефицитные продукты, исключительным правом вкушать которые обладал один только последний (усиленное детское питание пошло впрок, и Андрейка на радость родне рос щекастым крепеньким бутузом). Брату было поручено с пеленок пестовать Андрюшеньку: гулять с ним, собирать и провожать его в садик, а затем и в школу, оберегать от шпаны во дворе, от транспорта на улице, от бродячих собак, от падений и порезов — от любых опасностей, грозивших малышу. Отец готов был взять на себя закалку и физическое воспитание меньшого сына, но тут мать неожиданно и категорически выступила против. Она не позволила записать мальчугана в спортивную секцию, заявив мужу: «Хватит с тебя Ярослава! И так старшего не вижу: то соревнования, то сборы! Ребенок вечно весь в синяках, в царапинах. Хоть маленького мне оставь!» Так и повелось в семье, что Андрюшка был у них наособицу, и принцип «как у всех», хотя и не отменялся окончательно, но на него как бы не распространялся. Младший из Чернышевых олицетворял собой то самое исключение, которое подтверждало основное житейское правило.

И в детском саду, и в школе тоже учили: жить нужно по принципу «все как один», по-другому нельзя. Однако чуть подросший мальчик явственно видел, что на деле детско-юношеский коллективизм трактовался столь широко, что подчас оборачивался своей противоположностью. Вот, например, красивые заграничные игрушки были далеко не у всех, но все завидовали обладателям таких игрушек. Все без исключения мечтали почавкать жевательной резинкой или похвастаться яркой наклейкой с «не нашими» буквами, но мало кто мог себе такое позволить. Абсолютно всем хотелось щеголять в модных брюках, но не каждый был способен приобрести джинсы. Андрюша, с раннего детства имевший склонность мыслить системно, задавался вопросом: «Быть как все — значит мечтать как все, или воплощать в себе мечты всех, становясь тем самым не как все? И если все стремятся к лучшему, но не все живут хорошо, то тот, кто живет лучше других, не является ли лучшим из всех?» Эти сомнения, в чем-то, безусловно, противоречившие как социально приемлемой морали, так и базовым принципам семьи Чернышевых, под влиянием подросткового максимализма однозначно разрешились в пользу понимания отроком своего особого и исключительного положения в структуре советского общества.

Глубинные, но пока неявные идеологические разногласия в доме Чернышевых проявились в восемьдесят четвертом году, когда по стране поползли слухи об «узбекском деле». Поговаривали, что после ареста Адылова, руководителя одного из сельхозпредприятий Узбекской ССР, открылись колоссальные масштабы приписок, которые стали возможны не без ведома высшего руководства этой среднеазиатской республики. Возмущенная молва разносила вести о невообразимых богатствах и байском самоуправстве окружения Адылова, о том, что в распоряжении новоявленного

бека имелись чуть ли не тайная тюрьма для недовольных дехкан и едва ли не персональная армия для расправы с послушниками. Родители Чернышевы с сомнением покачивали головами: «Да возможно ли такое? По каким причинам капиталистические, даже феодальные пережитки столь длительное время сохраняются при социалистическом строе?» Брат (тогда ученик выпускного класса) негодовал: «И это в самой передовой стране, при нашей-то идеологии?! При самом прогрессивном способе производства?! Это же покушение на государственные устои! Это же неприкрытое предательство! Таких изменников надо безжалостно карать, вырывать с корнем такие сорняки! Дожили! Раньше были «Антоновские яблоки», символ искренности и лиризма, а теперь появились адыловские яблоки, воплощение торжества агрессивной обывательщины!»

Андрей ценил начитанность брата и пафос его речей, но про себя кумекал подругому: «И чего это все так кипятятся?» Собственно, что плохого сделал Адылов? Ведь яблоки он выращивал, хлопок собирал. И не только же для личного обогащения — на благо всех! Его хозяйство было лучшим в Узбекистане, Адылов имел награды, поощрения. А то, что нарушал социалистическую законность... Положа руку на сердце, разве в разговорах друг с другом мы сами не бурчим иногда, что с нашим народом надо поостроже, что не хватает в стране порядка? У нас без твердой руки выдающихся результатов не добиться! Так же как без денег, друзей и покровителей, облеченных властью, невозможно войти в число тех, кто своей жизнью воплощает всеобщие представления о зажиточной благоустроенности. И только умелое и умное сочетание силы и изворотливости, только придирчивая требовательность к тем, кто от тебя зависит, в соединении с сервильным дружелюбием по отношению к тем, от кого зависишь ты, могли вывести в люди. Так что Адылова Андрюха считал не преступником, не врагом народа и государства, а представителем той лучшей части большинства, на которую с детства ориентировался в своих помыслах и поступках. Фигура Адылова постепенно приобрела в восприятии Чернышева-младшего черты чуть ли не горделивого графа Монте-Кристо, непоколебимо идущего к своей загадочной цели. Так что Ярослав понапрасну расточал красноречие...

Брат, кстати, по окончании школы выкинул и вовсе обескураживающий фортель: прибыв по повестке в военкомат, написал там же, на призывном пункте, заявление о направлении его добровольцем в Афганистан. В заявлении были такие строки: «Я, как любой советский человек, хочу быть там, где опаснее всего». Андрюху это расстроило и удивило: да разве любой желает подвергнуть себя смертельному риску? По представлениям младшего из Чернышевых, каждый разумный человек стремится как раз к обратному — во что бы то ни стало избежать попадания на войну. Что-то было противоестественное в желании брата вот так, без какого-то стороннего нажима, без всякой выгоды для себя, закатиться в средневековую пустынно-горную даль, очутиться в чуждом нам пространственно-временном измерении, где творилось нечто странное и страшное. Этот отчаянный порыв, это бесшабашное самопожертвование, эта готовность отдать жизнь во имя абстрактных принципов, а не ради счастья, допустим, своей семьи, высветили в Ярославе нечто неожиданно небратское. Андрей пытался во всем разобраться. Говорить с матерью было очень тяжело: она заливалась слезами при любом, даже случайном, упоминании о старшем сыне, и сквозь рыдания, сквозь закрывающие заплаканное лицо ладони слышалось, как стон: «Ну, как же... Надо же и им помогать...» Кому «им»? В чем помогать? Почему именно *нам* надо *им* помогать? Отец, у которого после отправки Ярослава в войска вдруг обозначились суровые неизгладимые складки вдоль щек, объяснял меньшенькому: «Ты пойми, если бы наши части не вошли в Афганистан 31 декабря семьдесят девятого, 1 января восьмидесятого в этой стране стояли бы американские базы». Андрюха все равно не

понимал: ну, и стояли бы, нам что? Ярику что до того, где располагаются американские военные базы? Какое это имеет отношение к нашей двухкомнатной «хрущевке» с кладовой, переделанной под спальню старшего брата? К нашему тихому двору, утопающему в сонной зелени палисадников? К нашему городу? Ко всем нам?

Эти недоуменные вопросы, так никем и не разъясненные, заставили Андриюшу, с малых лет умевшего рассчитывать ходы наперед, всерьез обеспокоиться собственным будущим. А врожденное умение с прищуром хваткого практика заглядывать в завтрашний день толкало на неустанное беспокойное действие, целью которого было по достижении призывного возраста избежать повторения судьбы Ярослава. Вполне понятно, что в своем стремлении Андрияша нашел верную и активную союзницу: мать, подавленная постоянным страхом потерять старшего сына, доходила чуть не до обмороков, думая о грядущей рекрутчине младшенького, своего любимца. Вдвоем упорно, настойчиво искали они врача, который согласился бы внести в Андриюшину медицинскую карточку диагноз, гарантировавший отметку «не годен» в военном билете. Тайком от отца, стараясь не думать о том, как будет к нему относиться брат, допризывник Чернышев слонялся по полутемным коридорам медицинских учреждений, полушепотом заговаривал с полуофициальными лицами: «Вам насчет меня звонили...», кому-то передавал какие-то свертки, пакеты... И добился-таки того, что в его документах была проставлена необходимая запись. От сердца отлегло: «Вот теперь у меня все как у людей!»

Именно после того, как удалось благополучно разрешить первую в его практике нештучную проблему, Андрияша почувствовал себя вправе и в силах отказаться от фамильного девиза «Все как у всех!» Принцип, подвергнутый ревизии эмпирическим путем, был аккуратен, но решительно подкорректирован в соответствии с современными веяниями и трансформирован в лозунг: «Все как у людей!» В филологическом отношении разница ничтожна, но по сути — новое жизненное кредо. Безликие, сливавшиеся в блеклую массу «все» оказались заменены «людьми», вызывавшими уважение уже одной только особостью. Отныне не надо было мучиться, загоняя свою совесть в строго предписанные общественной моралью, но размытые обиденными суждениями границы всеобщности, теперь можно было лавировать в житейском море, ориентируясь, словно на маяки, на «людей». И хотя рисовались эти жизненные ориентиры довольно смутно, главный критерий обозначился явственно: «люди» — это не те, кто, как Чернышевская родня и знакомые, в поте лица добывал хлеб насущный; «люди» (Адылов, например) жили ярко, независимо, разгульно, могли позволить себе многое. Настоящие «люди» виделись то работниками торговли, то дипломатами, то высокопоставленными чиновниками. В идеале Андрияша предполагал будущую взрослую жизнь скроить по таким лекалам, став, допустим, ответственным служащим внешнеторгового ведомства. Да вот закавыка: ни средств, ни связей для реализации столь амбициозных проектов семья Чернышевых не имела...

Мечты о блестящем коммерческом поприще обернулись поступлением в провинциальный торговый техникум; из всех атрибутов дипломата доступным оказалось лишь приобретение чемоданчика с аналогичным названием; а вся красота роскошной жизни воплощалась в пиджаках, сшитых мамкиными подругами по выкройкам из старых журналов мод. Слабое утешение для честолюбивого юноши!

Его планы были гораздо масштабнее. Он грезил уже о собственной квартире, машине и даче — о той заветной триаде, о том подтверждавшем принадлежность к приличной публике обязательном минимуме материальных благ, о той стартовой площадке будущего головокружительного взлета, которые всех уравнивали в стремлениях, ибо в Стране Советов каждый знал: хочешь испытать завистливое уважение окружающих — стань обладателем квартиры, машины, дачи. Об этом мечтал каж-

дый, однако далеко не каждый догадывался, насколько на деле ненадежно столь меркантильное мерило успеха, в своей весомой основательности казавшееся универсальным. Многие, слишком многие, получив желаемое, так и не испытали удовлетворения от достигнутого, ибо впереди уже манили махами рукавов импортные дубленки, а отечественные пыжиковые шапки рукоплескали хлопками меховых наушников, ждали тебя, ибо знали: без них почувствовать себя «человеком» практически невозможно. А еще дальше громоздились тома дефицитных подписных изданий, груды банок с икрой, вороха пачек грузинского чая... И пока не взберешься на этот Монблан, никакой ты не «человек»! Взбираться же было тяжеловато, не всем хватало здоровья и времени, проведенного на воле, а не за решеткой.

Но Андрюхе до его главного в жизни разочарования было еще далеко. Паренек не предполагал, что в тот самый момент, когда с трудом достигший вожделенного горизонта человек пересекал намеченную черту, перед ним раскрывались новые манившие перспективы, а мчаться дальше в надежде разорвать грудью очередную финишную ленточку, коварно колеблемую ветром, мало у кого хватало воли и возможностей. Чернышев пока усвоил одно: только тот, кто находил в себе силы резко рвануть вперед, выделялся из общей массы и входил в касту избранных. «Хочешь жить — умей вертеться». Это было принципиально, это являлось водоразделом, делившим сограждан на «всех» и «людей». И если «простому советскому человеку» желанный набор благ доставался лишь перед пенсией или у крышки гроба, то фартовые искатели приключений благодаря своей предприимчивости получали квартиру-машину-дачу легко и просто, а далее приступали к построению подлинно красивой жизни.

Не смущало юношу даже то обстоятельство, что романтика приобретательства часто противоречила не только общепринятым установлениям, но и юридически закрепленным нормам. Напротив, казалось, что такой конфликт с обществом и государством добавлял перца в жизнь «людей», заставлял становиться еще более изощренными. Первокурсник Андрей Чернышев, имевший отсрочку от службы в армии по состоянию здоровья, отчетливо понимал, что изучение правил советской торговли годится для одетых в костюмчики-самостроки неудачников, прячущих заначки в склеенных из дерматина портфельчиках; а чтобы сравняться с «людьми», следовало преподаваемые в техникуме принципы цинично нарушать.

Пока же дебют партии с судьбой разыгрывался не в его пользу: ни дачи, ни квартиры в личном распоряжении студента не находилось, и не предвиделось. Вот с третьей частью знаменитой триады — автомобилем — неожиданно повезло. Был у Чернышевых старый-престарый родственник, глухой, как пень, одинокий ветеран. Какие-то там подвиги за ним числились во время войны, какие-то награды он имел особенные. Узнав, что таким вот дедам (при наличии определенных медицинских показателей) положено выделять автотранспорт для их инвалидских нужд, Андрюха энергично взял старика в оборот. Приходилось чуть не за ручку водить одряхлевшего героя по разным инстанциям, высиживать часами в приемных, писать кипы бумаг, обещать ответственным товарищам отблагодарить... Наконец, «наверху» было принято решение выделить орденоносцу «Запорожец».

Дед, видимо, так и не понял, что происходило вокруг него за месяцы хождения по присутственным местам, поликлиникам и больницам, впрочем, сносил все безропотно, полагая, что так надо, что начальство в курсе дела, а родня во всем разбирается. Он привык к тому, что время от времени его куда-то вызывают, что-то вручают, с чем-то поздравляют, и не всегда интересовался значением и смыслом очередной полученной бумажки. Старый солдат редко снисходил до общения с окружавшими его мелкотравчатыми невротиками, не нюхавшими пороха, тем более что докричаться до них, бестолковых, стало труднее, чем некогда перекрыть голосом рев канонады, под-

нимая в атаку бойцов. Гораздо милее толковать со своими ребятами из полегшего подо Ржевом взвода. С ними, обитающими в вечности, не знающими суетных забот текущего дня, он подолгу обстоятельно и тихо беседовал на холостяцкой кухоньке за кружкой крепкого чая. Старику хорошо было сидеть с боевыми друзьями в их общем послевоенном абсолютном безмолвии, а носиться за каким-то рожном вперегонки с сопливой молодежью... Во всяком случае, до кончины своей он ни разу не высказал желания куда-нибудь поехать на дарованном автомобиле, и Андрюха оказался единственным и полноправным владельцем «Запорожца».

После смерти престарелого родича удалось продать непрестижную колымагу и, добавив к вырученной сумме выпрошенные у матери деньги, приобрести уже «Жигули», после чего Чернышев-младший оказался в своем учебном заведении самым популярным студентом, с которым стремились свести знакомство парни, к которому тянулись девушки. Новая машина стала любимой забавой будущего Отличника советской торговли, заботливо улучшаемой и трепетно украшаемой игрушкой, предметом гордости и постоянных забот. В тольяттинской «ладушке» со временем все стало в точности, как у «людей»: магнитофончик, мохнатые чехлы на сиденьях, оплетка руля... В ту пору автомобиль заменял своему хозяину и дом, и дачу, и верхнюю одежду, и портфель, был передвижной конторой и клубом. Отныне в «Жигулях» проходила жизнь.

Андрюха уже считал себя бывалым студентом и опытным автомобилистом, когда в положенный срок вернулся из армии брат. Вернулся какой-то чужой, резкий, колючий. Мать и отец хлопотали, чтобы помочь Ярославу занять хорошее место в мирной жизни, дать ему возможность зарабатывать, не меньше, чем остальные. Но Ярослав с каким-то даже бахвальством раз за разом отказывался от всех предложений.

Андрюха недоумевал:

— Ты чего? Больно гордый? Даже отец со знакомыми договаривался насчет тебя. Он бы никогда ни за кого другого не попросил бы, а тебя уважает. Мать всех нужных людей подключила! Как же не воспользоваться?!

Брат ухмылялся:

— Это зачем? Чтобы денег много было? Не о том ты, братишка, думаешь. Я что... без денег хуже стану?

Потеряв надежду увидеть сына живущим в достатке уважаемым тружеником, растерянные родители изменили тактику. Теперь они надели на Ярослава, чтобы тот непременно поступал в вуз, ведь его афганские «льготы» открыли бы перед ним двери самых престижных институтов. Но и перспектива получения высшего образования не влекла «дембеля», он по-прежнему отмахивался от любых советов, упорно не пуская никого в свою приватность: за время службы сержант Чернышев настолько отвык от семьи, что близкие по крови люди представлялись ему самыми что ни на есть дальними, не способными ни к пониманию, ни к сочувствию.

Ярослав оформился ночным сторожем, а днями валялся на диване за чтением: много интересного стали печатать в газетах и журналах, на общество обрушилась лавина ошеломляющих, ранее запрещенных книг.

Раз в месяц, с зарплаты, Ярослав неизменно покупал бутылку водки, зазывал Андрюху на кухню: «Посидим, братишка?» Младший из Чернышевых, конечно, соглашался, хотя каждый раз чувствовал себя на этих посиделках участником непонятного, вызывавшего отторжение ритуала: первая рюмка выпивалась молча и стоя, не чокаясь, третья обязательно поднималась «за тех, кто в сапогах», а потом непременно следовал самый неприятный момент, когда Ярик начинал допытываться: «А ты, стало быть, от армии отшланговал? Ну, и как тебе теперь? Нормально?» Андрюха не знал, что отвечать... даже не на сам вопрос, а на скрытую угрозу-претензию, звучав-

шую в нем. Впрочем, брат и не настаивал на ответе, он наливал еще по одной, подмигивал: «Ну, что? Споем, братишка?» И, опять не дожидаясь ответа, затягивал незнакомое:

*«Каскадеров» я пошла смотреть
И стояла, скрившись за мечеть.
Вдруг идет навстречу мне один
Синеглазый молодой блондин...*

В их старую кухню, такую привычную, знакомую до каждой трещинки на потолке, до каждого отклеившегося уголка обоев, незваными гостями входили чудные слова, выцветшие под знойным солнцем чужих стран и покрытые пылью дальних походов — «шурави», «бача»...

— Чего не подпеваешь? Не знаешь ты таких песен,— быстро хмелевший Ярик всерьез огорчился по этому поводу.— Ну, давай другую подхватывай... Эту ты должен знать: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни холода...» Тоже не знаешь? Ну как же! «В буднях великих строек в своих дерзаниях всегда мы правы...» Так, кажется? Так вот, это — комплекс неполноценности. Мы все время доказываем миру, что мы правы, что мы не хуже, чем они. Ну, разве не сумасшествие? Эти вечные потуги догнать и перегнать... Сколько можно! И дело тут не в социализме, дело в младенческом состоянии нации. Еще когда было сказано: докажем, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать». И по сей день орем: может! Платонов — безусловно, может. Никто уже не сомневается. А вот Невтонов... Почему, интересно, Англия не заявляет, что может рождать быстрых разумом Ломоносовых?

Андрюха спешил под каким-нибудь предлогом выскользнуть из кухни. Да и вообще он теперь старался как можно реже общаться с братом, поскольку жизнь вокруг менялась бурно, интересно, непредсказуемо: возникали новые веяния в политике и экономике, появлялись новые модели автомобилей, завязывались новые нужные знакомства. От этого дух захватывало у студента, избравшего темой своей дипломной работы соблюдение принципов социалистической законности в советской торговле. Впрочем, ученический период жизни завершался, настала пора заняться собственным делом. По окончании техникума молодого специалиста Чернышева распределили на работу в столовую № 35. Вот тут бы и проявить себя, вот тут бы и развернуться, тут бы и применить на практике усвоенные в коммерческом училище премудрости, однако наработанные за годы учебы связи не помогли начать трудовую деятельность с тем размахом, на который Андрюха рассчитывал. Дело было в том, что вся общепитовская братия замерла, ожидая, чем обернется для нее объявленный руководством страны курс на создание частных предприятий.

Кто-то из сферы, столь двусмысленно именовавшейся на казенном языке сферой обслуживания, кто-то опытный и богатый (не чета Андрюхе, но так же, как и Андрюха, в свое время восхищавшийся Адыловым) попробовал осторожно засветить толику своих денег, малюсенькую их частичку, которую не жалко было бы потерять. «Посмотрим, что из этого выйдет»,— решил рискованный «цеховик». «Посмотрим, что у него выйдет»,— решили другие «теневики», наблюдавшие за смельчаком. И ничего плохого таки не вышло! Похоже, власть, в самом деле, не собиралась обманывать тех, с кем еще вчера упорно боролась, а давала возможность советским бизнесменам спокойно приумножать прибыли.

И когда «деловые люди» уверились, что ничего дурного с ними не случится, то тут, то там, как проталинки ранней весной, стали появляться полуполюгальные на первых порах заведения. В одном месте кооператив пригрелся у корня могучего админи-

стративного дуба, в другом — приютился на милицейском пригорке... А потом, когда прогнозы сошлись с приметами, когда стало понятно, что холода не вернуться, дружно взялось по всей стране, и посеревший, ноздреватый покров социалистической собственности сошел на нет, обнажив скопившийся за зиму мусор и прошлогоднее дерьмо. Так началось кооперативное движение. Ветвась, раздаваясь вширь, бодро и настойчиво тянулись к солнцу некогда чахлые и хилые, бледные и неказистые ростки «многоукладной экономики».

Чернышев внимательно присматривался к дразнившим новизной и выгодой процессам, происходившим в народном хозяйстве, старался примерить на себя роль гордого первопроходца индивидуальной предпринимательской деятельности. Чтобы ближе познакомиться с этим невиданным ранее явлением, предпринял поездку на столичный Рижский рынок, где, по слухам, можно было купить все — «от звезды до самолета». Брат, провожая его, саркастически напевал на мотив модной тогда песенки: «На Рижском рынке воздух свеж, там бродит ветер моих надежд...»

Известное всей стране торжище поразило Чернышева своей несоветскостью. Стоило ступить за хлипкую ограду из покореженных металлических прутьев, и посетитель оказывался в чуждом нашему человеку мире чистогана и изобилия. Если государственные магазины стыдливо прикрывали наготу прилавков какой-то случайной дребеденью, то на базаре ассортимент товаров с непривычки казался даже избыточным и все радовавшее глаз разнообразие продукции манило яркими ярлычками и приятно шелестевшей упаковкой. Для выросшего при тотальном дефиците Андрюхи это оказалось настолько неожиданным, что он какое-то время бестолково метался среди торговых рядов, словно провинциал в музее, чтобы только насытиться возбуждающей нервы пестротой и осознать реальность внезапно открывшейся возможности выбора. Хотелось сразу и все скупить, унести с собой за забор в скучную действительность немного праздничной стихии рынка.

И только чуток пообвыкшись на толкучке, Андрюха уяснил, почему до сих пор эти редкостные товары веселой стайкой вестников экономической свободы не разлетелись по всей стране. Магнитом, удерживавшим столь дивное собрание образчиков изделий кооператоров в одном месте, была противоречившая здравому смыслу стоймость. Эх! Если бы не цены, высотой превосходившие Кавказские горы! Ничто другое не могло бы остановить советского человека от припадка неконтролируемого присвоения себе всего, что видит око или ймет зуб.

Уж на что ушлым малым был Чернышев, а и тот с искушением изобилием не справился, наивно предположив, что «ненашенское» разнообразие базарного барахла непременно сочетается с импортной доброкачественностью. У золотозубой цыганки Андрюха приобрел тенниску с отложным воротничком, а также лампасные шаровары из материала, который при малейшем прикосновении тихонько шуршал на иностранном языке. И хотя уже в момент купли-продажи интуитивно угадывалось, что товар на самом деле — дрянь (так оно и оказалось впоследствии: тенниска обернулась при ближайшем рассмотрении перелицованной майкой, а вызывающе широкие «треники», в которых парень щеголял вечерами на проспектах и в ресторанах родного города, бессовестно полиняли при первой же стирке), Андрюха все равно был доволен покупками, пусть на несколько дней, но позволившими ему четко обозначить принадлежность к разряду «людей».

А главный урок по предпринимательству Чернышев получил уже перед отъездом домой, когда зашел перекусить в вокзальной забегаловке. Почти весь общепит в Москве в те поры без боя сдался кооперативам, вот и на вывеске над чебуречной в здании крупнейшего в Европе вокзала означено было: «Кооп». Андрюха стал в очередь (много было проголодавшихся), которая в чуть замедленном темпе продвигалась к

пышущему жаром прилавку, и поразился ее отличию от знакомого до боли советского «хвоста», безалаберного и бесформенного, то ходкого, то замиравшего по непонятным причинам. Кооперативная очередь выстроилась ровно, изгибалась под прямым углом и двигалась хотя и неспешно, но ритмично. Юный товаровед живо смекнул, что освоившиеся в рыночной стихии столичные коллеги всеми силами стараются пропустить через свое заведение наибольшее количество посетителей. Андрюха даже смог рассчитать, сколько минут понадобится ему, чтобы получить горячий чебурек. «Или пару взять?» — раздумывал он, когда внезапное происшествие затормозило движение отлаженного механизма.

Деловой гул торгового зала перекрыл вдруг неожиданно эмоциональный, искренний до надрыва возглас. Какой-то парень, ровесник, похоже, Андрюхе, в запале кричал покупателям: «Вы посмотрите, что они продают!» При этом, далеко отставив руку, он демонстрировал всем разверстый дымящийся чебурек. Видимо, приобретя его, нетерпеливый молодой человек, не отходя от прилавка, с аппетитом вцепился зубами в долгожданную еду, резко рванул челюстью горячую шершаво-пупырчатую плоть чебурека, отчего тесто разошлось и обнажило нечто поразившее едока, поразившее настолько, что он решил незамедлительно поделиться с окружающими своим неприятным открытием. Оказалось, что румяная, поджаристая корочка имела болезненно-бледную, явно непропеченную изнанку. Мало того, на склизком мучнистом лопухе вскрытого чебурека вместо ожидаемой горки сытной начинки помещался более чем скромный кусочек фарша. Оттеняя его сиротскую непритязательность, из серовато-розового комочка торчала чахлая бледно-зеленая стрелочка лука.

Картина была неприглядная. То, что кооператоры намеревались скрыть от глаз клиентов, то, чему надлежало быть переваренным желудками посетителей чебуречной втемную, по досадной случайности предстало вдруг на белый свет со всем отталкивающим реализмом, с физиологичной достоверностью, в равной мере разочаровав и продавцов, и покупателей.

«Видите? Видите, чем они нас кормят?! — вопрошал правдоискатель. — За чем вы стоите? За что платите? Такой же хотите?»

Никто ему не ответил. Сбившиеся в очередь голодные, измотавшиеся за суетный день в чужом огромном городе гости столицы избегали смотреть в глаза настойчивому обличителю, отворачивали головы, как кони, которых ругает хозяин.

В чадном воздухе чебуречной столкнулись и аж заискрили две энергии — энергия взрыва и энергия статики; в брызгах кипящего прогорклого масла боролись воля к справедливости и воля к сытости: паренек, отпугивая покупателей, хотел наказать обманувших его торгашей; а те, кто ожидал пищи, хотели есть. И, глядя им в лица, беспокойный молодой человек постепенно осознал, что победа будет не за ним, что его импульсивный порыв увяз и растворился в индифферентной среде понурых молчунов: раз в ответ на взволнованные слова не последовало немедленной экспансивной реакции, значит, в ход пошла рефлексия, и вряд ли трюк с разоблачением чебурека повлияет на поведение толпы. В душе парня росли обида, раздражение, даже гнев, но теперь он готов был обрушиться уже на людей по нашу сторону прилавка, всего мгновение назад казавшихся союзниками.

Стоящие в «хвосте», конечно, понимали правоту юного активиста, однако не спешили проявлять солидарность. В другой ситуации под влиянием наглядного разоблачения недобросовестности кооператоров их клиенты, может, и отправились бы на поиски более подходящей харчевни, но ноги, свинцом налитые ноги, гудящие от натуги ноги отказывались сделать лишний шаг. Да и вряд ли найдется на вокзале место, где лучше кормят... Лень, усталость, укоренившаяся в поколениях привычка к посредственным кушаньям, иррационально оптимистическая надежда на то, что лишь

одному из всех достается некачественный продукт, а остальных минует сей жребий,— все это сделало случайно собравшихся здесь едоков неожиданно стабильной и прочной общностью, не лишенной даже патриотизма по отношению к своей чебуречной.

При всем том каждым, безусловно, ощущалось, что его поведение однозначно является оппортунизмом. Ренегаты-очередники предавали 1 Мая и 7 Ноября, предавали взаимовыручку и коллективизм, предавали моральный кодекс строителей коммунизма, в котором сказано: «Человек человеку друг, товарищ и брат». И вот их друг, товарищ и брат бессильным вопросительным знаком один торчит на заплеванном шелухой от семечек полу привокзального буфета, простирая к ним руку с зажатыми лохмотьями чебурека, а они подло бросают его, не только не поддержав, но даже не посочувствовав ни словом, ни взглядом. Низко и мерзко! Стыдней же всего было людям оттого, что они совершали предательство не под угрозой какой-либо расправы, а только из желания набить брюхо! Однако ни один не вышел из очереди.

Молодой человек, тщетно взывавший к гражданским чувствам выстроившихся вереницей изменников, все еще глядел им прямо в глаза, но теперь уже молча. Видно было, как его юношеская вера в людей отлетала в небытие, словно легкий парок, источаемый внутренностями растерзанного чебурека, стывшего в руке, упрямо тянувшейся в пустоту. Потом правдоискатель в сердцах швырнул свою злополучную попку в бачок для мусора и выскочил прочь.

Всем сразу стало как-то легче. Посрамленные было кооператоры распрямили согбенные грузом справедливых обвинений плечи, принялись вновь проворно продвигать очередь и даже начали привычно покрикивать на замешкавшихся с заказом или при расплате посетителей. Клиенты же, получившие вожделенную порцию, вначале осторожно надкусывали чебурек, с опаской заглядывали внутрь, но потом, подстрегаемые голодом, отбросив приличия и сомнения, торопливо жевали, жадно заглатывали пищу, не разбирая ее вкуса. Не слыша более возмущенных восклицаний, успокоились и те, кто стоял подале от раздачи. Вскоре общепитовский конвейер опять заработал в оптимальном режиме.

Андрюха, оказавшийся свидетелем этого происшествия, сделал для себя лично значимый вывод: очень важно вовремя накормить человека. Да и вообще, пищеварение... Низменная, казалось бы, тема, о которой чистоплюи предпочитают не вспоминать, считая позором оказаться в рабстве у желудка. А напрасно, ведь желудок подчас громогласнее сердца или мозга диктует нам, как поступать. Желудок — надежный якорь человечества, удержавший его от многих глупостей и срывов. Когда мозг отказывается понимать, когда сердце разрывается от боли, желудок продолжает вырабатывать свой сок, и человек дисциплинированно становится в очередь за едой. Слава тому, кто наполнит наш желудок! Могут меняться общественные формации и политические режимы, но основательное отношение к своему пищеварению человек оценит всегда. В каменном веке и в веке атомно-космическом люди одинаково злобно рычат на того, кто отнимает у них пищу, и одинаково признательны тому, кто пищу дает. Честно говоря, именно желудок в итоге переваривает всевозможные философские идеи, эстетические концепции, этические формулировки. И вот — они утилизированы и отторгнуты, а желудок остался и готов к новой работе. Чрево — разгонный блок прогресса, его основной элемент. За безмятежность своего чрева человек согласен платить, многим жертвовать.

Чернышев вернулся из столицы в родной город, вдохновленный этим рассуждением, решительно настроенный действовать. Уже через три дня он осматривал на местной автостанции закуток, где разместится его чебуречная (частная! собственная!). Были пущены в ход все налаженные в прежние годы связи: «нужные люди»

помогали по многим вопросам, начиная с оформления документов и заканчивая поставками сырья. Но в первую очередь Андрюха все-таки рассчитывал на родителей. Родители были его самым надежным капиталом, самым снисходительным банком с нулевой процентной ставкой, с эксклюзивными условиями займа (собственно, можно было деньги и не возвращать). Да и «нужные люди» — это, главным образом, коллеги матери по тресту столовых. Впрочем, бывшие отцовские воспитанники тоже пришлось как нельзя более кстати начинающему «частнику»: спортсмены в те годы все чаще и безогляднее становились боевиками бандитских группировок, а когда бандюки узнавали, что Чернышев — сын их тренера, относились к его предприятию с какой-то надрывной заботой, иногда даже бесплатно защищали от «наездов» распоясавшихся «качков» из конкурирующих группировок.

Андрюха и брату предлагал войти в долю. Тут родственные чувства соединились с прагматичной заботой о становлении бизнеса, поскольку бывшие «афганцы» успешно отвоевывали позиции в схватках за собственность: порой они сами, пользуясь предоставленными государством льготами, становились частными предпринимателями, но чаще брали на себя функции народного контроля. Неподкупные, не боявшиеся никого и ничего отставники азартно разоблачали как вороватых коммерсантов, так и нечистых на руку руководителей государственных магазинов. Бывшие интернационалисты готовы были снова идти в бой, в бой с хапугами, в бой за общее дело, за справедливость, за честность. Правда, среди «афганцев» находились и такие, кто видел в нуворишах лишь дойных коров, а в их лабазах — подобие ротных каптэрок, подлежащих разграблению на радость «дембелей». В ресторанах, которые Андрюха полюбил посещать, став кооператором, он часто встречал ватаги, отмечавшие успех после очередного рейда по торговым точкам. Странные это были компании. Со своими традициями, с известной очередностью тостов, с непоколебимым осознанием того, что никто вокруг, кроме сидящих за их столом, не сумеет постичь всю сложность души, дотла сожженной азиатским солнцем и в прах выветрившейся под порывами суховея. Казалось, пирующие воины лишь минуту назад вышли из боя. Вот только в чьей армии они сражались?

Должно быть, именно так, подпирая друг друга могучими плечами, сидели в ближневосточных кабаках крестоносцы, кичившиеся святостью их общей миссии, и кутили на деньги, полученные в качестве выкупа за какого-нибудь сарацина, или менялы-хриstopродавца, или даже за своего брата рыцаря... Должно быть, с таким же веселым возбуждением разливали по кружкам эль благородные разбойники Робин Гуда... Должно быть, так же дружно сдвигали чаши с ромом в тавернах Карибских островов висельники-флибустьеры, джентльмены удачи... Должно быть, так же грозно затягивали боевые песни казаки Стеньки Разина, готовые сложить свои буйные головы ради чести бедовой вольницы и ради правды для всех православных...

Короче говоря, человек, который был бы своим для этих суровых витязей избирательной справедливости, в Чернышевской чебуречной явно не помешал бы, поэтому Андрюха снова и снова настойчиво приглашал брата принять участие в «семейном деле». Но Ярослав с присущей ему иронией отшучивался:

— Ну, что ты! Ну, какой кооператив... Я привык работать по старинке. Я привык за свою работу получать не премии, а почетные грамоты. Кооператив может мне дать почетную грамоту?

(Продолжение следует)

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА*
Остросюжетная повесть

Тимохин Николай Николаевич родился и проживает в Казахстане, в г. Семипалатинске. Окончил филологический факультет Семипалатинского пединститута. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России, председатель казахстанского отделения Всемирной корпорации писателей. Зам. главного редактора по международным литературным связям журнала «Северо-Муйские огни», (Бурятия, Россия). Член редколлегии журнала «Огни над Бией», (г. Бийск, Россия). Член литературно-художественного совета журнала «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). Один из составителей первого номера журнала «Литкухня», (Берлин, Германия), 2013. Региональный представитель в Казахстане журналов «Мир животных», «Эколог и Я», и «Метаморфозы», (г. Гомель, Белоруссия). В сентябре 2013 года являлся преподавателем дистанционного обучения Берлинского литературного института им. А. Чехова, где вел авторский литературный курс «Современная методика написания стихотворений». С двадцати лет пишет стихи. Они неоднократно печатались на страницах местных газет и размещаются на литературных сайтах в Интернете. Автор четырнадцати книг стихов и прозы, вышедших в разное время в Казахстане, России и Канаде. Награжден многочисленными грамотами, благодарственными письмами и дипломами от редакторов журналов России, Белоруссии и Германии. Проза и стихи Н. Тимохина многократно были опубликованы в различных литературных изданиях России, Украины, Белоруссии и Германии.

В основу новой остросюжетной криминальной повести «Любовь до гроба» известного казахстанского литератора Николая Тимохина, автора остросюжетной повести «Перстень графа Митрофанова», легли реальные события из материалов уголовного дела, имевшего место в середине лета две тысячи шестнадцатого года в одном из казахстанских городов. Любовь и ненависть, измены и предательство, драки и убийства делают сюжет этой драмы еще более захватывающим. Повесть рассчитана на широкий круг читателей, неравнодушных к проблемам современного общества и напечатана в издательстве MSBooks Publishing, г. Виннипег, Канада, в 2016 г., (ISBN 978-0-9877600-8-1).

Часть вторая

6

Поезд «Алматы — Семей», постояв на разъезде несколько минут, снова набрал скорость. Словно он торопился в Семей, желая как можно быстрее сократить рас-

---

* Окончание. Начало в № 4, 2016 «Приокских зорь».

стояние между злосчастливым прошлым и новым, неизведанным будущим, которое ждало Людку в ее родном городе.

Полдороги было уже позади. И все это время Семакина думала и думала, находясь одна в купе, которое было полностью выкуплено для нее до самого пункта назначения. Одиночество, быть может, это и к лучшему. После нескольких месяцев страшных и непонятных с самого начала событий, происшедших с ней, Людке хотелось побыть одной. Мысли бежали одна за одной, порождая все новые и новые вопросы, на которые она не находила ответов. И, может быть, еще поэтому девушка не переставала пить из небольшой рюмочки дорогой коньяк, стоящий у нее на столике вместе с шикарным букетом цветов в красивой обертке.

Рядом в открытом пакете лежали бутерброды с красной икрой, а в другом — булочки, порезанная небольшими кусочками, и сервелат. А в ее небольшой дорожной сумке, лежавшей на противоположной полке, было вдоволь конины, фрукты и еще несколько дорогих рыбных консервов. Такого запаса еды ей бы, пожалуй, хватило до самого Новосибирска. Денег у Семакиной с собой нет. И удостоверения личности — тоже, потому что оно осталось дома в тот злосчастный день, когда Семакина пошла на квартиру к Виктору, желая его напугать своим заявлением в ментовку. И, естественно, пострадавшая не брала с собой свое удостоверение. Дура, разве так надо было поступить? Сама и попалась к ним в лапки. А к кому именно? Кто в этом виноват, прежде всего? Дипунов или Смирнов? Или может быть — оба?

Чтобы попытаться во всем разобраться, ей надо или поговорить с Алексеем в открытую, или самой попытаться все восстановить в памяти, вспоминая события с самого начала.

Но разговаривать со Смирновым, который ехал в соседнем с Людкой купе, ей не хотелось. Сейчас он выполнял роль ее сопровождающего в поезде или охранника, не более того. И опять непонятно, кто это решил? Смирнов к Людке обращается на «Вы», заболел что ли?

Там, в Алматы, ее похититель был совсем другой, особенно когда в первый день привез ее к каким-то людям... Как выяснилось позже, те, у кого оказалась Людка, занимались поставкой девушек в ночные клубы и другие бордели Алматы. Всеми делами заправляла немолодая женщина казашка. Людке сразу выделили комнату на двоих, в которой уже длительное время жила Наргиз. Эту девушку, как и Семакину, привезли обманом из ее села и заставили работать. Чтобы Наргиз не сопротивлялась, ей, как и Людке, постоянно давали какие-то психотропные лекарства. А иногда делали уколы. После них все проблемы пленницы уходили куда-то сторону, и жизнь начинала казаться интересной, мысли полностью отсутствовали. А голова была словно пуста.

У Людки была своя кровать с чистым бельем, платяной шкаф с хорошей и модной одеждой по ее фигуре. На ее столике никогда не переводилась косметика и различные крема.

Кормили их с Наргиз не деликатесами, но всегда вкусно и сытно. Наличных денег Людка никогда не имела, мобильный телефон ей не полагался. Звонить никуда не разрешалось. Также как и выходить в любое место без разрешения и сопровождения. Семакину, как и остальных жриц любви, всегда охраняли крепкие парни. Причем делали это так старательно, что даже сопровождали в туалет, если, к примеру, девушка в тот момент находилась где-нибудь на выезде.

У этих людей, которые держали Людку в сексуальном рабстве, были и другие девушки, с которыми она не очень виделась, только если на крупных вечеринках, куда их свозили сразу на нескольких машинах и из разных мест.

Про саму работу, если так можно было назвать те издевательства, которые выпадали на ее долю, Семакиной вспоминать не хотелось. Но все же придется.

Поезд снова набирал скорость, и колесные пары на стыках застучали все сильнее. Людка посмотрела в окно, отпила глоточек коньяка из рюмки и снова задумалась. Из этого плена она бы никогда не выбралась, даже если бы как-нибудь убежала и сообщила в местную полицию! Смешно! Ее бы сразу вернули назад, да еще бы наказали. Значит, с ней что-то такое произошло, о чем она не знает. И кому-то очень стало надо, чтобы Людка вырвалась из этих пут. Итак, значит надо все вспоминать не сначала, а с конца.

Что же было? Однажды в комнату, где жила Семакина с Нагриз, зашла их хозяйка и сказала:

— Девочки, сегодня вам предстоит важная работа. Вы поедете в дом к одному очень большому человеку. Там будете делать все, что от вас потребуют и даже более того. Человек этот очень важный. Если вы ему понравитесь, то, считайте, вам повезло, а если нет, то тогда мне даже страшно и подумать о том, что вас будет ожидать. Одним словом — собирайтесь, красавицы, прихорашивайтесь. Примите душ. Если кому надо, то мы привезем сюда парикмахера. На все, про все, даю вам час!

Девушек привезли в частный крутой коттедж. Надо признаться, что за время своей работы в Алматы Людка успела повидать и не такие домики. И все же девушку это место впечатлило. Коттедж был настолько многокомнатным, что Семакина так и не поняла, сколько всего мужчин в нем отдыхало. Но девушек легкого поведения туда свезли на двух легковушках.

Проведение данного вечера мало чем отличалось от тех гулянок, в которых Людка и раньше участвовала. Сначала гремела музыка, алкоголь лился рекой. От продуктов ломились столы. Затем стали выступать какие-то певцы из России, имена их Людка не запомнила, потом выступление циркачей, фокусника и акробатов. Дальше — недолгий стриптиз от двух девушек до полного раздевания с прокручиванием на шесте с такими силовыми номерами, что их тела принимали вертикальное положение вниз головой вдоль шеста, а ноги были разведены в разные стороны параллельно полу. Как только эти стриптизерши держались на шесте и не падали — непонятно.

В довершение всего праздника или, наоборот, в преддверии его самого интересного продолжения, по залу, по кругу перед сидящими мужчинами прошлись несколько обнаженных девушек, покачивая бедрами. Среди них, конечно же, была и Людка.

А потом Семакину забрал на всю ночь к себе один влиятельный немолодой человек. Хотя всем папикам на этой вечеринке уже было хорошо за сорок. Но Людку это нисколько не напрягло. Она привыкла. Ведь в начале вечера, когда Семакина сюда ехала, ее сопровождающие тихо шептались между собой, что сегодня там будет развлекаться сам дед. И это для него все организовано.

Странно, а девушка, к своему удивлению, никакого деда среди присутствующих гостей и не заметила. Только одних мужиков, которым уж перевалило за сорок. И того мужчину, с кем она провела всю ночь.

Людка сделала еще небольшой глоток коньяка. Пить уже не хотелось. Но мысли сами по себе навязчиво лезли в голову, выгалкивая одна другую, тем самым рождая все новые и новые воспоминания последних событий пребывания девушки в Алматы.

Семакина посмотрела в окно и с грустью поняла, что среди такого большого количества мужчин, с которыми она по воле судьбы переспала, не было ни одного самого ласкового, желанного, приятного, нежного. Из всего ее окружения, на сегодняшний день, таким бы мог стать только Семен Шадров. Но... Она, дура, сама его отвергала и потешалась над ним. А теперь часто его вспоминала. И даже пожалела, что не Шадров стал первым ее мужчиной. Да лучше бы она ему отдалась! Но нет, Семен бы никогда не воспользовался этим! Он не такой. Он настоящий мужчина.

Готовый за нее на все. Ведь он даже ей стих посвятил, который она сразу не поняла и не оценила. «Как Данко вырву я сердце, чтоб темноту превозмочь...» Даже так. И где теперь ее Данко? Он, наверное, ее забыл и стал другим. А может быть, у него уже есть девушка, ведь он такой хороший.

А Людка зачем теперь ему? Кем она стала за это время, какой? Нервной, потому что ее постоянно пичкали какими-то препаратами, от которых, стоило Семакиной лишь немного выпить с клиентами, когда они угощали, «сразу начинало срывать крышу». И не дай Бог, если это случилось в тот момент, когда клиенты, которых девушка почти всех ненавидела, начинали гнуть перед ней пальцы, а ее унижать.

Один раз Людкин клиент так получил от нее в челюсть стоящим на столе подсвечником, что мужчину с переломом сразу же увезла скорая, записав инцидент как несчастный случай — «падение с лестницы». Ведь пострадавший был непростым клиентом и ему разборки с полицией были крайне противопоказаны.

И другому своему обидчику Семакина, выпив слегка водки, так указательным пальцем засветила в глаз, что чуть не сделала из мужика Циклопа.

Но из всех своих клиентов она все же могла выделить одного, самого последнего, с которым их свела судьба в загородном коттедже. Как и полагается в ее работе, Людка показала мужчине в моменты их близости все, что она знала и могла. Сначала Семакина относилась к нему как просто к клиенту, получающему услуги от жрицы любви. Но потом, в какой-то момент, Людка, по необъяснимой причине, стала обнаруживать к нему непонятное теплое чувство. Нет, это не была любовь. Но оно шло из глубины души девушки.

И мужчина был нежен и ласков с девушкой. А утром его вдруг потянуло на откровенный разговор с Семакиной. У нее уже были пару раз нетрезвые подобные собеседники. Одному Людка пожаловалась, что родилась в детдоме, и прямо из него девочку в нежном возрасте похитили злые дяди и привезли на эту работу. А второму, он был, кстати, журналистом, призналась, что является дочерью американского дипломата, и ее выкрали у влиятельного папочки, под залог большой суммы баксов. А когда богатый родитель не смог выкупить свою дочь, то ее сразу же отдали в рабство. Журналист все только успевал записывать. А потом своего не упустил и поступил с Людкой так же, как и все его предшественники, кобели.

Но своему последнему клиенту, имя которого она даже и не узнала, да ей и не полагалось задавать подобные вопросы, Людка все же открылась. И рассказала, что родилась и живет в городе Семее, это отсюда всего тысяча км. Отца своего не помнила с самого детства. Что девочку воспитывала сначала одна мать, а потом и отчим, чью фамилию Семакина и носит до сих пор.

А мамина фамилия — Лескина. И мама рассказывала, как в школе ее дразнили «леской». И поэтому мать не захотела на свою фамилию записывать дочь. А еще и потому, что у женщины была несчастная любовь с Людкиным отцом. И фамилия Лескина могла бы повторить свою печальную судьбу в следующем поколении. А еще мама упоминала о том, что когда они с мужем ссорились, то она его дразнила «старым дедом». Людка не знает, зачем и почему она так его называла, ведь ее отец был молодым. И в конце своего рассказа девушка уверенно заявила, что когда вернется домой, то обязательно у матери все выспросит про своего отца. А если мать ничего вразумительного ей не скажет, то тогда Людка направится в паспортный стол или в ЗАГС и станет поднимать документы прошлых лет. Она все равно докопается до истины! И точно узнает все про отца!

Собеседник слушал Людку, не перебивая. Лишь только на его лице дергались желваки. А когда Семакина упомянула про «старого деда», ее клиент, наверное, обидевшись, и накрывшись простыней, сразу же встал с кровати и, собрав свою одежду, зашел в ванную комнату.

А когда немного погодя мужчина вышел из нее, то это уже был совсем другой человек. Он, стараясь не смотреть Людке в глаза, попросил, чтобы она оделась и приготовилась уходить.

— Вы сейчас поедете на новое место,— Семакина не помнила ни одного случая, чтобы кто-то из клиентов к ней обращался на «вы». Наверное, у дяденьки совсем по старости «башню свернуло» или он пожаловаться решил на девушку ее руководству, только и успела подумать Людка. Но услышала: — И поживете одна несколько дней в гостинице. А потом вас отправят к себе домой, в ваш город,— так сказал этот непонятный человек.

Вот и все. Так неожиданно подошло к концу Людкино пребывание в Алматы. А дальше у Семакиной началась другая жизнь.

7

В последнее время у криминального авторитета Деда, по фамилии Деденко, дела, что называется, шли в гору. Он уже открыл в Алматы несколько ночных клубов и других развлекательных заведений, для работы в которых требовались красивые и привлекательные девушки «нетяжелого поведения», умеющие развлечь любого мужчину. Одним словом — путаны. Хоть Алматы город и большой, но для такого рода деятельности много девушек в нем не отыскать. Лучше всего для таких занятий их привлекать из других небольших казахстанских городов. Этим делом в последнее время и занимался Дед. У него в подчинении были люди, которым он доверял. Один из таких — это Марат (он же Марик). И несколько молодых бойцов, исполнителей его поручений. К ним относился и Алексей Смирнов (Смирный).

Хорошо организовав бизнес в некоторых городах Казахстана, Дед уже метил выйти на рынок Китая. Это очень выгодно и прибыльно. Все под рукой, рядом. Народу там, как известно,— валом. Значит, спрос всегда будет рождать предложение. И, наконец, Китай одна из мировых экономических держав, которая по своему статусу может конкурировать только с Америкой. Как переправлять туда девушек и на каких условиях, Дед уже продумал. Но, в любом случае, такое мероприятие на самых первых порах требовало постоянного капиталовложения. И Деду стали нужны партнеры по бизнесу. У него сохранились старые связи, бывшие заключенные, с которыми он мотал срок. И вот с двумя из них он уже предварительно договорился о совместном бизнесе. Партнеры все будут работать сообща и совместными усилиями выйдут на многомиллионный китайский рынок.

Дед уже давно собирался пригласить к себе в гости этих важных людей, своих партнеров по новому делу. И поговорить с ними с глазу на глаз обо всех деталях. По разному стечению всевозможных обстоятельств и всех сторон, не находилось времени на такую встречу. Лишь только этим летом такая встреча стала реальной. Гости выразили свое согласие. И в один из дней, в коттедже, принадлежащем Деду, было все организовано для их пышной встречи.

Марик и Смирный сбились с ног и разбились в лепешку, чтобы услужить своему шефу. И все прошло по самому высшему уровню. Сначала гостей развлекали музыканты из России, затем выступали артисты цирка, гастролирующие в эти дни в Алматы. Потом было коротенькое выступление без всякой одежды акробатов на шесте. В самом конце Марик привез в коттедж кучу девиц, которые устроили перед гостями голое шествие. Благо, что друзьям Деда все пришлось по вкусу. И, конечно же, последнее шествие девушек. Несколько из них были оставлены в коттедже до утра, а остальных отправили назад.

Деду приглянулась одна миловидная совсем еще молодая девушка. И он пригласил

сил ее к себе в комнату. Почти до полуночи они занимались взрослыми делами. А утром дед почувствовал какое-то особое влечение к этой юной красотке. Любовью это назвать было бы преждевременно, мужчина считал, что он уже вышел из этого возраста. Но Деду очень хотелось просто побыть в обществе девушки и поговорить с ней откровенно о жизни. Его тянула к ней какая-то необъяснимая сила. Мужчине просто хотелось на нее смотреть и смотреть. Находиться с ней рядом и дышать одним воздухом.

Он понимал, что они разные, и общих интересов, как и тем для разговора, у них просто не существует. И все же Дед, на свою беду, разговорил Людку.

И невольно вспомнил свою жизнь с того самого момента, когда освободился после первой отсидки по малолетке. Почти сразу же, гуляя на свободе и наслаждаясь ей в полной мере, а также радуясь жизни, он познакомился с молоденькой девчонкой, чем-то сильно похожей, ну как две капли воды, на ту, что сейчас находилась рядом с ним и называла себя Людой. Деденко влюбился в девушку по фамилии Лескина. Ему было весело называть ее не по имени, а по прозвищу, которое он ей придумал с первого же дня их знакомства — Леска. И в защиту столь странного прозвища молодой человек говорил, что оно схоже со словом «ласка». А самое главное, что Тань, Марин, Настей везде хоть пруд пруди. Но нет ни одной девушки по имени Леска. И будущая Людкина мать соглашалась со своим избранником. Но когда они ссорились, она его со зла называла «дедом», тоже переименовав его фамилию. При этом нередко добавляя уточнение «старый».

А когда Леска забеременела и вскоре должна была родить, с ее молодым мужем произошла очень нехорошая история, связанная с дракой в ресторане. После чего ее «старый дед» снова загремел за решетку. И теперь уже надолго. Лишенный свободы, он так никогда и не видел свою дочь. После второй отсидки Дед пробовал ее искать, но не знал имени своей кровиночки. А долгие поиски девочки по фамилии Лескина не принесли никаких результатов. Мужчина был упрям в своих поисках. И продолжал безуспешно испытывать судьбу, стараясь найти хоть каких-то молодых носительниц фамилии Деденко. Но все это оказалось тщетным.

И вот, по стечению ужасных обстоятельств, Дед сближается с девушкой, которая по ее рассказам о своей жизни может быть его дочерью. Кроме того, мужчина и сам почувствовал к ней какое-то необъяснимое влечение, не относящееся к проявлению чисто мужской страсти. А, скорее всего, глубоко душевное и сердечное, даже родительское чувство.

У Деда на миг все похолодело внутри. Много, что ему рассказала эта девушка, совпадает с его прошлым. Причем такие факты не придумаешь и не угадаешь. Их надо только знать. Если Людмила, действительно, его дочь, то страшную трагедию, которая по воле злого рока произошла между ними, мужчина не в силах пережить. Да и станет ли он это делать? Как теперь жить дальше? Осознавая, что свою единственную дочь, с которой ты долгое время искал встречи, вдруг познал как женщину! Нет, это какая-то ошибка природы! Такого не может и не должно быть! Это возможно только у животных! А не у человека разумного!

Хотя, может быть, в действительности все не так? Или не все так, как он услышал от Людмилы. Может быть, эта девочка, девушка, что-то выдумала или у кого-то подслушала? Наконец, она могла просто его этим шантажировать? Мужчина все еще надеялся себя как-то этим успокоить. Но не получалось. Девушка не была похожа ни на шантажистку, ни на авантюристку. Людмила своим взглядом и поведением показывала, что ей сильно осточертели все мужики со своими постоянными запросами и изощренными желаниями. И к тому же, девушка у Деда ничего не просила. И, если верить Смирному, то оказалась здесь случайно, только по вызову, и не более того.

Надо было срочно что-то делать. Дед решил на несколько дней устроить девушку в хорошей гостинице, в номере люкс, с предоплатой всех возможных ее расходов, включая питание в номере из ресторана.

А за то время, пока Людмила будет в гостинице, он пошлет своего помощника Марика в Семей, благо, что он город хорошо знает, и даст ему задание. Срочно разузнать все, что можно о Людмиле Семакиной. Для этого Марик должен заехать в Семее в ЗАГС или паспортный стол и любой ценой получить нужные документы. Причем сами оригиналы. Как у Марика это получится — его дело. Пусть выкупает или сворует, но документы должны быть только у Деда. Ведь Людмила, сразу по приезду домой, собиралась искать отца, то есть его — Деда. И по сути, она сама же и надоумила мужчину насчет получения важной информации в горотделе ЗАГСа.

Марик по заданию Деда был в отъезде всего несколько дней. Но Деду показалось, что прошла целая вечность. За это время он закрыл все свои ночные клубы и с нетерпением ждал новостей от своего помощника.

А когда Марик привез необходимые документы, то Дед понял, что самые страшные его опасения оправдались! Людмила Семакина — его дочь!

За многие годы своего существования Деденко немало пережил всякого рода тяжких испытаний. И никогда не терял самообладания и выдержку. Вот и сейчас он хладнокровно принял необходимые решения и с помощью Смирного и Марика приступил к реализации своих планов. Марик должен был купить два билета на поезд до Семей в разные купе. Причем эти купе он должен был полностью выкупить на весь путь следования поезда до места назначения. А Смирный должен был сопроводить Людмилу, до самого Семей, и находиться с соседнем купе, а по приезду лично передать девушку в руки Дипунова. И затем прямо с вокзала в машине Марика, который его уже будет поджидать, вернуться в Алматы.

В день отъезда Смирный негромко постучался в дверь гостиничного номера, в котором проживала Людмила. Но за дверью было тихо. Тогда парень постучал уже посильнее. И услышал недовольный женский голос:

— Ну, кто там еще тарабанит?

— Людмила, откройте, это я, Смирный...

За дверью что-то зашелестело, а потом тот же голос громко проговорил:

— Если ты, гад, пришел меня убивать, то учти, у меня в руке нож и твои кишки вмиг окажутся у тебя на носу!

Находясь все дни в гостинице, Людка не просто отдыхала: отсыпалась, ела и пила коньяк. Она опасалась за свою жизнь. Уж очень неспроста ее отправили из коттеджа в гостиницу. К чему бы это? Она недавно услышала историю о том, как несколько лет назад одну девушку, тоже легкого поведения, за какую-то провинность сначала также поселили в гостиницу, в отдельный номер. А потом она, якобы сама, выбросилась из окна седьмого этажа.

И Людка из своего номера вообще никуда не выходила, лишь принимала еду через дверь от официанток ресторана. И сразу же закрывалась на два оборота, не вытаскивая из замочной скважины ключ. И продолжала попивать коньяк из маленькой рюмочки.

Смирному еще повезло, что он как-то убедил девушку в ее безопасности и на машине Марика они успели на вокзал за полчаса до отправления поезда «Алматы — Семей». Ведь если бы что-то пошло не по плану Деда, не по сценарию, то этим двум парням сильно бы не поздоровилось.

8

Выйдя из вагона на вокзале Семей, Людка и Смирный сразу же увидели Виктора. Новая встреча с ним Семакину не обрадовала, но перекантоваться у него на хате по-

сле поезда она все же согласилась. К тому же выбора у девушки не было. Общение троих людей на вокзале было недолгим. Отозвав Дипунова на минуточку в сторонку, Смирный передал ему заклеенный конверт. И, объяснив, что это деньги, принадлежащие Людмиле, строго настрого наказал ему, чтобы парень у себя дома не забыл их ей отдать. Так Смирный выполнил свое последнее задание от Деда, который не мог передать деньги лично Семакиной. Деденко и не хотел, чтобы девушка знала, чьи это деньги. Пусть это будет просто подарок.

Ступив на привокзальную площадь и отнекиваясь от многочисленных предложений местных бомбил, трое молодых людей сели в машину Марика, который их уже поджидал. Людку вместе с Виктором довели до его квартиры, и, распрощавшись с ними, Смирный и Марик сразу же взяли курс на выезд из города, а затем на алматинскую трассу.

Машина, выйдя за черту города, двигалась почти без остановок на предельно допустимой скорости. И Марик все время обращал внимание на местность, по которой виляла их широкая трасса. Он должен был выполнить важное задание Деда при непосредственном участии Смирного.

Для этого Марик нужно было подходящее место: лесополоса или густые кустарники. Но машину всю дорогу окружала «степь, да степь кругом». Как в известной песне.

Когда вечер стал плавно переходить в темную теплую ночь, и Смирный на заднем сидении машины уже задремал, Марик увидел по ходу их следования долгожданные, правда, редковатые кусты. Другой возможности для выполнения задания Деда у водителя могло не быть. Да и поскорее ему хотелось избавиться от этой проблемы. Марик остановил машину и позвал Смирного.

— А? Чего? Уже Алматы? — спросил парень, неспособный ничего понять.

— Ага, — ответил водитель. — Рио де Жанейро, не хочешь? Выходи и следуй за мной. Мы должны выполнить важное задание Деда. Или ты что-то имеешь против?

Как только они зашли за ближайшие кусты, отойдя от трассы на расстояние видимости машины, Марик встал перед Смирным, спиной к дороге. — Ну, давай быстрее сделаем то, что надо, и дальше поедем, — торопил водителя ничего не подозревавший Смирный.

— Не гони, — оборвал его Марик и заложил свою правую руку себе за спину. — Короче. На тебя Дед сильно осерчал. Косяк за тобой. Ты с этой девкой, с Людмилой, сильно прокололся.

— Так это, ничего... приедем в город, и я попрошу прощения у Деда.

— Такой расклад уже не катит, — резко возразил ему Марик. — Извиняться теперь будешь перед Богом. Пойми меня, ничего личного... — Смирный, наверное, что-то хотел сказать и уже открыл рот, но Марик быстро выбросил свою руку из-за спины, держа в руках пистолет с глушителем. И, направив его на приговоренного к смерти, два раза нажал на курок.

Прозвучали глухие хлопки, и Смирный удивленными глазами, в которых навечно застыл ужас, уставился на Марика. А потом, пошатнувшись и слегка взмахнув руками, тяжело рухнул навзничь. Киллер внимательно посмотрел на бездыханное тело и еще раз выстрелил в него. А затем, не торопясь, сел в машину и помчался в Алматы.

Когда он подъехал к офису Деда и, поднявшись на второй этаж, зашел в кабинет, то увидел своего шефа сидящим в кресле за его рабочим столом. Причем, он также сидел, когда отправлял в дорогу своих подчиненных. Такое ощущение, будто он и не вставал из-за стола.

— Ну, что скажешь? — вместо приветствия спросил вошедшего Дед.

— Все ровно, — доложил ему Марик. — Дело сделано.

— Вольна где? — поинтересовался Дед.— Давай ее сюда. Кстати, сколько там патронов осталось?

— Еще три есть.

— Хорошо, все, можешь идти. Хотя нет, подожди.— Дед словно вовремя одумался.— Выпей со мной с дороги.

— Я это... Дед, не пью сегодня, за рулем и устал сильно,— начал оправдываться Марик, словно что-то предчувствуя.

Но Деденко не унимался:

— А ты газировки выпей, я так хочу! — И, приоткрыв дверцу стола, достал оттуда чистый прозрачный стакан и неполную поллитровую бутылку минеральной воды. Мужчина наполнил стакан и протянул его Марику.— Ну, минералочку, это можно,— даже обрадовался Марик и залпом выпил.— А то ведь и вправду жарко что-то.

Он даже обрадовался, что так быстро отделался от Деда. Недолгоблывал его Марик. И в глубине души он надеялся, что когда-нибудь поднимется и станет серьезным конкурентом Деденко.

Спустившись вниз по лестнице и потянув на себя подъездную дверь, Марик вдруг почувствовал, что его как будто что-то сильно-сильно трянуло. А в животе начался нестерпимый жар с невыносимой болью. Во рту сразу пересохло. Еле передвигая непослушные, словно ватные, ноги, он вышел из подъезда и медленно повалился на правый бок. Марик попытался встать, но всего лишь перевернулся на спину и стеклянными глазами уставился в чистое и голубое небо. Туда, где теперь на необъятных просторах небосвода будет искать свой покой его душа.

После ухода Марика Дед, подождав несколько минут, вытащил пистолет с глушителем и зарядил его. Сейчас перед ним отдельными эпизодами пролетала вся его непутевая жизнь. И то, что она сложилась именно так, а не иначе, винить в этом кроме его самого никого другого не приходилось. Лучшие свои годы Деденко провел в местах лишения свободы. Но судьба смилостивилась над ним и дала ему шанс, когда он женился на своей любимой девушке Леске. Но и тут Дед не смог жить как все люди, по-нормальному. Опять криминал и снова путь — дорога на зону. А что потом? Одиночество, пустота. Гонка за нечестными и грязными деньгами путем прокручивания уголовных дел. Организация притонов с привлечением туда невинных молодых девушек. Которые были кем-то любимыми, чьими-то дочерьми и сестрами. И осознал все это Дед только тогда, когда с ним же самим случилось страшная трагедия — близость с родной дочерью. А после такого — жизнь уже не может продолжаться. Приговор один — расстрел. Выход один — пуля в лоб. И Дед не пожалеет себя: если он жил как сволочь, то и умрет как собака.

Мужчина приставил дуло пистолета к виску и нажал курок.

9

Считается, что возвращаться в прошлое — это всегда плохо. И когда Людка снова, как когда-то, оказалась с Виктором наедине в его квартире, ей показалось, что ничего с ней и не происходило. И она все та же беззаботная и веселая выпускница, которую любит Семен. Но себя никогда не обманешь. И то, что хотелось бы забыть, да не получается, из жизни не вычеркнуть.

В комнате Виктора за это время не произошло никаких изменений. Сразу видно, что пацан сам не убирает, и женской руки тут тоже не чувствуется.

— Ну, что сидим, как на именинах? Хозяин ты или где? Доставай водку и ставь закуску какую-нибудь,— скомандовала Людка и в ожидании развалилась на все том же памятном ей кресле.

Парень уже в первые минуты общения с Семакиной заметил, что она стала совсем другой. Не по годам взрослой, дерзкой, уверенной в себе, наглой и смелой. Но все такой же — притягательной и желанной.

— Ни фиги себе,— подумал Виктор, готовя на стол.— Совсем обурела шлюха. Забыла, как тут охала и ахала на моей кровати. Ну, ничего, еще не вечер, все повторится.

От волнения парень решил закурить и нервно стал себя ощупывать в поисках сигарет. Вдруг он обнаружил конверт, который ему Смирный передал для Людки. Виктор быстро заглянул внутрь конверта и даже присвистнул от удивления. В пакете лежали доллары. Десять банкнот. Тысяча баксов!

— Вот это да! Богатенькая подруга, получается,— размышлял парень.— И еще борзет в моей хате.

Виктор нашел в кармане пачку синего «Бонда» и с сожалением обнаружил в ней последнюю сигарету. С жадностью затянувшись, он сразу же стал соображать совсем иначе.

— Ну, все деньги от меня Людка, конечно, не получит, а то еще морда у нее треснет. Да и за обслуживание надо тоже платить, а то ишь, командует.— Дипунов взял себе триста долларов, а остальные положил в конверт. Потом, пару раз затянувшись, передумал и взял из конверта еще две банкноты. И все равно, как мысленно рассуждал парень, это было неправильно.

— Хватит ей и триста долларов.— Твердо решил он и, положив их в конверт, стал думать, где бы пока сохранить свои семьсот. Его взгляд упал на помятую пачку синего «Бонда», которую он сам же только что бросил себе под ноги. Виктор нагнулся за ней, тщательно ее разгладил и положил туда свои деньги. А пачку сунул в левый нагрудный карман рубашки. И только теперь, уже полностью успокоившись, стал резать колбасу, хлеб и огурец с помидорами. В запасе у него была припасена водка и бутылка лимонада. В ожидании угощения Семакиной не пришлось скучать. Она сидела и все думала и думала. Ей казалось, что никакой поездки в Алматы вовсе и не было. Все это напоминало страшный сон, который уже завершился. И вспоминать о нем она больше никогда не будет. Да и нечего там вспоминать. Разве что последние минуты ее пребывания на алматинском вокзале...

До отправления поезда «Алматы-Семей» оставалось полчаса, но Людка и Смирный стояли у своего вагона и не заходили в него. Было такое ощущение, что кто-то еще должен был подойти. Семакина уже не задавала никаких лишних вопросов. Все равно правду ей никто не скажет, а сюрпризов за последнее время ей хватило.

Среди многочисленных граждан, снующих по перрону, вдруг выделился один мужчина в черных очках. Он был одет очень скромно и просто, и в руках держал большой букет цветов. И когда незнакомец подошел к Смирному, тот сразу же засуетился и сказал:

— Добрый день, шеф!

— Заткнись, идиот,— услышал он в ответ тихий, спокойный голос.— Вот бери конверт с деньгами. Сделаешь все, как я сказал. А сейчас поднимайся в тамбур и жди девушку.

И после этих слов он посмотрел на Людку.

— Людмила, эти цветы Вам. Не откажите, примите их в знак моей чистой и искренней любви к Вам.

Семакина машинально схватила букет и только сейчас узнала в незнакомце того мужчину из коттеджа, с которым она хорошо провела время.

По всему вокзалу прозвучало: «До отправления скорого поезда «Алматы — Семей» остается пять минут. Провожаящих просим выйти из вагонов»...

Девушка уже двумя ногами была в поезде, и тем более у себя в родном городе. И

ей совсем не хотелось даже в воспоминаниях возвращаться в прошлые дела. Но Дед продолжал:

— Поверьте, моя любовь к Вам настоящая, чистая и вечная. Но для меня она стала роковой. Любовью до гроба...

— Мужчина, прошу вас, не нужно так говорить...— тихо сказала Семакина.

А по вокзалу громко раздалось: «Будьте внимательны, будьте осторожны! Скорый поезд «Алматы — Семей» отправляется с первого пути. Отойдите от края платформы. Счастливого пути»...

Смирный протянул руку Людмиле, которая поставила ногу на ступеньку вагона, а Дед, поддерживая ее за талию, помог подняться в тамбур. Локомотив издал пронзительный гудок и резко дернул состав. Вагоны, покачиваясь и постукивая колесными парами, сначала медленно, а потом все сильнее и сильнее набрали скорость и быстро скрылись в северном направлении железнодорожного пути.

— Люд, ты меня, что, не слышишь? — где-то рядом совсем под ухом прозвучал голос Виктора. И Семакина, словно очнувшись, посмотрела на заставленный закуской и выпивкой небольшой столик у кресла.

— Очнись ты, что ли! Хватит мечтать,— продолжал Дипунов.— Слушай, тут тебе твои дружки из Алматы велели мне передать деньги в конверте. Я его не открывал, посмотри.

Людка спокойно глянула в конверт, вытащила из него триста долларов и, усмехнувшись, сказала:

— Ну, ладно, раз так. Значит, будем гулять. Я тогда поживу у тебя с недельку. А потом к матери зайду. Идет? Тогда наливай.

На столе была закуска, которую успел приготовить Виктор: колбаса, салат из огурцов и помидор, кусочки сыра и тонко порезанный хлеб. Парень поставил около Людки большой китайский бокал с массивной ручкой и налил в него лимонад. Запивать. Но Людка быстро выпила почти полный стакан водки и даже запивать его не стала, не то что закусывать. Виктор с удивлением смотрел на нее. «Да-а, Семакина сильно изменилась,— думал он.— Но ничего, обломается, и не без его помощи. Не таких видали».

А Людка, словно читая мысли парня, снова плеснула себе в стакан почти столько же и приготовилась пить.

— Эй, подруга,— только и успел сказать Дипунов.— Ты что, берегов не видишь? Хватит тебе пока пить! А то, неровен час, опять уедешь неизвестно куда. Забыла, что ли, про свое путешествие?

— Ты, мразь подзаборная! — Людка резко соскочила со своего места и, оперевшись двумя руками о края стола, настолько близко приблизилась к лицу удивленного Виктора, что казалось их кончики носа соприкоснутся.

— На кого хлебальник свой разеваешь, ублюдок? — и, схватив двумя пальцами за ручку стоявший на столе бокал с лимонадом, Семакина размахнулась и со всей дури заехала им Дипунову выше левого уха. Удар был такой силы, что ручка у бокала осталась в руках драчуни, а сам бокал с грохотом покатился по полу. И подобно ему, сделав кувырок назад вместе со стулом, к стенке отлетел Дипунов.

Но Людку это нисколько не остановило. И она, кинувшись к лежащему без сознания парню, стала осыпать его тело пинками:

— Что, жертва аборта, смерти своей не дождешься?

Людкино утверждение про жертву аборта, конечно, было глубоко ошибочным. А вот тот факт, что парень невольно стал жертвой уголовных деяний со стороны Семакиной, это бесспорно.

Он лежал без движения, у стенки. От усталости и злости Семакина плюхнулась на рядом стоящее кресло и успокоилась. А потом словно осенило. За что она так из-

била Виктора? Что он ей сделал? Он даже по-честному отдал ей деньги. А ведь мог бы и забрать себе. Значит, он порядочный. А то, что Виктор сразу после выпускного соблазнился на ее девичью честь, так за это Семакина на него не в обиде. Уж лучше он стал первым ее мужчиной, чем кто-то другой в Алматы.

Людка соскочила с кресла и, прильнув к груди парня, дернула его рубашку так, что несколько пуговиц разлетелись в разные стороны. Девушка приложила левым ухом к обнаженной груди лежащего и с радостью услышала его сердцебиение. Семакина сняла с парня его рубашку и, зайдя в туалет, намочила полотенце, желая протереть Дипуну грудь, чтобы хоть как — то облегчить его страдания. Затем Людка спешно вытащила из кармана его рубашки помятую пачку синего «Бонда» и, не заглянув внутрь, выбросила ее в мусорное ведро. А рубашку затолкала в стиральную машину.

10

Как бы много времени ни прошло после школьного выпускного вечера, с которого Людка так таинственно исчезла, Семен все равно почти каждый день ждал встречи с Семакиной. Парень через несколько дней после пропажи девушки позвонил ей домой. Но Людкина мама, ответив на звонок, сказала, что не знает где ее дочь. А спустя еще несколько дней снова эта женщина по телефону Шадрову сообщила, что Людка сейчас находится в каком-то другом городе, недалеко от нашего. Устроилась там на работу, и как подкопит денег, так сразу же и приедет обратно. Большого от выпившей женщины Шадров по телефону не смог узнать. И стал ждать, когда же судьба станет к нему благосклонна и предоставит ему возможность снова встретиться с Людкой.

Семен в этом году решил никуда не поступать учиться. Успеется. Аттестат у него хороший. А вот подзаработать да скопить денег — это очень надо. И уже сейчас. Впервые, самоутвердиться и стать независимым. И потом, ведь он же мечтает жениться на Людке. А для этого тем более надо иметь капитал.

Шадров в начале лета устроился учеником в одну из городских компаний по производству пластиковых окон. Он старательно выполнял все, что от него требовалось, прислушивался к словам своего мастера и присматривался к его работе. И через месяц Семен уже мог выполнять заказы как самостоятельная единица. Он собирал стеклопакеты, и если было нужно, то ездил на замеры и установки.

Работа Семену нравилась. И платили молодому специалисту хорошо, оклад плюс проценты от заказов. Парень так увлекался своей работой, что во время ее исполнения, то есть до самого вечера, он не думал ни о чем постороннем. А придя домой, Семен, конечно же, начинал мечтать о своем будущем, в котором он видел себя только вместе с Людкой. И хотя надежды парня не были пока оправданы, а его радужные мечты не имели основы, но все равно от таких мыслей у него на душе становилось теплее.

Однажды, в конце лета, после обеденного перерыва у Шадрова зазвонил его мобильный телефон, и он услышал знакомый женский голос:

— Семка, это ты? Приветик, дружок! Ты меня узнал? Ой, ой, смотрите-ка, вспоминал чуть ли не каждый день! Ну, как поживаешь-то? Скучаешь? А ты не парься. В субботу или в воскресенье я буду собирать на вечеринку своих друзей, узкий круг, и тебя приглашу. Придешь? Прибежишь??? Смотри, не споткнись. Я еще позвоню тебе. Ну, пока.

Домой после работы Семен пришел таким веселым, как никогда. Казалось, его радости не было предела, и она выражалась во всем. Его мама решила узнать причину ликования своего сына.

— Сема, тебе зарплату повысили? Или с девушкой познакомился?

— Ты почти угадала. Про девушку. Представь, мне сегодня сама позвонила, угадай кто? Не можешь? Людэ Семакина! — на одном дыхании произнес парень.

— О, господи, я-то думала! — не разделила радости Семена его мама. И продолжила: — Откуда она только взялась? Свалилась как снег на голову. И что ей надо на этот раз? Деньги?

Но настроение Шадрова, казалось, ничего не могло испортить. И он не обратил внимания на издевки:

— Люда ничего от меня не просит, а наоборот, приглашает к ней домой, в эту субботу на вечеринку.

— Ты бы не ходил туда, сынок! Не нравится мне все это. Как почему? Там будут незнакомые тебе мальчишки. Они, естественно, напьются, да еще и подерутся из-за девок.

— Ой, мама... Хватит, а? Что я маленький, что ли? Я люблю Люду и хочу сделать ей прямо там, в субботу, предложение руки и сердца. А чтобы ты была в курсе событий, я тебе скажу адрес, где буду находиться. Ты можешь мне звонить на мобилу, если захочешь. Идет?

Женщина слушала сына, не перебивая. Она была уверена, что эта сомнительного поведения девчонка не согласится на предложение Семена. Не готова эта девица к семейной жизни. А Шадров продолжал:

— Мам, мне надо с тобой серьезно поговорить в связи с этим. Даже попросить поддержки.

И Семен сказал, что, собираясь сделать Людке предложение, он хочет подарить ей колечко с небольшим бриллиантом. Но для этого ему надо у мамы попросить в долг тысяч двести тенге.

— Ого, ну ты даешь! — возмутилась женщина.— Такие деньги! Я верю, верю, что ты отдашь... Куда денешься! И помню про выпускное платье, и знаю, что ты вернул мне долг за него. Но ведь такая сумма, двести тысяч! Это твоя зарплата за весь квартал!

До субботы оставалось еще много времени, если ее приближение ожидать с нетерпением. А если готовиться, как задумано: выбирать и приобретать колечко, то тогда времени было совсем в обрез. К тому же, Шадров захотел сделать на своем подарке гравировку. Для этого парень пошел в ювелирную мастерскую, где на дорогом изделии по заказу Семена сделали надпись: «Люблю тебя до конца жизни». Шадров не думал, что эти слова окажутся пророческими. Казалось, что парень заранее все продумал и ко всему приготовился. Но судьба всегда решает все по-своему, а ее неожиданности нередко бывают роковыми.

Людка своими переменами в жизни, произошедшими после ее неожиданного возвращения домой, была очень довольна и принимала их как должное, как награду свыше за все свои мучения и испытания.

Семакина уже несколько дней подряд жила с Виктором в его съемной квартире, как молодожены, или, точнее, как муж и жена. Хотя любовными их отношения назвать было бы преждевременно. Людка старательно пропивала свои три сотни долларов, которые ей любезно передал Дипунов. И когда девушка в очередной раз уходила в запой, Виктор теперь уже ей не перечил, стараясь не попадаться под горячую руку. В такие моменты парень уединялся на кухне или тупо смотрел в экран телевизора.

Когда у Людки наступало прозрение, то она понимала, что ее денег надолго не хватит. Виктор нигде не работает. И у Семакиной в голове зародился план. Ведь она в Семее сможет для себя найти такое же занятие, как и в Алматы. Только, конечно, она уже будет работать не на какого-то там дядю, а чисто на себя. При этом все же отстегивая определенную сумму тем, кому понадобится. А что? В Алматы она же могла заниматься таким делом, не имея за душой ни гроша наличными, кроме этих трехсот долларов, которые ей вручили непонятно от кого, уже в Семее.

Но в своем городе Людка будет получать почти все! И, сначала, за какой-то пе-

риод накопит на машину. А потом соберет деньги и укатит в Россию. Найдет там богатенького олигарха, а лучше иностранца, чтобы укатить с ним на ПМЖ в Америку или на острова.

Это были не просто мечты на пустом месте. Для их реализации Семакина составила в голове целый бизнес-план. Благо теперь она уже имела горький опыт работы в такой прибыльной сфере услуг.

Чтобы все было легально и законно, Семакина откроет ИП — индивидуальное предприятие, «Службу знакомств». Которое сама и возглавит, но оформит его на Снежанку. Так будет лучше. Обслуживать состоятельных клиентов они станут вместе с Бараковой. Правда, Людка никому еще о своих планах не сказала, но была уверена, что возражений от ее друзей не поступит. В их работе пригодится и Виктор. Первое время он станет искать клиентов для Людки и Снежаны, а дальше видно будет, на что он еще способен.

Теперь Семакиной оставалось только об этом поговорить со своими новыми возможными партнерами и узнать их реакцию. Чтобы одно и то же не повторять дважды каждому, Людка решила собрать у себя, ну, то есть у Виктора на квартире, Снежану и, конечно же, в присутствии Дипунова изложить им свой план. Но чтобы вечер не показался томным и не стал похожим на производственное совещание, нужно его как-то разбавить, то есть устроить вечеринку. И лучшего кандидата, чем старого знакомого Семена, Людке и не придумать. Семакина до сих пор помнила номер его мобильного телефона. И однажды, после обеда, то есть, отрезвев от «вчерашнего», девушка набрала номер Шадрова.

— Лю-ю-ю-да? — услышала она в трубке удивленный и одновременно обрадованный голос Семена.— Вот это сюрприз! Конечно, конечно, я тебя узнал! Ты меня приглашаешь к себе на вечеринку? Обязательно я у тебя буду! Прибегу прямо! А куда приходиться-то? А-а, ты еще позвонишь? Ну, буду ждать! Пока...

Шадров так искренне обрадовался звонку и приглашению Людки, что ей стало заранее неудобно перед парнем. Ведь он на что-то надеется. И рассчитывает больше чем на дружбу с Семакиной. Парень влюбился! Но что может дать ему Людка? Себя? Смешно. Он не такой! Семену надо, чтобы было все серьезно. По-правильному, по-книжному. А Семакиной так поступать и портить свою молодую жизнь еще рано. И вообще, наверное, зря она пригласила Шадрова на субботу. Будет он там только третьим лишним. Ну, да ладно. Посидит пару часиков, выпьет, если он, конечно, употребляет алкоголь. А потом Людка его вежливо так выведет на улицу и отправит домой. Сама же вернется на квартиру к Виктору и начнет важный разговор со своими будущими коллегами по бизнесу. Такой у Семакиной получился план мероприятий на субботу, который возможно бы и состоялся, если бы ни ее безмерное пьянство.

11

В долгожданную субботу Семен был счастлив, как никогда. Наступил решительный день, когда в их отношениях с Семакиной должен произойти коренной поворот. Конечно, только к лучшему, как надеялся парень. Ведь он все продумал, почти до мелочей. Как придет в гости, что скажет Людке и как вручит ей подарок. Главное — не разволноваться. Он так готовился к этому дню, когда увидит Семакину снова! Так ждал этого момента, когда подарит ей кольцо, что старался все сделать торжественно и красиво, как в последний раз.

Купив большой букет цветов, бутылку шампанского и коробку конфет — «набор джентльмена», Шадров пошел навстречу своему счастью. Семакина, хорошо напившись еще с утра, принимала своих друзей в комнате. У стенки стоял небольшой столик с угощениями и выпивкой. За ним сидел с радостным видом Семен, а напротив —

виновница его торжества Людка. Снежана нашла себе место на кресле и уткнулась в телевизор, потягивая коктейль из высокого стакана. А рядом с ней на полу примостился Дипунов и от скуки уставился в телевизор.

Семен не сводил глаз с выпившей и находящейся не в лучшем своем виде Людки. И все же, в предвкушении того, как любимая отреагирует на его подарок, Шадров просто находился на пике счастья. Он так разволновался, что сердце в его груди готово было выскочить наружу. Наступил самый ответственный момент. Парень налил себе шампанского и, чокнувшись о стакан с водкой, который крепко держала в руке его возлюбленная, быстро выпил. А затем, поднявшись из-за стола, протянув Людке бархатную коробочку с золотым кольцом. Семена нисколько не смущало присутствие в комнате посторонних людей. Наоборот, пусть они будут свидетелями зарождения его с Семакиной новой жизни.

И тогда Шадров, глядя в пьяные глаза девушки громко и четко произнес: «Людочка, выходи за меня замуж!».

Семакина, приняв дорогой подарок, также громко и уверенно пообещала: «Я подумаю». Такое неожиданное развитие событий не могло оставить равнодушной Снежану. А, может быть, она так сильно прониклась происходящим, что сказала сидящим за столиком:

— Молодежь, а вы бы уединились на кухне и там бы решали свои важные личные дела. А то, что при людях-то?

И как только Семен и Людка закрыли за собой кухонную дверь, Баракова пересела из кресла на пол поближе к Виктору.

— Витек, а Витек,— несильно потрясла его за плечо девушка.

— Мм?

— Ты помнишь про наш спор? Ну, как какой? Вспоминай. Я ведь тебе проспорила...

— Чего проспорила? — не понял парень.

— Ну, как чего? Себя!!

— И что?

— Ну, как что? — не унималась Снежана.— Я готова вернуть тебе свой долг. Не люблю быть должницей...

Со стороны этот разговор походил на диалог двух идиотов.

— Ой, упокойся, а? — Виктор еще хотел что-то добавить, но молодых людей прервал неожиданный шум из кухни: звон разбитой посуды и глухой звук от падения чего-то большого на пол. Как будто упал мешок с мукой. И тишина...

— Что это? — насторожилась Снежана. И сказала Виктору: — Иди, посмотри.

Но дверь из кухни сама медленно открылась. Оттуда вышла бледная, потерянная Людка и взволнованно проговорила: «Что делать? Что делать?» В предчувствии беды Виктор резко вскочил с пола и, оттолкнув Семакину в сторону, бросился в кухню.

А там, на полу, на правом боку лежал Шадров и, зажав двумя руками живот, корчился от боли. Рядом с ним валялся окровавленный кухонный нож, которым еще совсем недавно Виктор так мирно резал продукты. Схватив кухонное полотенце, первое, что попало под руку, Дипунов попытался хоть как-то приостановить кровотечение у пострадавшего. А затем, перетащив вместе со Снежаной раненого парня в комнату, вызвали по мобильному скорую помощь.

Бригада медиков приехала быстро, в течение нескольких минут, словно только и ждала этого вызова. И, увидев состояние потерпевшего, сразу же положили его на носилки и понесли в карету скорой помощи. В подъезде им помогал Виктор. А двери придержали открытыми два полицейских с автоматами Калашникова, прибывшие по оповещению, поступившему от скорой помощи.

После осмотра помещения, в котором произошло преступление, полицейские задержали трех подозреваемых — Виктора, Снежану и Людку, в преднамеренном убийстве гражданина Шадрова, смерть которого от потери крови наступила в карете скорой помощи, когда она была на полдороге к хирургическому отделению ургентной больницы.

О летальном исходе потерпевшего полицейским сообщили по телефону незамедлительно.

Смерть близкого человека всегда является тяжелой утратой для его близких родственников. Но когда это не просто смерть, а гибель своего дитя, такое наказание судьбы для его родителей — крест на свою жизнь.

Это неправильно, когда родители хоронят своих детей, это ошибка природы! Сбой в работе большого и жизненно важного механизма матушки Земли. Так не должно быть, но так иногда случается. Когда сын или дочь уходят из жизни молодыми и красивыми не по причине тяжелой болезни, а по стечению каких-то трагических, уголовных обстоятельств. И тот, кому приходилось это испытать и перенести, как никто другой, смог бы понять угнетенное и потерянное состояние матери Шадрова.

Она плохо помнила похороны сына, на которых присутствовало так много народа, особенно молодежи, что у ее сына, наверное, при жизни не было столько друзей. Мама Шадрова мало выходила на улицу и почти не встречалась ни с кем из соседей по дому. У нее было тяжелое гнетущее состояние, от которого не помогали никакие успокаивающие средства. Но как-то отвлекаться все же надо было.

Телевизор женщина давно уже не смотрела, даже не включала его. Лишь только покупала местную газету и без особого интереса, а, скорее всего по привычке, прочитывала ее до самого последнего объявления, обращая внимание на раздел новостей.

В один из вечеров, когда после похорон сына прошло уже достаточно много времени, в свежем номере еженедельной городской газеты женщина стала читать раздел криминальной хроники. А в нем третьим сообщением была размещена большая статья. В ней сообщалось о жестокой и драматичной истории, имевшей место в городе Семее, в середине лета. И вся суть статьи излагалась в следующем:

«Недавний выпускник одной из средних школ нашего города Семен Шадров, (здесь и далее все имена и фамилии в интересах данного уголовного преступления изменены), подарив своей девушке золотое кольцо, сделал ей предложение. А любящая в ответ убила молодого человека, зарезав его ножом.

Главным фигурантом возбужденного по данному факту уголовного дела является недавняя выпускница средней школы Людмила Семакина.

Эта молодая особа ранее к уголовной ответственности никогда не привлекалась. Но сразу по окончании школы она некоторое состояла в организованной преступной группировке (ОПГ), базировавшейся в Алматы, под руководством известного криминального авторитета по кличке Дед. Группировка занималась крышеванием девушек, оказывающих сексуальные услуги состоятельным клиентам. А также их насильным привлечением к занятию проституцией из разных регионов Казахстана. Именно оказанием подобных услуг и занималась в Алматы гражданка Семакина. Цель ее возвращения домой не известна, но по приезду обвиняемая нигде не работала и постоянно находилась в нетрезвом состоянии. Хотя Семакина не считала себя спившимся человеком.

На суде обвиняемая коротко заявила: «Когда выпью, у меня бывают провалы в памяти». Семакина долгое время, еще со школы, поддерживала приятельские отношения с потерпевшим. Хотя Шадров испытывал к обвиняемой настоящие нежные чувства и уже строил планы на их совместную жизнь, но в один прекрасный день все планы влюбленного юноши были перечеркнуты недрогнувшей рукой Семакиной.

Хотя Семен, что называется, был готов «положить весь мир» у ее ног. И все бы ничего, но в материалах дела имеют место отрицательные обстоятельства. Людмила относилась к своему обожателю крайне холодно. Она хоть и встречалась с Шадровым, но оставалась равнодушной к его ухаживаниям и полностью отвергала попытки молодого человека приласкать себя.

И все же Семен попытался очаровать свою любимую окончательно и бесповоротно. А чем можно было подкупить строптивую девушку? Конечно, какой-нибудь дорогой безделушкой. Так как своих денег у Шадрова не хватало, то он обратился за помощью к своей маме, захотев купить золотое кольцо, чтобы сделать Семакиной предложение.

Женщина вместе с сыном поехала в ломбард, где и купила золотое кольцо. Взяв его, Семен пошел в ювелирную мастерскую, и на дорогом изделии сделали текст-гравировку: «Люблю тебя до конца жизни». Шадров и предполагать не мог тогда, что эти слова окажутся пророческими. В предвкушении того, как любимая отреагирует на бесценный подарок, парень находился на пике счастья. А тут Семакина сама дала о себе знать, позвонив Семену по сотовому телефону. Шадров, естественно, согласился. На это свидание Семен летел как на крыльях. Наступил решительный день, когда в отношениях между ним и Людмилой должен произойти коренной поворот. Конечно, только к лучшему, как надеялся Шадров. Когда Семен зашел в квартиру Семакиной, в ней уже находились Виктор Дипунов, парень у которого и жила Семакина, поддерживая с ним интимные отношения, который, кстати, и снимал эту квартиру. Также в квартире еще находилась Снежана Баракова, школьная подруга Людмилы. На вечеринку Шадров, кроме подарка для обвиняемой, принес целый «джентльменский набор»: коробку конфет и бутылку шампанского. Сам он выпивал редко. Но по такому важному случаю влюбленный гость не заставил себя уговаривать и сел за стол, заняв предложенное ему место напротив Семакиной. Надо сказать, что остальные ее двое гостей, уединившись, сидели на ковре на полу и не мешали Людмиле и Семену.

Скоро наступил самый ответственный момент. Шадров встал и протянул любимой бархатную коробочку с золотым кольцом.

«Людочка, выходи за меня замуж!» — торжественно объявил он.

Любимая колечко-то взяла. Но от радости не запрыгала. Наверное, из-за своей нетрезвости не оценила значимости данного события. А по поводу потенциального замужества только и обронила: «Я подумаю». Потом Семакина так прокомментирует этот факт: «Когда я выпью, то у меня бывают провалы в памяти». Девушка, ссылаясь на внезапную амнезию, решительно отказывается говорить, что через некоторое время произошло между ней и Шадровым. А получился совершенно нелогичный шаг с ее стороны. Семен только-только сделал ей предложение, подарив в знак доказательства своих искренних чувств золотое кольцо. И скоро он, обливаясь кровью, уже лежал на полу.

Проходящий по этому уголовному делу в качестве свидетеля Виктор Дипунов дал следующие показания:

«Я находился в комнате вместе со Снежаной. А Семен и Людмила ушли на кухню. Сначала у них все было тихо-мирно, наверное, они о чем-то говорили. Или может чем-то другим были заняты, я не знаю, не прислушивался, так как сам общался с Бараковой. И сейчас не вспомню, сколько точно прошло времени, но вдруг из кухни раздался звук разбитой посуды, это могла быть тарелка или стакан. А потом глухой звук от падения чего-то тяжелого на пол, похожий на такой, когда грузчик сбрасывает со своих плеч мешок сахара или цемента. Я бросился в кухню. Но ко мне навстречу оттуда уже вышла нетрезвая Семакина. Она была бледная, взволнованная и по-

вторяла: «Что делать? Что делать?» Я, оттолкнув ее в сторону, бросился на кухню. И увидел там, на полу, Семена. Он лежал на правом боку и, держась двумя руками за живот, из которого сочилась кровь, корчился от боли. Рядом с ним валялся окровавленный кухонный нож, которым я резал хлеб. Потом я полотенцем, первое, что мне попало под руку, обмотал рану Антона, перетащил его в зал и по сотовому телефону вызвал скорую помощь...».

Также находящаяся в зале суда врач «скорой помощи», сказала:

«По поступившему вызову на пульт скорой помощи о ножевом ранении юноши в живот, я приехала вместе с фельдшером. Осмотрев рану потерпевшего, сразу же решила его госпитализировать. Раненый Шадров на тот момент был еще жив и просил воды. В квартире кроме него находились молодой человек и две девушки. Но я на них внимания не обращала, так как была занята пострадавшим. По дороге в больницу юноша скончался».

Как констатирует судмедэкспертиза, «смерть молодого человека наступила от массивной кровопотери, в результате колото-резаного ранения передней поверхности живота с повреждением желудка и повреждением артерии селезенки».

Так, один-единственный удар, нанесенный рукой любимой девушки, оборвал жизнь Семена Шадрова. Примечательно, что Семакина, против которой возбудили уголовное дело за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, со смертельным исходом, вину свою не признала.

Семакина нагло утверждала, что она не виновата и точка.

Спрашивается, а кто же тогда виновен в смерти молодого человека? По утверждению обвиняемой девушки... сам Семен Шадров.

«Он и раньше несколько раз мне говорил о том, что совершит самоубийство, если я не останусь с ним»,— утверждала Людмила во время прохождения следствия и на самом судебном процессе в городском суде.

Семакина это говорила с полной уверенностью, так как не было свидетелей того, каким образом потерпевший получил ранение. Как бы невольно подчеркивала: не могла она, получившая ценный подарок и предложение от по уши влюбленного в нее парня, нанести ему единственный, но смертельный удар ножом.

«Мой сын суицидальными склонностями не страдал»,— возражала у следователя мама Семена.

Но решающее слово оказалось за экспертами.

«Да, колото-резаное ранение живота у Шадрова находится в зоне досягаемости его собственной руки»,— отмечает судебно-медицинский эксперт.— Но парень не мог сам себе нанести такой удар ножом. Ибо длина раневого канала составляет 14,5 см, а длина лезвия ножа 12,5 см. Значит, удар был нанесен со значительной силой. Если бы потерпевший нанес удар сам себе, то это был бы «щадящий» удар, и причинил бы себе небольшое ранение».

«После нанесения удара со значительной силой, что имело место в данном случае,— вторит ему медико-криминалистический эксперт,— наступает болевой шок — и потерпевший вряд ли мог вытащить нож сам. Также, учитывая сильную степень алкогольного опьянения Шадрова, существует малая вероятность, что он сам себе нанес удар ножом такой силы». Выводы медиков предрешили судьбу несостоявшейся невесты. И городской суд, приговорив Семакину к восьми годам лишения свободы, также обязал выплатить матери Семена в качестве возмещения морального вреда пятьсот тысяч тенге. После вынесения приговора Людмила Семакина подала апелляцию. Приговор так и не вступил в законную силу». Статья написана по материалам уголовного дела...

Когда мама Шадрова прочитала последний абзац статьи, за окном раздалась

сильные раскаты грома, будто несколько бомб взорвались где-то рядом на небе. И сразу сверкнула молния. Пошел сильный дождь. Его крупные капли с такой силой били по земле, будто пытались ее пронзить.

Женщина почувствовала учащенное сердцебиение и поняла, что у нее поднялось давление. Под впечатлением от прочитанного и от сильного волнения она не могла сразу сообразить, где у нее лежат нужные ей таблетки.

Прошло немного времени, но дождь за окном не унимался. А несколько штук таблеток, которые мама Шадрова приняла от давления и сердца, не помогли. Если бы прекратилась эта злосчастная гроза, то женщине сразу бы стало полегче. Но дождь продолжал проявлять свою силу и оказывать влияние на все живое вокруг. Надо было срочно вызывать скорую. Когда женщина все объяснила в трубку диспетчеру скорой помощи, то она в ответ сказала:

— Ждите! Скорая обязательно приедет, только не сразу. У нас очень много вызовов. И у всех давление и сердце.

Легко сказать ждите, когда уже прошло почти сорок минут. Дождь стал затихать. А скорой все нет и нет. Сердце сбилось с ритма и сильно стучало в груди женщины. Становилось все труднее и труднее дышать. Пришлось второй раз звонить на пульт скорой помощи.

— Ожидайте, женщина, машина уже скоро будет, у нас записан ваш адрес. Да, конечно, мы знаем, что входная дверь в вашу квартиру будет не заперта. Я все это передам бригаде врачей по рации, ждите...

Но как можно ожидать, когда так плохо? Стараясь не думать ни о чем, женщина закрыла глаза и вытянулась на диване.

Она в какой-то момент почувствовала неземную легкость. Словно у нее нет тела. А сама она, взмыв высоко-высоко в чистое небо, полетела навстречу яркому свету. И увидела там парящего Семена.

— Мама, и ты здесь?

— Да, сынок. Теперь мы неразлучны... Полетели...

Карета скорой помощи мчалась по вечернему городу, включив сирену. От пожилой женщины Шадровой уже дважды поступал вызов с жалобами на сердечный приступ и высокое давление. Как передали по рации, больная находится дома одна, и дверь в ее квартиру будет не заперта. Бригада скорой помощи спешно подошла к двери и легко толкнула ее. Медики быстро прошли в комнату.

На диване, вытянувшись, покоилась женщина. Ее правая рука безжизненно свисала на пол, словно указывала на лежащую рядом статью о трагической гибели ее сына. А на стульчике, придвинутом к дивану, среди нескольких лекарств и бокала с водой, стояла в рамочке небольшая фотография Семена Шадрова, который в своей короткой жизни страстно полюбил непутевую и коварную девушку — Людмилу Семакину. И эта страсть для молодого человека превратилась в «любовь до гроба».

